

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 3 (11)

2013

Научный журнал
ВЕСТНИК БНЦ СО РАН

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Бурятский научный центр СО РАН»

Главный редактор
чл.-кор. РАН Б. В. Базаров

Редакционный совет

чл.-кор. РАН Б. В. Базаров – председатель
к.и.н. А. В. Дамдинов
акад. РАН А. П. Деревянко
д.и.н., проф. Е. И. Зеленов
чл.-кор. РАН Н. Н. Крадин
чл.-кор. РАН В. А. Ламин
д.и.н., проф. Е. И. Лиштованный
акад. РАН В. И. Молодин

чл.-кор. РАН В. В. Наумкин
д.мед.н., проф. С. М. Николаев
д.и.н. И. Ф. Попова
д.т.н., проф. А. П. Семенов
д.хим.н., проф. В. В. Хахинов
чл.-кор. РАН А. К. Тулохонов
д.б.н., проф. Л. Л. Убугунов
акад. АНМ Б. Энхтувшин

Редакционная коллегия

д.фарм.н., проф. Т. А. Асеева
к.ф.н., доц. Л. Д. Бадмаева
к.и.н. Г. Д. Базарова
д.и.н., проф. М. Н. Балдано
к.и.н. В. Ю. Башкуев – ученый секретарь
д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова
к.б.н. И. К. Дамбуева
д.ф.н. Л. С. Дампилова
д.и.н. С. В. Данилов
д.ф.н. Г. А. Дырхеева

д.и.н., проф. Ю. А. Зуляр
д.и.н., проф. С. И. Кузнецов
д.и.н., проф. Л. В. Курас – отв. ред.
д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов
д.э.н. А. С. Михеева
д.и.н. Э. А. Николаев – зам. отв. ред.
к.и.н. С. Чулуун
к.ф.н., доц. Б.-Х. Б. Цыбикова
д.филос.н., проф. Л. Е. Янгутув

Журнал включен в систему РИНЦ

ISSN 2222-9175

www.bscnet.ru/vestnik/

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки «Бурятский научный центр СО РАН», 2013
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

История. Этнография

<i>Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М.</i> Группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества	7
<i>Бадмаева Л. Б., Нимаев Д. Д.</i> Об исторических связях бурят и баргутов	18

Региональная экономика

<i>Базаров Б. В., Доржиева В. В.</i> Анализ инновационного развития и создание инфраструктурных условий формирования инновационных кластеров в Республике Бурятия	26
<i>Потапов Л. В., Добровенский Ю. П.</i> Оценка перспектив развития обрабатывающей промышленности в условиях глобализации. Современное состояние	36

Визуальная антропология

<i>Дашибалова И. Д., Базаров А. А.</i> Бурятская идентичность и три слоя кинодокументальной реконструкции (первая часть)	50
<i>Бураева С. В., Батуринов С. А.</i> Будни довоенной Бурятии: особенности визуальной репрезентации повседневности (1920–1930-е гг.)	59

Буддология

<i>Урбанаева И. С.</i> Буддизм в сравнительном контексте: что такое аутентичный буддизм?	78
<i>Донец А. М.</i> Понятие рода в центральноазиатской буддийской схоластике	87
<i>Донец А. М., Нестеркин С. П.</i> Учение о личности в философии школы Гелук	95

Филология

<i>Рассадин В. И.</i> О соотношении тюркских и монгольских словообразовательных элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности	105
<i>Трофимова С. М., Рассадина В. И.</i> Аффиксальное словообразование прилагательных от именных основ в монгольских языках	111
<i>Петрова М. П.</i> Образ гневного божества в детективном романе Г. Аюурзаны «Шүгдэн»	117

Монголия

<i>Батсайхан О.</i> VIII Богдо Жавзандамба-хутухта – руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года	121
<i>Дашидаваа Ч.</i> Роль бурятских деятелей в демократических преобразованиях в Монголии	138
<i>Болд Р.</i> Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики	143
<i>Цыпилова С. С.</i> Социально-экономическое положение монгольских женщин в 90-е гг. XX в.	155

Китай

<i>Гаппи И. Р.</i> Тибетский вопрос: representation fight	161
---	-----

Физические исследования в БНЦ СО РАН

<i>Цыдыпов Б. Д.</i> Математическое моделирование термического состояния составных катодных узлов сильнотоочных плазменных систем	166
---	-----

Критика и библиография

<i>Николаев Э. А.</i> Постижение мира: взгляд востоковеда	182
---	-----

Научная жизнь

<i>Балдано М. Н., Бураева О. В.</i> Республике Бурятия – 90 лет	186
<i>Сундуева Е. В.</i> Проект «Разработка корпуса монгольского языка» в Бурятии	189
<i>Лепехов С. Ю.</i> Международный суглан тибетологов в Улан-Баторе	191

Юбилей

<i>Курас Л. В.</i> От Капсала до Триполи. К 50-летию доктора исторических наук <i>Э. А. Николаева</i>	194
--	-----

CONTENTS

History. Ethnography

<i>Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M.</i> The Daughter-in-Law Group in the Conceptual Universe of the Mongolian Society	7
<i>Badmaeva L. B., Nimaev D. D.</i> On The Hisstorical Ties between Buryats and Barguts	18

Regional Economy

<i>Bazarov B. V., Dorzhieva V. V.</i> The Innovation-Driven Growth Analysis and the Creation of Infrastructural Conditions for the Formation of Innovation Clusters in the Republic of Burytia	26
<i>Potapov L. V., Dobrovenskii Y. P.</i> The Development Prospects Assessment of the Processing Industry in the Conditions of Globalization. The Contemporary State of Affairs	37

Visual Anthropology

<i>Dashibalova I. N., Bazarov A. A.</i> Buryat Identity and Three Layers of a Documentary Reconstruction (part 1)	50
<i>Buraeva S. V., Baturin S. A.</i> Weekdays of the Pre-War Buryatia: Patterns of Everyday Life Visual Representation in the 1920s–1930s	59

Buddhist Studies

<i>Urbanaeva I. S.</i> Buddhism within the Comparative Context: What is Authentic Buddhism? ..	78
<i>Donets A. M.</i> Concept of the Class (Rigs) in Central Asian Buddhiist Scholasticism	88
<i>Donets A. M., Nesterkin S. P.</i> The Doctrine of Personality in the Philosophy of the Geluk School	95

Philology

<i>Rassadin V. I.</i> On the Correlation of Turkic and Mongolian Word Formation Elements within the Turko-Mongolian Linguistic Unity	105
<i>Trofimova S. M., Rassadin V. I.</i> Affixal Derivation of Adjectives from Nominal Bases in the Mongolian languages	111
<i>Petrova M. P.</i> The Image of Wrathful Deity in the Detective Novel "Shyuden" by G. Aurzana	117

Mongolia

<i>Batsaikhan O.</i> The 8 th Bogdo Zhavzandamba Khutukhta: Leader and Mastermind of the Mongolian National Revolution of 1911	121
<i>Dashdavaa C.</i> The Role of Buryat Figures in the Democratic Transformations in Mongolia	138
<i>Bold R.</i> The Battle of Khalkhin-Gol Revisited: Revision of the Statistics	143
<i>Tsypilova S. S.</i> The Socio-Economic Position of Mongolian Women in the 1990-s	155

China

<i>Garri I. R.</i> The Tibetan Question: Representation Fight	161
---	-----

Physical Research at the Buryat Scientific Center

<i>Tsydygov B. D.</i> Mathematical Modeling of Thermal State for Composite Cathode Assemblies of High-Current Plasma Systems	166
--	-----

Criticism and Bibliography

<i>Nikolaev E. A.</i> The Comprehension of the World: An Outlook of an Orientalist	182
--	-----

Scientific Life

<i>Baldano M. N., Buraeva O. V.</i> The 90 th Anniversary of the Republic of Burytia	186
<i>Sundueva T. V.</i> The “Development of the Mongolian Language Corpora”	189
<i>Lepekhov S. Yu.</i> The International Suglan of Tibetologists in Ulaanbaatar	191

Jubilee

<i>Kuras L. V.</i> From Kapsal to Tripoli. Toward the 50 th Jubilee of Doctor of Sciences in History E. A. Nikolaev	194
--	-----

УДК 94(517)+392.3(517.3)

Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова

ГРУППА «НЕВЕСТКИ» В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ УНИВЕРСУМЕ
МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена исследованию места и роли в традиционном обществе монгольских народов одного из ее членов – невестки, выполняющего важные конструктивные функции в социальном устройстве общества, в ритуальной сфере.

Ключевые слова: социальная группа, невестка, интеграция, социализация, традиционное общество.

B. Z. Nanzatov, M. M. Sodnompilova

THE DAUGHTER-IN-LAW GROUP IN THE CONCEPTUAL
UNIVERSE OF THE MONGOLIAN SOCIETY

The article studies the place and role of a daughter-in-law in the traditional Mongolian society. Being among the main family members a daughter-in-law performs important constructive functions in the social mechanism of the society as well as in the ritual sphere.

Key words: social group, daughter-in-law, integration, socialization, traditional society.

Невестка *бэрэ, бэргэн* занимает особое положение в обществе, свидетельства чему также обнаруживаются в свадебной обрядности монгольских народов. Безусловно, как и в любом другом традиционном обществе, невестка в монгольском обществе обладала низким социальным статусом, находясь в подчинении не только у мужа и его родителей, но и у всех старших мужчин рода мужа. Однако в реальности положение невестки зависело от многих факторов, например от старшинства мужа в семье, его экономического и социального статуса в обществе. Невестка – это женщина, при которой встречают старость родители молодого человека, чаще всего младшего сына в семье, который обязан содержать своих мать и отца, получив от них в наследство все их имущество – дом, скот, кочевой маршрут. Именно такая семья как образец ячейки общества,

в которой реализуются взаимоотношения представителей разного поколения (старика–родители–внуки), всегда была объектом многочисленных исследований ученых.

В традиционной культуре монгольских народов полноценный человек немислим без семьи. Идея продолжения рода как основной долг перед обществом широко отражается в разных жанрах устного народного творчества – поговорках, песнях, преданиях, эпосе. Наиболее часто при сватовстве употребляется выражение «Одно полено костер не составит, один человек не продолжит свой род». Кроме того жизнедеятельность одной группы невозможна вне связей с другими группами, а устанавливать связи призваны были дочери.

Только имеющий семью человек становился полноправным членом общества, включенным в экономические и со-

НАНЗАТОВ Баир Зориктеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнографии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nanzatov@yandex.ru.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: sodnompilova@yandex.ru.

циальные сети. При этом статус семейного человека был чрезвычайно важен как для женщины, так и для мужчины. Бобыли и незамужние одинокие женщины относились к самой низкой социальной категории в обществе.

Женщина обязана была выйти замуж и родить детей. Замужество рассматривалось как регламентированный социумом путь перехода женщины в другую возрастную группу. В том случае, если женщина рожала вне брака либо долгое время оставалась несватанной, переход в другую возрастную группу оформлялся посредством ложных браков, таких как «брак с кувшином» (*домботой суулгах*) или с опорным столбом жилища. У баятов «если в какой-то семье, не выходя замуж дочь достигала такого возраста, что думать о замужестве было уже поздно, ее родители совещались с родственниками о проведении обряда «венчания с чайным кувшином» [14].

Рождение детей было очередным этапом социализации невестки в семье, роде мужа. О женщине тогда говорили: «Хун болоо, сээрээ гараа» (Человеком стала, от греха освободилась). У одной из групп западных бурят даже смена девичьей прически на женскую, в две косы, происходила только после рождения ею первенца. Рождение детей обеспечивало женщине спокойную старость в роду мужа. Бездетная женщина не являлась полноправным членом рода мужа и в случае смерти мужа могла остаться без поддержки его родственников. «Бездетная вдова после раздела большой семьи обычно возвращалась к своим родичам, забрав приданое. Та часть приданого, которая была использована в период проживания женщины в большой семье, не компенсировалась» [5, с. 26].

Только после рождения ребенка женщина становилась полноценным членом социума в целом, т. е. как для родни мужа, так и для своих родственников. Так, у некоторых монгольских народов, например ойратов, важнейшая часть при-

даного *энжэ/онч/омч* в виде скота с приплодом передавались молодой женщине ее родителями тогда, когда она приезжала к ним погостить *турхэм уушэлхэ* [1] после родов [Там же, с. 161]. Более жесткие правила в отношениях молодой женщины, вышедшей замуж, и ее рода, соблюдались у баятов Монголии. После замужества новобрачная могла посетить своих родителей только по прошествии двух-трех лет и, возвращаясь к мужу, получала свою личную собственность – дойную корову, верхового коня, овец и другое имущество. Такой длительный срок подразумевал, что у молодой женщины уже появятся дети. «До этого времени молодая семья не имела права кочевать в тех местах, откуда был виден даже дым очага отца новобрачной» [14, с. 50]. Однако при этом сами родители могли навещать дочь, что наводит на мысль, что молодая женщина, став чужой для своего рода, соблюдала вышеуказанные ограничения по отношению к территории рода отца, его домашнему очагу (месту обитания духов предков) и не могла появляться до рождения детей перед духами предков, сверхъестественными существами – *сабдагами* (хозяевами местности).

У бурят, наоборот, новобрачная после свадьбы возвращалась к своим родным. Сроки пребывания в родительском доме были разными: от 10 дней до нескольких недель, а иногда до полугода и дольше [5, с. 197]. При этом муж мог посещать ее в любое время. Такие требования диктовались разными причинами. В случае с бурятами, как отмечает К. Д. Басаева, это были экономические причины – необходимость лишних рабочих рук в хозяйстве отца невесты, ожидание полного возмещения калыма [Там же, с. 134], у узумчин – приготовление части приданого [7, с. 227].

Рождение детей рассматривалось как избавление от негативной женской энергии *бузаар* – греха, скверны в понимании бурят. Эта цель могла реализоваться в основном через брак. Каким

образом мог отразиться на окружающих не направленный в нужное русло грех? На этот счет у бурят существовали определенные представления, которые были описаны С. П. Балдаевым: «У бурят существовало поверье: выдавать девушек замуж, какими бы они ни были, иначе они, умирая в роде отца, после смерти якобы обращались в злых духов и вредили малолетству и младенчеству» [4, с. 20].

Рождение детей меняло статус женщины и в том случае, если она не выходила замуж и рожала детей вне брака – природный «грех» снимался. Об этом свидетельствует обряд, варианты которого отмечены у разных монгольских народов. В традиции тункинских бурят незамужняя женщина, родившая детей вне брака должна была совершить обряд смены прически на женскую: на столб юрты вешали зеркало, рядом с собой она ставила кувшин с архи, делила волосы на две половины и заплетала косы [9, с. 140]. Примечательно, что в киргизском обществе только с вхождением невестки в число женщин-матерей ее статус и отношение к ней менялись, о чем свидетельствует киргизская пословица «Пока кобыла не ожеребится, ее не перестанут называть байтал, пока женщина не родит, ее не перестанут называть келин» [1, с. 262].

Бездетность женщины была большой бедой и рассматривалась как наказание свыше. Незамужние и бездетные женщины становились изгоями в обществе, общения с ними избегали, они не были желанными гостями в доме, а их проклятья якобы обладали особой разрушительной силой. В браке же проблема бездетности могла решиться посредством широко распространенной у монгольских народов традиции усыновления детей родственников. Кроме того, поскольку для многих бездетных семей были характерны повторные браки, старшие жены, не способные иметь детей, всеми силами старались привязать к себе детей от вторых и третьих жен, заменяя

им родную мать. С обретением детей социальный статус женщины менялся, она становилась равноправным членом общества, входя в группу женщин-матерей. У ольхонских бурят, в традиции которых женщина не меняла девичью прическу до рождения первенца, по прошествии трех лет, когда угасала надежда на материнство, замужней женщине все же переплетали волосы в две косы, наделяя ее всеми внешними знаками полноценной женщины. Смысл этого обряда заключался в переходе женщины в другую возрастную группу [5, с. 200]. Для незамужней женщины, не способной родить, такое решение проблемы бездетности было бы невозможно [II].

Таким образом, брак выступал инструментом в процессе социализации женщины, регламентируя ее дальнейшую жизнь. Именно свадебный цикл отличается наибольшим числом обрядовых действий дизъюнктивного и интегративного характера, направленных на выведение из одной группы и включение в другую группу членов сообщества (жениха и невесты). В этой связи существует необходимость более подробного рассмотрения ритуалов свадебного цикла [III].

Интеграция невесты в социум жениха

Интеграция невесты в социум жениха представляет собой в традиции монгольских народов длительный процесс, начиная со сватовства, в течение которого девушка постепенно утрачивает знаки-символы рода своего отца и приобретает новые. Нередко этот процесс начинался до рождения детей – потенциальных жениха и невесты. Активность в выборе невесты проявляли обычно женщины [IV], предоставляя официальную сторону переговоров о браке мужчинам. Имели место случаи, когда о своей избраннице молодой человек сообщал матери, а мать уже осторожно подводила к этой мысли своего супруга. У киргизов после сватов-

ства малолетних связь между брачующимися группами до совершеннолетия жениха и невесты поддерживали женщины [18, с. 21].

Главы семейств, приняв решение стать родственниками, обмениваются кушаками или поясами, иногда комплектами мужских аксессуаров (нож, огниво, трубка, кисет) в знак заключения брачного сговора.

У западных бурят, в том случае, если сын был один, его стремились женить быстрее. Единственному сыну предоставлялось право выбора невесты. Однако в любом случае его выбор согласовывался родителями и родственниками. Большое значение в жизни бурят-шаманистов имели гадания. Мать жениха неоднократно обращалась к шаманкам и ворожеям, а отец посещал шаманов. Ворожбу проводили и сами родители, используя разнообразные бытовые предметы (монета с безрукавки матери жениха [V], рукавица, шило с иглой, лук). Из всех предметов, используемых в гадании, особое ритуальное значение придавалось монете. Если кандидатура девушки устраивала родственников, то родители жениха устраивали жертвоприношение онгонам чадородия, местным старцам и старицам, духам-покровителям улуса и рода. После обряда отец семейства седлал своего лучшего коня, надевал лучшую одежду, брал с собой монету, которой его жена ворожила, и ехал в улус девушки [4, с. 30]. Монету потом, когда родители невесты соглашались выдать свою дочь замуж и принимали отца жениха как свата, последний подносил девушке. Приняв монету, девушка таким образом давала согласие на брак и с этого момента становилась просватанной. Монета получала название *хоолобши* [VI] и использовалась девушкой как нашее украшение. Таким образом, первым символом, которым наделяет сторона жениха девушку-невесту становится нашее украшение-монета с одежды матери жениха.

Свадебный цикл изобилует дисъюнктивными и интегративными действиями, направленными на выведение из одной группы и включение в другую группу членов сообщества (жениха и невесты). Взаимное сближение сторон жениха и невесты осуществляется посредством одаривания одеждой, совместного изготовления постельных принадлежностей и даже деталей войлочной юрты. Основными исполнителями в этих работах становятся женщины и девушки – старшие невестки новобрачных, их молодые родственницы и подруги. Руководят работами матери жениха и невесты.

Главным актом включения невесты в социум жениха было поклонение невесты огню домашнего очага в доме отца жениха, бурханам в ламаистской традиции, *онгонам* – в шаманистской, родителям жениха и его старшим родственникам. Как предполагает Г. Р. Галданова, именно после совершения таких обрядов в прошлом происходило облачение невесты в костюм замужней женщины и смена прически [9, с. 139].

Процесс интеграции невесты, ее рода в социум жениха, продолжающийся в айле его отца, сопровождается дарением одежды. У уратов Внутренней Монголии невеста в доме отца жениха после завершения обряда поклонения бурханам, огню очага, родителям и родственникам жениха получает в дар от его родителей обязательный элемент костюмного комплекса замужней женщины – безрукавку *уужинхай* или ткань для нее. Остановимся на этом элементе женского костюма более подробно. Безрукавка монгольских женщин – предмет полифункциональный. Его главным назначением на протяжении многих сотен лет развития монгольской культуры стало обозначение социального статуса женщины в социуме, определение ее этнической принадлежности. В этой связи интерес представляет архаичная, на наш взгляд, традиция монгольских

урянха шить женский костюм невесты матерью жениха. С. Бадамхатан пишет, что у урянхайцев в период подготовки к свадьбе мать жениха привозит с собой материал для шитья халатов, который и кроит вместе с матерью невесты. После этого она сама шьет женский халат для невесты [3, с. 193]. Полагаем, что этот обычай является отголоском когда-то существовавшей повсеместно в тюрко-монгольском мире традиции, согласно которой сторона жениха наделяла девушку полным костюмом замужней женщины. Он воплощал характерные этнические черты рода жениха и выступал его маркером. Выходя замуж, женщина становилась частью нового для нее рода и должна была отныне носить одежду и украшения рода мужа [VII]. Рудименты этой древней традиции обнаруживаются в обряде укладывания женской прически у разных групп монгольского мира. Так, например, обычай сартулов – дарение новобрачной матерью жениха накосных украшений, расчесывание волос невесты гребнем, принадлежащем матери жениха, касание ее головы ножом жениха или его отца; у халха представители невесты выпрашивали у матери жениха ниточку для кос невесты красного цвета [7, с. 210].

Итак, в айле отца жениха невеста прощается с девичьей прической и облачается в костюм замужней женщины. У всех монгольских народов главный обряд, после которого невеста переходит в группу замужних женщин, происходит с участием двух старших невесток новобрачных. Они расплетают девичьи волосы и заплетают невесте две косы, причем левую косу заплетает невестка со стороны девушки, а правую – невестка жениха. Материалы по свадебной обрядности монгольских народов показывают, что обряд расплетания кос невесты уже не сопровождается какими-либо текстами-формулами. Но сведения, собранные у соседних с монгольскими тюркоязычных народов Южной Сибири, свидетельствуют о чрезвычайной значимости самого

ритуала и его главных исполнителей. «У народов Южной Сибири обряд причесывания невесты обычно совершался представителями двух групп. Так, у теленгитов расплетание волос невесты проводили две женщины со стороны жениха и невесты. Косу с правой стороны заплетала родственница девушки со словами «Я даю ее», с левой – родственница жениха, произнося «Я беру ее» [12, с. 98].

Таким образом, «недостающие» компоненты ритуала, сохранившиеся на периферии монгольского мира, позволяют отнести обряд расплетания кос невесты к важнейшему этапу интеграции невесты в новое сообщество. При этом ритуальная передача невесты от одной группы к другой происходит только с участием женщин – представителей брачующихся сторон.

На этой церемонии девушку лишали предметов-символов, маркирующих ее принадлежность роду отца. Об этом свидетельствует сохранившийся у одной из монгольских народностей – сартулов элемент свадебной обрядности, который утрачен у других монгольских народов: украшения, снятые с девичьих волос, отдавали матери невесты. Однако у других народов монгольского мира, в частности у баятов, невеста и жених обменивались своими украшениями на особом обряде – *сэв нийлуулэх* «соединение волос», когда *бэргэд* соединяли волосы жениха и невесты. Этот обряд назывался также «соединение жизни» – *амь нэгтгэх* [14, с. 41]. Полагаем, что этот элемент свадебной обрядности имеет более позднее происхождение и входит в группу действий интегративного характера, как и совместное изготовление постельных принадлежностей, одежды, изготовление деталей войлочной юрты, ритуальное вкушение пищи молодоженами – действий, маркирующих свадебную обрядность большей части народов Монголии.

В самом выразительном варианте девичьи украшения оставались принадлежностью рода невесты. У теленгитов

части украшений девичьей прически (бусины, раковины) раздавались присутствующим на свадьбе. У хакасов невеста дарила бусины девушке, расплетавшим ей косы [12, с. 98].

С усилением патриархального уклада в среде монгольских народов возрастает роль отца в свадебных обрядах. Так, в частности, у урянхайцев отец, прежде чем его дочь покинет отчий дом, умывает ее лицо [2], тем самым, вероятно, разрушая/смывая связь девушки со своим родом. Это действие в сущности аналогично обычаю дарения девичьих украшений членам отцовского рода.

Чрезвычайно важным ритуальным действием, которое является заключительным в цикле большого обряда «поклон невестки», выступает первое жертвоприношение/кропление огню очага в доме свекра, его бурханам и тенгриям – хозяевам новой для молодой женщины местности. У уратов Внутренней Монголии этому обряду сопутствует ритуал передачи свекровью домашней утвари невестке – новой хозяйке. Свекровь вручает невестке новую ритуальную ложку *цацали* с жертвенными продуктами – маслом, красной сливой и борцокком, которыми невестка делает жертвоприношение огню очага. Затем новобрачная при помощи *бэргэн* варит свой первый чай, которым делает подношение бурханам на божнице и совершает на улице жертвоприношение тенгриям, угощает первым чаем свекра, свекровь и всех присутствующих. *Бэргэн* обращается к свекрови с поэтической речью и просит дать невестке новое имя. Этот обряд наречения новым именем означает, что молодая стала женщиной и полноправным членом семьи [11, с. 70]. Таким образом, изменение статуса новобрачной влечет не только изменение внешних признаков, но и смену имени.

Старшая невестка

В языке тюркских народов употребляются разные термины по отноше-

нию к старшим и младшим невесткам. У тюркских народов к старшей невестке (жене старшего брата или дяди) уважительно обращались *jengd*, младшую невестку называют *келин*. Не является исключением и монгольская терминология родства, хотя, в отличие от тюркских названий, монгольские обозначения, очевидно, происходят от одного слова *бэр* – невестка. Так термин *бэргэн* соотносится со старшими невестками, а младшую невестку называют *бэр*.

Жена старшего брата или дяди – *бэргэн* является одной из самых уважаемых женщин в монгольском обществе. Как правило, самый старший сын становился главной опорой семьи, со временем заменяя стареющего отца. Его супруга также становилась второй женщиной в большой неразделенной семье после свекрови. Обычно в круг ее работ входило воспитание детей, приготовление пищи наравне со свекровью.

Особенно высока роль старшей невестки в свадебной обрядности монгольских народов, которая характеризуется обилием ритуалов, где главными участниками выступают старшие невестки новобрачных. Уже начиная с этапа сватовства, стороны жениха и невесты выбирают невесток, которые будут представлять брачующиеся группы в многочисленных обрядах и соревнованиях, где будут оцениваться достоинства *бэргэд* и достоинства рода в целом. Поэтому на эту почетную роль выбирали женщин благополучных, т. е. многодетных, смелых, хорошо знающих обычаи.

Именно старшие невестки со стороны жениха и невесты совершают ритуал передачи/приема новобрачной из рода в род, участвуют в приготовлении бытовых предметов, имеющих сакральную значимость в жизни каждой монгольской семьи (постельные принадлежности), принимают приданое, готовят убранство новой юрты, застилают постель для новобрачных, помогают невесте варить ее первый чай. Старшие невестки в традиции ойратов, так же как и в традиции

многих тюркских народов, остаются с молодыми в юрте, помогая им раздеться, укладывают в постель. У баятов в более ранние времена *бэргэд* имели обыкновение оставаться с молодоженами, чтобы помочь им советом, особенно жениху [14, с. 47–48]. У мингатов старшие невестки, оставаясь в новой юрте укладывать молодых, также помогали им раздеться: снимали с новобрачного пояс, после чего *бэргэн* жениха покидала юрту, а *бэргэн* со стороны невесты еще задерживалась, помогая девушке раздеться, и затем укладывала молодых в постель [17, с. 60]. Следует отметить, что вообще в традиции монгольских народов оставаться в новой юрте ночевать кому-либо, кроме *бэргэд*, запрещалось.

Главными лицами в коммуникации жениха и невесты в культуре народов Средней Азии также были старшие невестки *женге*, которых Фиельструп называет тетками. Впервые встретиться с невестой, провести с ней ночь жених может с позволения либо ее матери, либо *женге*. Очевидно, что и разная степень участия *бэргэд* в монгольской традиции в обряде укладывания молодоженов в постель, в частности у халха, у которых оставалась в юрте молодых невестка со стороны девушки, обуславливается тем, что «позволение» на брачную ночь новобрачной дает *бэргэн*. Кроме того, предполагается, что пребывание старших невесток у юрты новобрачных в брачную ночь носит защитную функцию – защитить их от сглаза, злых духов [18, с. 22–29, с. 175].

Количество старших невесток, участвующих в свадебных обрядах, могло быть разным: нередко брачующиеся группы назначали и двух женщин с каждой стороны. У калмыков в числе родственников и друзей жениха, отправляющихся за невестой, обязательно находились две женщины-невестки: самая старшая и самая молодая в роду [21, с. 104].

Младшая невестка

В больших неразделенных бурятских семьях, когда вместе с отцом проживали его женатые сыновья, труднее всего приходилось младшей невестке, поскольку она была вынуждена подчиняться и угождать не только старшим родственникам мужа, свекрови, но и старшим невесткам. На долю младших невесток приходились самые тяжелые работы по хозяйству – уход за скотом, обработка шкур, приготовление молочных продуктов, заготовка сена.

И старшие, и младшие невестки должны были соблюдать разнообразные и многочисленные обычаи избегания свекра и других старших родственников мужа [5]. Обычай избегания соблюдался также и по отношению к священным родовым горам, которые почитались как старшие родственники, а также по отношению к солнцу, небу и земле.

Но, в связи с тем, что заботы о родителях возлагались на младшего сына – наследника отцовского дома, всю систему запретов в полной мере должна была соблюдать младшая невестка. В общей сложности Б. Э. Петри зафиксировал 28 запретов, бытовавших во взаимоотношениях невестки и свекра. По наблюдениям К. Д. Басаевой, большая часть запретов оставалась незыблемой, и женщины-невестки соблюдали их в течение всей жизни свекра. Некоторые женщины придерживались строгих правил поведения в доме свекра даже после его смерти. Определенные запреты снимались посредством проведения специальных обрядов по достижении детьми женщины подросткового возраста. Круг этих запретов регламентировал поведение женщины в доме свекра и усложнял невестке работы по хозяйству. Так, в частности, невесткам запрещено было проходить в сакральную часть юрты, где находились *онгоны* свекра, как внутри дома,

так и снаружи [VIII], и чтобы произвести уборку в этой части юрты, невестка вынуждена была обращаться с этой просьбой к дочерям свекра. Право свободно передвигаться по юрте свекра символизировал очередной этап интеграции женщины-чужеродки в социум мужа: невестка отныне становилась хозяйкой юрты. Учитывая тот факт, что дом отца традиционно наследовал младший сын *отхон*, такой специальный обряд официального признания хозяйкой юрты проводился, как правило, по отношению к младшей невестке. Очевидно, что по отношению к младшей невестке соблюдался и ритуал передачи свекровью бытовой утвари как новой хозяйке дома, который не всегда фиксируется исследователями свадебной обрядности, возможно только потому, что такой обряд соблюдался с вхождением в дом самой младшей невестки. Этот ритуал описан выше на примере уратов Внутренней Монголии, аналогичные действия совершались и у других монгольских народов. Так, у халха мать жениха вручает невестке новое деревянное ведро с молоком, накрытым блюдом с ключами от всех сундуков [7, с. 210]. Таким образом, именно младшая невестка становилась хранительницей домашнего очага так называемого «большого дома», дома родителей/предков.

Заключение

Несмотря на большой круг обрядов и действий социального характера, направленных на максимальную интеграцию женщины из чужого рода в семью мужчины, составляющих ядро свадебного и родильного циклов, женщина, тем не менее, остается чужой для рода своего мужа. Как справедливо отмечает Т. Д. Скрынникова, процесс социализации женщины в роде мужа никогда не бывает окончательным. Символом инаковости невестки является прическа замужней женщины – две косы, которые выступают знаком принадлежности жен-

щины сразу двум родам. «С одной стороны, она по-прежнему сохраняет связь с родом отца, являясь в этом смысле чужой для рода мужа, а с другой – через брачные обряды она уже включена в род мужа» [13, с. 43].

Замужняя женщина уже не принимала участия в обрядовой жизни рода своего отца, становясь для него чужой. Выйдя замуж, она отныне поклонялась *онгонам*, *бурханам* социума мужа, *тэнгриям*-покровителям родовой территории мужа. Однако практически повсюду в монгольском мире невесткам запрещалось участвовать в родовых и племенных обрядах почитания верховных божеств, которые покровительствовали земле рода (*тайлганы*, *обо*). У западных бурят невестке запрещалось проходить в *хоймор* – сакральную часть жилища, где располагались *онгоны*, как внутри юрты, так и снаружи, о чем уже говорилось выше. Хотя эти запреты в традиционном мировоззрении объяснялись женской нечистотой – *бузар*, в действительности все же основной причиной запретов была ее принадлежность чуждому роду.

Таким образом, степень участия женщины в ритуальных практиках показывает ее пограничное положение: она становилась чужой для сообщества ее отца и не становилась своей в сообществе мужа. Этому пограничному положению женщины соответствует и экономическая обособленность/самостоятельность замужней женщины. Ее личное имущество *онч/энжэ/омч* в виде скота, украшений, ее приданое принадлежало только ей, им не могли распоряжаться ни ее родственники, ни родственники мужа. Женщина по своему желанию могла одаривать им своих детей.

На инаковость/чужеродность женщины-невестки указывают все формы вознаграждения родственников невесты как за саму женщину, так и за рождение ею ребенка, особенно первенца со стороны рода мужа женщины – калым, подарки, обряды, такие как «укладывание в

колыбель» – *улгээдэ оруулха*, общественный праздник по случаю приема в члены социума новорожденного – *милаага/милаангууд*, на который приглашались самые близкие родственники. В качестве таковых в среде западных бурят рассматриваются родственники со стороны отца, которых считают *халуун*, в отличие от родственников по матери, считающихся *хари* – чужими.

В самой необычной форме *милаага* бытовал у унгинских бурят, главными распорядителями и исполнителями которого выступали женщины улуса, мужчины же приглашались в качестве гостей, а отец ребенка выделял для пиршества кобылицу из своего табуна [19]. Учитывая тот факт, что женщины улуса в идеальном варианте представляли группу родственных невестке женщин, то обряды выкупа проводились по отношению к роду женщины.

Согласно устоявшемуся мнению исследователей монгольского социума, женщина, выйдя замуж, переходила в род мужа и теряла связь с родом отца. Однако такой переход, на наш взгляд, все же был формальным, поскольку практически все замужние женщины на вопрос «К какому роду вы принадлежите?» идентифицировали себя с родом своего отца, а не мужа. На этот момент обратила свое внимание Г. Р. Галданова, которая отметила, что женщины начинали идентифицировать себя с родом мужа лишь достигнув глубокой старости, да и то не все. В традиции западных бурят бытовал обычай навещать место захоронения своего последа на родовой земле, который соблюдали и мужчины и женщины. Этот обычай также указывает на факт сохранения определенной связи женщины с родом своего отца, родовой территорией.

На неразрывную связь замужней женщины с родом отца указывает то, что вдова или разведенная женщина могла вернуться в род своего отца. Для таких женщин в пространстве традиционного поселения выделялось и особое место.

Приведем пример калмыцкого хотона, где проживали представительницы женской его половины, выделившиеся в самостоятельные единицы социума по праву своего положения – вдовая сестра или вдовая дочь отца. Их кибитки как уже не принадлежащих роду отца, иными словами «чужих», располагались немногим южнее, т. е. впереди, с правой стороны от центрального жилища. «Таким образом, кибитка сына стояла в *хотоне* севернее отцовской, младшего брата – на одной линии, дочерей, вновь вернувшихся в отцовское поселение, – южнее» [3, с. 57].

Связь женщины с отцовским родом не прерывается и в кругу родственников мужа. Известно, что в среде монгольских народов широко был распространен обычай авункулата. Как пишет С. П. Балдаев, у бурят «в старое время только такой брак и считался идеальным. Люди, держащиеся за патриархальный уклад жизни, строго соблюдали старую дедовскую традицию. Наиболее ортодоксальным считался кузенный брак между дочерью брата и сыном сестры – и наоборот. Прежде таким браком дорожили и возобновляли из поколения в поколение» [4, с. 24]. Женильбу на родственницах по линии матери предпочтительной считали и калмыки, считая такой брак более прочным. «По такому случаю у калмыков есть пословица: «Мужчина, женившийся на родственнице по линии матери, будет счастлив всю жизнь» [10, с. 249]. Эта традиция является отголоском архаичной системы социальных отношений, когда мужчины имели брачные права на дочерей братьев своей матери. Жена по праву рождения именуется *хуйтэ-суйтэ*, *хун/суйд бусгуй* (у баятов Монголии). Таким образом, в прежние времена брак мог быть заключен внутри группы, и целью такого брака было воспроизводство и укрепление социальных отношений, связывающих две определенные группы. Архаичная стратегия бытования такой формы брака, очевидно, имела под собой политическое основание, а именно

– стремление удержать мужчин внутри матриликальной группы. Впоследствии значимость такой формы брака поддерживалась экономическим интересом: при заключении кузенного брака имущество группы локализовалось в границах данного социума. Помимо соблюдения политических и экономических интересов при заключении такой формы брака имеет значение и степень родственных отношений. Кросскузенный брак содержит идею отсутствия родства как такового, фактически имеет место удвоение отношений преемственности: для невесты свекровью становилась ее родная тетка, для жениха тестем становился родной дядя.

Такой брак, как образцовый, отличался наиболее полным и богатым содержанием ритуального контекста, фольклорного и песенного сопровождения.

О широком бытовании кросскузенного брака свидетельствуют наиболее устойчивые формы бурятского свадебного фольклора:

Из двух головешек
Огонь разводим,
Судьбы двоих соединяем,

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-21-03004 а/Мон.

Примечания

1. У разных народов монгольского мира ритуальное посещение молодой женщиной своих родственников, имеющее общее название *турхэмчилхуй* у уратов КНР, *бэр торхомчлох* у баятов Монголии, *турхэмэлжэ ошохо* у бурят, имеет разное содержание. У ойратов во время такого визита молодая получает скот, являющийся ее личной собственностью, который был подарен ей родственниками в детстве, на свадьбе. У уратов КНР – это очередной этап свадебной обрядности, означающий окончательное породнение сторон, у бурят – это знакомство новорожденного – *ууган* с родными его матери и одаривание его скотом. Этот обряд можно рассматривать как обязательный этап социализации новобрачной в статусе, матери и ее первенца в роду ее отца. Без этого ритуального посещения родство двух групп считалось несостоявшимся. У уратов Внутренней Монголии до официального визита новобрачной к родителям с мужем и свекровью общение между двумя породнившимися сторонами было невозможно: свадьба будет считаться незавершенной или спорной [11, с. 71]. Привлекает внимание тот факт, что молодая при этом визите, будучи в новом статусе, совершает подношение продуктами уже своего хозяйства бурханам отца и матери. Будучи свидетелями современной торгутской свадьбы, которую проводили уже живущие в гражданском браке и

*Далекое приближаем,
Старое обновляем* [6, с. 159].

Устойчивость такой формы брака определяет тот факт, что группу невесток в большинстве своем составляли женщины, принадлежащие одному роду, к которому относились их матери, сестры и т. д. Интеграция невесты в род мужа осуществляется в кругу кровнородственных женщин.

Рассмотренные выше ритуальные роли и функции невесток в свадебной обрядности монгольских народов показывают, что главными акторами в процессе интеграции невесты в новую для нее группу оказываются женщины, мужчинам отводится пассивная роль. В целом невестки образуют большую женскую группу, ядро родового общества, некий рудимент эпохи матриархата, без которого невозможно выполнение множества работ общественного характера, обрядов жизненного цикла, а таковых в жизни монгольских народов было много.

имевшие ребенка молодые, авторы статьи отметили, что одновременно со свадебными обрядами имел место ритуал знакомства родственников невесты с ее ребенком. Одна из молодых родственниц невесты проносила малыша по кругу и каждый, подержав его за руку и понюхав голову, делал малышу подарок (деньгами, обещанием дать скот). Очевидно, здесь имел место рудимент традиционного ритуального визита – *бэр торхомчлох*.

II. Исключением является волшебное обретение детей персонажами бурятских этногенетических преданий: шаманкам Асуйхан и Хусуйхан едва удалось избежать расправы со стороны родственников, которые хотели залить их очаг водой, считая, что одинокие пожилые женщины уже не могут стать матерями.

III. Известно, что в среде монгольских народов широко был распространен обычай авункулата. В бурятском обществе вплоть до 30-х гг. XX в. сохранял свои позиции кросскузенный брак – женитьба молодого человека на двоюродной сестре – дочери брата матери, т. е. *нагаса*. Данная архаичная форма брака считалась идеальной, и во многих бурятских семьях стремились к заключению хотя бы одного брака, отвечающего старинным традициям. При планировании такого брака возрастает активность женщин, заинтересованных в невестке-родственнице. В многодетных семьях претендентов на руку дочери брата могло быть много и сестры старались заключить брачный сговор с братом как можно раньше, свидетельством чему и являются многочисленные случаи заключения брачных договоров между родителями малолетних или еще не родившихся детей.

IV. У узбеков право выбирать невесту также предоставлялось женщинам – матери, теткам, замужним сестрам, но сватами были мужчины [18, с. 55].

V. Мать отрезала от своей нарядной безрукавки с правой стороны верхнюю монету, заговаривала ее и подбрасывала вверх. Если монета падала вверх лицевой стороной, а не гербовой, то задуманное считалось осуществимым [4, с. 30].

VI. *Хоолоби/хоолошио* – название нашейной украшения невесты происходит от слова *хоолой* (шея). В прошлом нашейное украшение представляло собой ожерелье, составленное из разных геометрических пластинок. Позднее такое ожерелье вышло из употребления, его заменили золотые и серебряные монеты.

VII. Сохранение такого обычая у тувинцев и кыргызов в начале XX в. отмечает Л. П. Потапов: сторона жениха готовила не только юрту и ее обстановку, но и шила одежду для будущей невестки и заказывала для нее украшения [16, с. 258].

VIII. Некоторые *онгоны* располагались снаружи юрты, на внешней стороне сакральной северо-западной стены (например, это *онгоны*, покровительствующие разным видам домашнего скота).

Литература

1. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
2. *Бадамхатан С.* Эрдэм шинжилгээний бүтээлүүд. II боть. О свадебных обрядах урянхайцев. – Улаанбаатар, 2004.
3. *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. – Элиста: Джангар, 2005.
4. *Балдаев С. П.* Бурятские свадебные обряды. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959.
5. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. – Новосибирск: Наука, 1980.
6. *Бардаханова С. С.* Малые жанры бурятского фольклора. – Улан-Удэ, 1982.
7. *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. – М.; Л., 1960. – С. 159–269.

8. Галданова Г. Р., Очир А. Традиционная семейная обрядность мингатов МНР // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. – Улан-Удэ, 1988.
9. Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – С. 131–159.
10. Калмыки. – М.: Наука, 2010.
11. Наранбат У. Свадебный обряд уратов Внутренней Монголии // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 56–71.
12. Михайлова Е. А. Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 12–120.
13. Обряды в традиционной культуре бурят. – М.: Восточная литература, 2002.
14. Очир А., Галданова Г. Р. Свадебная обрядность баятов МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 24–56.
15. Очирова Г. Н. Свадебный обряд сартулов Монголии и Бурятии // Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 159–176.
16. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука, 1969.
17. Сономцэрэн Л. Мянгад ястны зан уйлийн тухай товч тэмдэглэл // *Studia museologia*. – Улаанбаатар, 1975. – С. 51–69.
18. Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. – М.: Наука, 2002.
19. Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. III. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960.
20. Хандагурова М. В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во второй половине XX века (бассейнов верхнего и среднего течения рек Куда, Мурино и Каменка). – Иркутск: Амтера, 2008.
21. Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков. XIX – начало XXI в. – Элиста: Джангар, 2011.

УДК 94(571.54)

Л. Б. Бадмаева, Д. Д. Нимаев

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ БУРЯТ И БАРГУТОВ

В статье на основе лексических параллелей рассматривается проблема, раскрывающая роль баргутов в формировании бурятской народности.

Ключевые слова: буряты, баргуты, Хулунбуирский аймак автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики, Россия, Монголия.

L. B. Badmaeva, D. D. Nimaev

ON THE HISTORICAL TIES BETWEEN BURYATS AND BARGUTS

This article considers the issue of the role of Barguts in the formation of the Buryat people based on lexical parallels.

Key words: Buryats, Barguts, Hulun Buir aimag of the Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC, Russia, Mongolia.

БАДМАЕВА Лариса Батоевна – доктор филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: lorabadm@mail.ru.

НИМАЕВ Даба Дабаевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dnimaev@mail.ru.

Вопрос о роли и месте баргутов в формировании бурятской народности весьма актуален и в той или иной мере неоднократно затрагивался в трудах разных исследователей. Этнические общности, именуемые *баргутами*, в настоящее время компактной массой проживают в пределах современного Хулунбуирского аймака АРВМ КНР.

Аймак расположен в западной части северо-восточного Китая, на стыке границ трех государств – России, Монголии и Китая. Свое наименование аймак получил от названий двух известных озер: Буйр-нур и Кулун-нур (Далай-нур). Общая численность населения – свыше 2,5 млн. чел. [I]. Всего здесь проживают представители более чем 30 национальностей или этнических групп. Не китайцы (не ханьцы) составляют примерно 12 % населения, с преобладанием, безусловно, монголоязычного компонента [II].

Кстати, именно в этом аймаке Внутренней Монголии компактной группой проживают буряты, эмигрировавшие сюда в 1910–1920-х гг. Их численность – 7632 чел.: в *Зүүн Сомоне* (Восточном сомоне Эвенкийского хошуна) проживает 3012 чел., в *Баруун Сомоне* (Западном сомоне Эвенкийского хошуна) – 2240 чел., в других местах – 2380 чел. [III]. Это в основном потомки тех агинских бурят трех сомонов Цугольского хошуна (Борзя-Шэнэстуйского, Бэлигтуйского и Хуандинского), которые в 1920 г. эмигрировали на территорию Внутренней Монголии. По данным архивных материалов, из Борзя-Шэнэстуйского сомона перекочевали 373 семьи, в т. ч. 925 мужчин, 246 женщин; из Бэлигтуйского – 126 семей, в т. ч. 261 мужчина, 246 женщин; из Хуандинского сомона – 381 семья, в т. ч. 1483 мужчины, 1452 женщины.

Небольшой процент бурятских эмигрантов в Шэнэхэне составляют выходцы из Баргузинского, Хоринского, Бичурского, Селенгинского, Джидинского районов Бурятии. По информации шэнэхэнских бурят, в Хулунбуире про-

живают потомки не только забайкальских бурят, но и выходцы из Предбайкалья: потомки *боханских* и *балаганских бурят*, в частности Хазагаевы, Шапхаевы, Пирожковы (потомки Аполлона Хазагаева и Сократа Пирожкова из клана идинских тайшей, в прошлом владельцем крупного мельничного заведения Ивана и Ильи Пирожковых). Но их потомки, поскольку живут разрозненно в городах, уже ассимилировались с китайцами. Баргуты Хулунбуира делятся на *хуушан-барга* и *шэнэбарга*, т. е. на *старых* и *новых* баргутов. Численность старых баргутов можно определить в пределах 20 тыс. чел. Они образуют один самостоятельный хошун (центр – Баян Хүрээбалгас). Новые баргуты составляют два хошуна: *Шэнэ Баргын Зүүнхушуу* – Восточный хошун Новой Барги (центр – г. Амгалан-Булаг) и *Шэнэ Баргын Баруунхушуу* – Западный хошун Новой Барги (центр – г. Алтан-Эмээл). Их численность – 40 тыс. чел.

Хозяйство баргутов, как и у большинства монгольских народов, основано на традиционном скотоводстве. Сельскохозяйственных коммун как таковых нет уже около двух десятков лет. Каждое семейство или группа родственников ведет свое хозяйство самостоятельно. Общее количество скота в отдельных крупных хозяйствах достигает нескольких сотен, а то и тысяч голов. Довольно широко распространена механизация труда, ибо выпускается достаточно техники, приспособленной к нуждам малых хозяйств.

Природно-географические условия края в целом схожи с территорией этнографической Бурятии. Здесь можно встретить и степи, подобные агинским, и лесостепь, и горную тайгу. Соответственно, таков же животный и растительный мир.

Важным и не до конца решенным является вопрос о происхождении и вероятной прародине баргутов. В отношении *шэнэ-баргутов* ситуация выглядит более определенной. Анализ их языка

и родоплеменного состава не оставляет сомнений в том, что они единого происхождения с бурятами-хоринцами и откололись от последних относительно недавно. Согласно имеющимся данным, в 1735 г. из Халхи в Хулунбуир прибыла новая группа монголо-бурят, которых стали называть *шэнэ-баргут*, в отличие от старожилов [8, с. 45]. Этими бурятами могли быть только хоринцы, часть которых, как известно, после окончательного закрытия русско-монгольской границы, не сумев воссоединиться со своими соотечественниками в России, осталась на монгольской стороне.

Данный исторический факт отражен в письменных памятниках бурят XIX в. Например, большой интерес вызывает фрагмент, приведенный автором анонимного «Ацагатского очерка о хори-бурятах» (1917), о том, что «... некоторая часть потомков хори-бурят живет также и среди баргутов под названием шинэ-баргу (или баргу-бурят)» [13, с. 79]. Более подробно этот факт освещает также и бурятский летописец Шираб-Нимбу Хобитуев (1887): «*Tere čay-tudegereduračaydaysan Begelenoyan-iyarabayačiydaysanjarimtörül-narmanukileyin činadugegegedegsen-iyaredügebaryuburiyadkemekü nayimanqošiyunjonber Qar-amörönkiged Qayilurkemekü Ergün-eγoul-unekinba. Kerlünγoul-unadaykiged Buyir Dalaikemekü nayurud-iyaredügekürtelesayudaybui*» [7, с. 19]. Приведем данный фрагмент в нашем переводе: «В то время некоторые наши родственники, увведенные в подданные вышеупомянутым Бэйлэ-ноеном, остались за границей. В настоящее время они под именем «баргу-буряты» расселены в 8 хошунах в бассейне реки Хэйлунцзян (р. Амур. — Л. Б.), у истоков рек Хайлар, Эргунэ, в устье реки Керулен, а также у озер Буир и Далай (Хөлөн), они и сейчас проживают в тех местах». В подтверждение данному факту селенгинский летописец Дамби-Джалцан Ломбоцэрэнов пишет об этом следующее: «*Arbannigenköbegüntörübei.*

Terearbanköbegüd-ečedelgeregsen öndesü-nedügeqoriarbannigenečigeburiyad. Nigejarimanuros, dumdaduqoyarulus-un-kilitabiqu čay-tu, teretala öldegčid, baruyuu-amongyulgidegolanjondoturnilegs enqori-yintörüloyirakidedügeolanbui» [6, с. 4–5].

Приведем перевод этого фрагмента: «Родились одиннадцать сыновей. Потомки тех одиннадцати сыновей сейчас являются народом одиннадцати хоринских родов. Некоторые из них во время установления границы между Россией и Срединной империей остались на той стороне и соединились с баргу-монголами и другими народами, среди которых сейчас много представителей, родственных хори-бурятам».

Таким образом, летописные памятники Бурятии также свидетельствуют, что среди баргутов, в частности среди шэнэ-баргутов, проживают представители хоринских родов. Тот факт, что новых пришельцев нарекли именно *шэнэ-баргутами*, можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу былой этнокультурной общности между хори и баргутами.

В старобаргутском же языке профессор В. И. Рассадин выделяет ряд признаков, сближающих его с говорами ольхоно-кударинских, баргузинских бурят, например употребление заднеязычного спиранта «х» вместо фарингального «h»: *ухуу* / *уһан* ‘вода’, *саххаа* / *саһан* ‘снег’, *хар* / *һара* ‘месяц’ и т. д. А также наличие характерного аффикса -уун // -н: *дзагуувм* / *загаһан* ‘рыба’, *давуувм* / *дабһан* ‘соль’, *сааруувм* / *саарһан* ‘бумага’, и т. д. [12, с. 173–176].

Байкало-кударинские буряты наиболее компактно проживают в Кабанском районе Республики Бурятия. Основной их костяк составляют выходцы из Предбайкалья — потомки эхиритского племени: представители родов абзай, һэнгэлдэр // хэнгэлдэр, шоно, сэгээн, буура, хамнай, яртага, ехэшоно, дархат, балтай, тарха, хайтал и др.

В данных примерах из байкало-кударинского говора и из языка хуучин-баргутов на месте заднеязычного «х» < исторического *s во всех бурятских диалектах присутствует фарингальный «h». Еще в начале XX в. Г. И. Рамstedт писал: «с письменного языка (S, конечное) является в хУрг. (халхаско-ургинском говоре. – Л. Б.) в виде альвеолярного с, о котором нельзя сказать ничего особенно. В баргу-бурятском наречии из этого звука, параллельно с сильным движением назад гласных, развился звук h, который мне точно не известен. Русские авторы передавали этот звук через «кх, гх», «х'». Кастрен писал «h» [11, с. 27]. Здесь надо пояснить, что фарингальный h присутствует только в языке бурят и шэнэ-баргутов. А в языке байкало-кударинских бурят и хуучин-баргутов на месте спиранта h проявляется заднеязычный x.

В. И. Рассадин пишет: «В бурятском языке, видимо, переход *s>h произошел очень давно, поскольку h, развившийся из *s, стал вступать в дистрибутивные отношения с фонемой x, появившейся на месте *q и *k, став ее аллофоном. Именно о давности свидетельствует то, что в языковом сознании народа h перестал ассоциироваться с с и начал соотноситься с x» [13, с. 79–80].

Особенностью языка хуучин-баргутов является то, что в нем активно употребляются маньчжуризмы, например аняа ‘первая луна’, ниругаан ‘рисунок’ > ниругаан татуулах ‘фотографироваться’, хурумэ ‘меховой жилет’, хунхэ ‘полотенце’ < (даг.) хунху ‘платок, полотенце’ < (ма.) функу ‘платок для обтирания пота с лица и рук’, хасуу ‘железо’ < (даг.) кассоо ‘железо’ < возм. от тунг.-маньч. косэ, куосэ, куос < киданьского хэ-чжу, хэ-шу ‘железо’ и др.

Кроме того, в речи баргутов и бурят обнаруживаются лексические параллели, например (ст.-барг.) ууган ‘старший’; данная лексема с подобным же значением употребляется и в западно-бурят-

ских говорах; (ст.-барг.) аадиш ‘сестра’// (нов.-барг.) аджаа ‘мама’// (зап.-бур.) ажаа ‘матушка’ // (сел.) аадиш, ааджы ‘бабушка по отцу’ // (бич., джид.) адяа ‘старшая сестра’; (ст.-барг.) авюун // (закам.) хабиһан // (бур.) абьһан ‘невестка’ (жена одного брата по отношению к жене другого брата); (нов.-барг.) бойтог ‘обувь из коровьей шкуры’// (зап.-бур.) бойтог ‘меховые унты’ и др.

По нашим наблюдениям, речь баргутов сильно подвержена влиянию литературного монгольского языка, в частности шилингольского говора, который принят за основу литературного языка монголов Внутренней Монголии Китая. Лексика языка баргутов в целом общемонгольская, с включениями китаизмов (дяньхуа ‘телефон’, дяньши ‘телевизор’, нанхуу ‘термос’, шаафаа ‘диван’, бинган, еэвэн ‘печенье’, джаосяньди ‘фотоаппарат’, пиитен ‘самолет’, шатан ‘сахар’, пяо ‘билет’, дяза ‘блюдец’ и др.), тунгусо-маньчжурских элементов (угурдаа < (ма.) угаридаа ‘начальник’, гун(ма.) ‘князь’, гальдаа < (ма.) галайда ‘заместитель начальника’, хабан < (ма.) хаафаан ‘помощник сомонного дарги’, залан (ма) ‘офицерская должность’, мэйэнсэрэг < (ма.) теуен čereg ‘войско для караульной службы’, бошхо (ма) ‘писарь’, хала < (ма) ‘род, клан’ и т. д.).

Эти лингвистические факты можно рассматривать как свидетельство давних исторических связей между носителями данных языков, даже существования некой этноязыковой общности. Правда, саму эту идею можно интерпретировать по-разному. Согласно одному видению, баргутов можно рассматривать как относительно поздних пришельцев на территорию Прибайкалья, оказавшихся здесь примерно в X–XI вв. Как отмечает В. И. Рассадин, такое предположение основано на общих процессах исторического развития ряда общемонгольских фонем (как, например, развитие с > h, а у старых баргутов и эхиритов еще далее:

$h > x$), свидетельствующих о том, что эти процессы начались еще в их праязыке, еще до распада баргу-бурятской языковой общности. Эта общность распалась довольно давно, не позднее X–XI вв., когда часть баргутов ушла на запад и расселилась в Прибайкалье. А оставшиеся на прежней родине баргу-бурятские племена стали основой *старых баргутов* [13, с. 176].

Не возражая против самой сути приведенной здесь лингвистической теории, можно указать, что она отнюдь не противоречит выдвигению версии о том, что так называемая «баргу-бурятская языковая общность» могла изначально сформироваться на территории Прибайкалья.

Историки отмечают, что в X–XII вв. к западу от Байкала развивалась культура курыкан, восточнее озера – в Баргузинской долине существовала во многом сходная с курыканской культура племен байегу (байырку), которые, как-то с большой долей вероятности можем утверждать, были предками монголоязычного племени баргу. Баргуты вели полусоседный образ жизни, занимались скотоводством, охотой, кузнечным и гончарным ремеслами. Кроме того, у них было развито земледелие. К свидетельствам следов земледельческой культуры баргутов Баргузинской долины относятся оросительные каналы, земледельческие грядки, остатки плотины в местности Баргутская мельница, сошники, серпы, жернова, обнаруженные в Баргутской пади [10, с. 35–36].

В подтверждение слов историков, баргузинский летописец Ц. Сахаров пишет в своей хронике «История перекочевки в Баргузин в 1740 г. баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева» (перевод Г. Н. Румянцева, Ж. С. Сажинова): «Задолго до эвенков в Баргузине жили аба-хорчины, а по некоторым данным, солон-баргуты. Эти монгольские племена из-за притеснений в этой стране откочевали во Внутреннюю Монголию.

Говорят, что эти народы во Внутреннем Китае в настоящее время составляют 10 хошунов хорчинов. Они – искусные земледельцы. В Баргузине находили древние железные и бронзовые орудия, киргизские медные стрелы и тому подобные вещи – памятники, свидетельствующие об обитании здесь аба-хорчинов. Все это, говорят, было в их употреблении. ... Кроме того, имеется много следов от проведенных из горных ручьев канав и разработки пашен. Их называют канавами и пашнями аба-хорчинов» [2, с. 178–179].

Помимо свидетельств летописных памятников бурят, в исторической памяти баргузинских эвенков сохранились различные легенды и предания об обитавших здесь в прошлом *баргутах* (*хорчин-баргутах*, *солон-баргутах*, *монгол-баргутах*). На места их проживания указывают топонимы *Баргутская падь*, *Баргутская мельница*, *Баргузин* и гидроним *Баргузин*.

На то, что эти легенды и предания имеют вполне реальную историческую основу, указывает и то обстоятельство, что сказания о баргутах распространены не только среди баргузинских бурят и эвенков, но и среди русского населения Забайкалья. Причины их исхода толкуются также разноречиво. Наиболее вероятной представляется версия о том, что баргуты начали покидать насиженные места в связи с появлением русских, наслышанные об их лихоимствах [Там же].

В этой связи укажем, что этноним *баргут*, по мнению большинства исследователей, в т. ч. и автора представленной здесь работы Галзут Тубшинными, вполне сопоставим с *байегу* китайских источников VII–X вв. или *байырку* орхонских эпитафий. Впоследствии в источниках монгольского периода вместо них начинают упоминаться *баргуты*, ареал расселения которых вполне сопоставим с территорией их предшественников.

Если исходить из того, что оба термина – *байырку* // *баргу* – имеют примерно одинаковую семантическую основу «грубый, дикий, необразованный», то вполне допустимо, что данные этнонимы первоначально представляли собой общее собирательное наименование разных этнических групп, расселенных в относительно отдаленных горно-таежных районах Западного Забайкалья и потому, очевидно, выглядевших в представлении скотоводов-степняков грубыми, невежественными людьми.

Со сказанным соотносятся и сообщения письменных источников о том, что: «... *байегу* страстно любили звериную ловлю». Например, Галзут Тубшиннима отмечает, что в начале зимы, когда замерзала вода, баргуты выходили на так называемую «скользкую облавную охоту»: теснили диких зверей в обледенелые скользкие места и там их добывали, запасаясь, таким образом, пропитанием на зиму, а часть мяса и шкуры они продавали [16, с. 10]. Также у баргутов существовала «*saḡaliaba*» ‘самострельная охота’ ср. бур. *һаали* ‘лук-самострел’ (*һаалияр ан бариха* ‘охотиться на зверей с луком-самострелом’). В степи расставляли луки со стрелами, между ними натягивали веревки, пригоняли диких зверей, которые, попадая в это место, задевали веревку, при этом стрелы вылетали и попадали в животных. Об этом виде традиционной охоты баргутов свидетельствует топоним *saḡali-yinula yantoluyai* – досл. ‘красная верхушка лука-самострела’. Этот топоним находится в местности Зүүн-хошун Шэнэ Барги.

Относительно семантики этнонима *баргут* Д. Д. Нимаев пишет, что «баргут» – это типичный топоним, обобщенное наименование различных по происхождению этнических групп племенного союза. Есть основание предполагать, что монголоязычную основу этнической общности баегу // байырку // баргу составляли хори [4, с. 85].

Вероятнее всего, предки современных хори-бурят представляли тогда один из существенных составных компонентов данного объединения. В связи с изменившейся этнополитической ситуацией в регионе (возвышение киданей), составлявшие монголоязычную основу *байырку* // *баргутов* хори, очевидно, начали выдвигаться на первый план. Так, К. Д’Оссон отмечает, что «... на восток от Байкала обитали хори (*couris*), коалаш (*coalaches*), буряты и туматы, четыре народа объединявшиеся под именем баргутов, которое обозначало положение их страны по ту сторону Селенги; она называлась Баргучжин-Тугрум, так как ею оканчивалась на северо-востоке область, занятая народами татарской расы» [4, с. 35].

Об этногенезе старых баргутов монгольский историк Харгана Ж. Олзий пишет, что их происхождение тесно связано с племенем *барга* хуннского периода, которое в свое время было одним из крупнейших племен, входивших в союз лесных племен. А баргузинские буряты, отмечает он, являются одной из ветвей племени барга [14, с. 34].

На основании некоторых имеющихся данных можно предположить, что население, давшее основу старобаргутам Хулунбуира, перекочевало туда непосредственно из Халхи [8, с. 35]. Район Хулунбуира, оказавшийся в XVII в. на стыке интересов России и маньчжурского Китая, на какой-то период оставался в положении нейтрального, представляя удобное прибежище для разных групп кочевников в то смутное время.

Прибайкальское прошлое баргутов можно попытаться обосновать и некоторыми другими фактами. В частности, в шаманских призываниях старых баргутов имеют место обращение к хозяевам, духам таких мест, как Ойхан // Уйхан (т. е. о-в Ольхон на Байкале), Бархан (гора Бархан в Баргузине, почитаемая всеми бурятами-шаманистами). Можно

также отметить существование у них в прошлом интересного обычая ставить конское седло, обращая его передом на север, т. е. в сторону своей прародины.

Кроме того, есть лингвистические данные о языковых контактах баргутов с русскими. Например, в речи старых баргутов выявлены следующие заимствования из русского языка: (*хэлээв* < (русс.) хлеб; *ш'аана* < (стр.-слав.) сѣно > (русс.) сено; *зароод* < (русс.) зарод; *балхуужа* < (русс.) волокуша; *банха* < (русс.) банка; *урүүнхэ* < (русс.) рюмка; *бүтүүлхэ* < (русс.) бутылка; *тошиил* < (русс.) точило; *ходоог(к) тэргэ* < (русс.) ходок (дрожки, четырехколесная телега) и др. Наличие русизмов в речи старобаргутов показывает, что данные заимствования проникли в язык баргутов еще до исхода баргутов в Хулунбуир, т. е. когда они еще были насельниками Баргузинской долины.

Представляется необходимым упомянуть и о том, что старых баргутов называют еще *чибчин* // *шибшин-баргутами*. Относительно родоплеменного состава старых баргутов следует отметить, что он достаточно пестрый. По сведению информаторов, у *хуучин-баргутов* имеется 18 родов (хала), но они привели только 11 генонимов: *габш'ууд*, *дуулхиан*, *шибшин*, *хурлат*, *ырээгэн*, *харнууд*, *шарнууд*, *джилхэмэг*, *булангир*, *хаиш'нууд*, *урьянха*.

Каждый род имеет свои подроды (ветви): например, по информации Будагэрэл, из рода *шибшин барга* род *хурлат* имеет следующие ветви: 1) *хунхурлат*, 2) *долоотон хурлат*, 3) *хонитон хурлат*, 4) *баян хурлат*, 5) *үхэртэнхурлат*, 6) *хагархай хурлат*, 7) *хүндэлэнэй хурлат*, 8) *үбэрэй хурлат*, 9) *арайн хурлат*, 10) *хэсэг хурлат*, 11) *шаваровооны хурлат*, 12) *бүүлүүртын хурлат*, 13) *могойтын хурлат*, 14) *хээгын хурлат*. Харанутский, шаранутский, хурлатский роды относятся к булагатским родам. По предположению Б. О. Долгих, «ряд родов

бассейна Унги носит старое родовое название – шарануты, образуя как бы гнездо родственных родов. Но большая часть этих родов нам стала известна по именам их глав и родоначальников, а старое название – шарануты удержал только один небольшой улус» [3, с. 218]. Это – село Шараты (бур. Шарайд) в Нукутском районе Иркутской области. А харанутский род, по мнению Б. О. Долгих, восходит первоначально к балаганским тунгусским родам (улусы Борондоев, Харанутский), которые в дальнейшем были ассимилированы бурятами. В 1689 г. население улусов Борондоев и Харанутский составляли всего 120 чел. [Там же, с. 220].

Геноним *шибшин-барга* Галзут Тубшиннима связывает с именем одного из предводителей эхиритов Чепчугая // Шибшигая [15], который известен тем, что, не желая покориться русским казакам, сражался до конца и предпочел сгореть заживо в осажденной юрте.

Таким образом, вполне вероятно, что после кровопролитных событий 1641 г., в результате которых был разгромлен улус князца Чепчугая // Шибшигая и ряд других, часть верхоленских и баргузинских бурят обратились в бегство на юг, в пределы Халхи, оттуда – в Хулунбуир.

Таким образом, выявленные лексические параллели в языке хуучин баргутов и бурят, в частности байкало-кударинских бурят, а также параллели в родоплеменном составе и схожие элементы в их традиционной культуре, верованиях позволяют предполагать древние исторические связи баргутов и бурят.

В настоящее время, в условиях глобализации, для баргутов, так же как и для бурят, актуальной является проблема самосохранения как этноса, сохранения и защиты родного языка и культуры в условиях экспансии китайского языка.

Примечания

I. Приведенные здесь статистические данные получены в Комитете по делам национальных меньшинств при аймачном исполкоме и в ходе полевых исследований; они отражают ситуацию начала 2000-х гг.

II. Общая численность жителей по графе *монголы* составляла 173 тыс. чел. Но в отношении отдельных этнических групп (*баргутов*, *бурят*, *хорчинов* и т. д.) могут быть приведены только оценочные цифры, т. к. специального официального учета по ним не ведется. Отдельно дана численность *дагуров* // *дауров* – 67 тыс. чел. (всего по КНР последних насчитывается около 100 тыс. чел.).

III. Данные получены в Шэнэхэнском музее во время экспедиции в АРВМ КНР (2005 г.).

Литература

1. Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). – Улан-Удэ, 1995. – С. 178–179.
2. *Востриков А. И., Поппе Н. Н.* Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. Вып. I. // Тр. Института востоковедения. Т. VIII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 10.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 218.
4. *Д'Оссон К.* История монголов. Т. 1. – Иркутск: Вост-Сиб. обл. изд-во, 1937. – С. 35.
5. *Кормазов В. А.* Барга. – Харбин, 1928. – С. 45.
6. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаши Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова. Издание текста Н. Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. Т. XII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 4–5.
7. Летописи хоринских бурят. Вып. 2 Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева. Издание текста В. А. Казакевич // Тр. Института востоковедения. Т. IX. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С. 19.
8. *Меньшиков П. Н.* Краткий исторический очерк Маньчжурии // Вестник Азии. – 1917. – № 2 (42). – С. 36.
9. *Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000. – С. 85.
10. Очерки истории культуры Бурятии. Т. I. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – С. 35–36.
11. *Рамstedт Г. И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. – СПб., 1908. – С. 27.
12. *Рассадин В. И.* Историческая связь бурятского языка с языком баргутов // Цыбиковские чтения. – Улан-Удэ, 1989. – С. 173–176.
13. *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982. – С. 79–80.
14. *Харгана Ж.* Олзий. Баргамонголынтүүх. – Улаанбаатар: «Содпресс» хэвлэлийн газар. 1999. – С. 34.
15. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – С. 79.
16. Galjud Tubshinnima. Barγuɕud-unteukenirelte. – Öbür-Mongγul-unkeblel-ünqori-ya, 1985. – 69 q.

УДК 932.1(571.54)

Б. В. Базаров, В. В. Доржиева

**АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
И СОЗДАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ УСЛОВИЙ
ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ**

Статья посвящена рассмотрению современного состояния инновационного развития и формирования инновационной инфраструктуры в Республике Бурятия. Рассмотрены возможности создания территориального инновационного кластера.

Ключевые слова: инновационное развитие региона, инновационная инфраструктура, территориальный инновационный кластер.

B. V. Bazarov, V. V. Dorzhieva

**THE INNOVATION-DRIVEN GROWTH ANALYSIS
AND THE CREATION OF INFRASTRUCTURAL CONDITIONS
FOR THE FORMATION OF INNOVATION CLUSTERS
IN THE REPUBLIC OF BURYATIA**

The article discusses the contemporary state of innovation-driven growth and the formation of innovation infrastructure in the Republic of Buryatia. Prospects of creation of a territorial innovation cluster are considered.

Key words: innovation-driven regional growth, innovation infrastructure, territorial innovation cluster.

Современные механизмы управления инновационным развитием экономики должны быть основаны на взаимодействии государственного и рыночного регулирования, условий функционирования бизнеса, а также фундаментальных и прикладных научных исследований [1]. К главным инструментам федеральных органов исполнительной власти реализации инновационной политики государства отнесено формирование инновационных кластеров и структурированной среды для инновационной деятельности в регионах.

Методическую основу развития кластеров составляют методические рекомен-

дации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, подготовленные в 2008 г. Министерством экономического развития России [3]. В рекомендациях отмечается, что инновационные кластеры развиваются в так называемых новых секторах (информационные технологии, биотехнологии, новые материалы).

В современных условиях важными факторами, определяющими инновационную активность субъектов Российской Федерации, являются уровень развития инновационной инфраструктуры, наличие и бюджет инновационных программ и проектов, уровень развития малого

БАЗАРОВ Борис Ванданович – член-корреспондент Российской академии наук, председатель Президиума Бурятского научного центра СО РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

ДОРЖИЕВА Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, и.о. заместителя председателя Президиума Бурятского научного центра СО РАН, начальник научно-инновационного отдела Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: vv2006uu@yandex.ru.

предпринимательства, особенно в сфере инноваций и высокотехнологичных услуг, а также ряд других аспектов, характеризующих инновационный климат на территории региона.

Для Республики Бурятия исходной предпосылкой успешного создания инновационного кластера является наличие как минимум одного (а лучше нескольких) действующего территориально-производственного кластера, объединяющего предприятия малого и среднего бизнеса, либо одного или нескольких крупных промышленных компаний, научно-исследовательских организаций, вузов. Формируемые кластеры, помимо того что позволят сконцентрировать инновационно-активные предприятия, также придадут высокий вес экономике региона и интегрируют в его отраслевую структуру. Это будет способствовать охвату более широкого круга хозяйствующих субъектов и занятого населения государственной поддержкой. При этом взаимное дополнение мероприятий по созданию и развитию кластеров и мероприятий по развитию региональной инфраструктуры окажет системное положительное влияние на инновационную деятельность в республике.

По нашим оценкам, в республике идет достаточно активный процесс формирования региональной инновационной системы, который заключается:

1) в выработке нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности;

2) в разработке стратегий, программ и проектов инновационного развития;

3) в создании элементов инновационной инфраструктуры.

Правовое и информационное обеспечение инновационной деятельности представлено в следующих нормативно-правовых актах:

- Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 года, одобренной Постановлением Правительства Республики Бурятия от 15 декабря 2007 г. № 410;

- Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года, утвержденной Законом Республики Бурятия от 14 марта 2011 г. № 1903-IV;

- Концепции промышленной политики Республики Бурятия на период 2013–2017 годов и до 2025 года, утвержденной Постановлением Правительства Республики Бурятия от 6 декабря 2012 г. № 742;

- Законе Республики Бурятия «Об инновационной деятельности в Республике Бурятия» от 21 декабря 2006 г. № 2028-III;

- Законе «О технопарках в Республике Бурятия» от 7 марта 2013 г. № 3175-IV;

- Законе Республики Бурятия от 22 декабря 2012 г. № 3136-IV «О республиканском бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов»;

- Законе Республики Бурятия «О некоторых вопросах налогового регулирования в Республике Бурятия» от 26 ноября 2002 г. № 145-III;

- Республиканской целевой программе по созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций в Республику Бурятия в 2011–2020 годах «Бурятия – территория инвестиций», утвержденной постановлением Правительства Республики Бурятия от 15 июня 2011 г. № 295;

- Республиканской целевой программе государственной поддержки и развития малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия на 2008–2014 годы, утвержденной Постановлением Правительства Республики Бурятия от 25 декабря 2007 г. № 419.

Важным инструментом стимулирования активизации инновационной деятельности в республике, на наш взгляд, может стать принятие закона «Об управлении инновационной деятельностью» и региональной инновационной программы, представляющей собой комплекс взаимосвязанных по ресурсам, срокам и исполнителям мероприятий, обеспечива-

ющих эффективное решение важнейших для региона научно-технических проблем. В целом процесс формирования региональной инновационной программы должен заключаться в выявлении совместимости инновационных проектов, предоставляемых субъектами инновационной деятельности, с теми целями, достижение которых должно способствовать устойчивому социально-экономическому развитию региона.

Существенным шагом внедрения кластерных инициатив может стать разработка и принятие республиканской программы по реализации кластерной политики.

Анализ инновационной активности Республики Бурятия, выполненный на основе данных официальной статистики за 2011 год [4], позволяет сделать вывод о низкой эффективности использования регионального инновационного потенциала. Так, удельный вес численности

исследователей на 1000 занятых в экономике республики составляет всего 2,6 %, инновационно-активных предприятий – 17, малых инновационных предприятий, созданных при вузах и учреждениях науки в рамках Федерального закона 217-ФЗ, – 11. При этом затраты на НИОКР государственным бюджетом составили 0,4 %, а за счет средств организаций 13 % (табл. 1).

Настораживает и снижение рейтинга оценки инвестиционного потенциала республики, проводимого рейтинговым агентством «Эксперт РА». Республике Бурятия за 2011–2012 гг. присвоен рейтинг «Пониженный потенциал – высокий риск (3С1)», тогда как в 2010–2011 гг. – «Пониженный потенциал – умеренный риск (3В1)» [2].

Формируемая в республике модель инновационной инфраструктуры приведена на рисунке 1.

Таблица 1

Инновационный портрет Республики Бурятия

Наименование показателя, единица измерения	Значение
I. Инновационная активность	
Количество инновационно-активных предприятий Республики Бурятия, ед.	17
Объем отгруженной инновационной продукции, млн. руб.	3800,1
Количество малых инновационных предприятий при вузах и учреждениях науки, созданных по 217-ФЗ и внесенных в реестр инновационных предприятий, ед.	11
II. Исследовательский потенциал	
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в целом по Республике Бурятия, чел.	1144
Удельный вес численности исследователей на 1000 занятых в экономике региона, %	2,6
Удельный вес занятого населения с высшим профессиональным образованием в общей численности трудоспособного населения региона, %	25,3
Доля аспирантов и докторантов на 100 тыс. чел. населения, %	1,2
Количество зарегистрированных патентов в 2011 г., ед.	64
III. Инвестиции в науку и образование	
Государственные расходы на исследования и разработки относительно валового регионального продукта, %	0,4
Удельный вес затрат на НИОКР, финансируемых за счет собственных средств организаций, %	13

Рис. 1. Модель инновационной инфраструктуры, формируемой в Республике Бурятия

Созданы основные организации инновационной инфраструктуры и инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства: республиканский бизнес-инкубатор, фонды поддержки и бизнес-центры по развитию малого и среднего предпринимательства, создается промышленный парк для создания благоприятных условий коммерциализации инновационных разработок.

Пунктирными линиями выделены элементы инфраструктуры инновацион-

ной деятельности, которые еще не созданы в республике, но, на наш взгляд, необходимы для формирования инновационного кластера – это центры трансфера технологий, технопарк, патентные агентства, научно-технологические центры, технологические кластеры, технико-внедренческие зоны, наукограды.

В настоящее время республика приступила к реализации проектов по созданию и развитию особых экономических зон (туристическо-рекреационного и

промышленного типа), Улан-Удэнского авиационного производственного кластера и технопарка «Биотехнополис» в сфере высоких технологий.

БНЦ СО РАН в рамках выполнения поручения Главы Республики Бурятия – Председателя Правительства Республики Бурятия В. В. Наговицына, а также государственного контракта, заключенного с администрацией Главы Республики Бурятия, по разработке концепции и бизнес-плана инвестиционного проекта создания технопарка «Биотехнополис» в сфере высоких технологий, провел мониторинг инновационных проектов предприятий и организаций республики, а также МИПов БНЦ и ВСГУТУ.

Специализация деятельности отобранных инновационных проектов потенциальных резидентов технопарка позволила выделить четыре направления инновационного технологического кластера (табл. 2):

- стратегические информационные технологии и программное обеспечение, в т. ч. космические технологии, связанные с телекоммуникациями (ГЛОНАСС и наземная инфраструктура);
- авиационное приборостроение;
- энергоэффективность и энергосбережение, в т. ч. разработка новых видов топлива;
- биофармацевтика и медицинские технологии.

По сгруппированным в реестр инновационным проектам (табл. 2), представленным для реализации в технопарке «Биотехнополис», из 28 резидентов в кластер «Стратегические информационные технологии и программное обеспечение» вошли 9 предприятий; в кластер «Авиационное приборостроение» – 4; в кластер «Энергоэффективность и энергосбережение, в том числе разработка новых видов топлива» – 7; в кластер «Биофармацевтика и медицинские технологии» – 8 предприятий.

Выделенные кластеры могут стать базовыми для формирования нескольких

территориальных инновационных кластеров Республики Бурятия либо могут быть объединены в одном территориальном инновационном кластере.

Создать отсутствующий в модели инновационной инфраструктуры научно-технологический центр предлагаем в Бурятском научном центре СО РАН, так как БНЦ имеет развитую, во многом уникальную научно-исследовательскую базу. Ученые институтов БНЦ внесли большой вклад в развитие отечественной и мировой науки, а также в формирование социально-экономического потенциала Республики Бурятия и всей Сибири. Они принимают активное участие в решении крупных экологических проблем региона, в т. ч. сохранении уникальной экосистемы оз. Байкал.

Для успешной реализации большинства научно-исследовательских проектов в БНЦ СО РАН создана серьезная приборная база, ключевым элементом которой является центр коллективного пользования СО РАН. ЦКП формировался в течение 10 последних лет в рамках программы СО РАН по обновлению и развитию приборной базы. ЦКП создало условия для реализации проектов по проведению комплексных аналитических исследований по заказам предприятий и организаций республики.

Примерами могут служить работы, выполняемые учеными институтов БНЦ для предприятий и организаций, а также по заданиям государственных органов власти. Ежегодно выполняется значительный объем договоров по рудной геофизике, по инженерной сейсмологии и геофизике, проводятся экспертизы качества дорожного покрытия, строительных конструкций и сооружений на основе применения георадарных технологий радиозондирования.

Ряд крупных работ выполнялись по госконтрактам с Бурятнедрами, Бурятгеоцентром, Бурятгеомониторингом, Дирекцией ОЭЗ ТРТ, а также для ОАО «Российская корпорация ракетно-косми-

Реестр инновационных проектов резидентов технопарка «Биотехнополис»

Таблица 2

№	Наименование резидента	Наименование проекта
1	2	3
<i>Стратегические информационные технологии и программное обеспечение, в т. ч. космические технологии, связанные с телекоммуникациями (ГЛОНАСС и наземная инфраструктура)</i>		
1	ТРК Ариг Ус	Создание межрегиональной базы контента телевизионной продукции
2	ООО «Системы космической связи»	Разработка автоматизированных программных средств создания базовых продуктов Дистанционного зондирования земли (ДЗЗ) на основе радиолокационной информации
3	ООО «Гарантпарк»	Проектирование, разработка программного обеспечения, съемка 3D фотографий экспонатов виртуального музея Республики Бурятия
4	ООО «Бурятия Инфо»	Проектирование, разработка программного обеспечения для реализации информационно-справочной системы
5	ООО «Фриком»	Разработка и внедрение компьютерных систем информационного обеспечения и обработки данных
6	ООО «Сигма»	Создание и ведение электронных баз данных книжного фонда редких изданий Бурятского научного центра СО РАН
7	ООО « Медиа Центр»	Создание инновационной полиграфической продукции
8	ООО «ПрофиС-софт»	Создание сервиса по идентификации номенклатуры и интеграции модулей в ERK-системы
9	ООО «Информ Полис»	Создание инновационной Web/it продукции межрегионального и международного уровней
<i>Авиационное приборостроение</i>		
10	ООО «МИП «ТехЦентрАртМеталл»	Разработка и внедрение высокотехнологичных процессов в авиастроении
11	ООО «Бардаханов»	Производство наноразмерных порошков с помощью промышленных ускорителей для нужд авиастроения
12	ООО МИП «МегаРесурс»	Разработка, испытание и производство антифрикционных износостойких материалов и покрытий
13	ООО МИП «БНЦП»	Моделирование, разработка и испытание элементов, конструкций из композитных материалов для авиационной промышленности

Окончание табл. 2

1	2	3
<i>Энергоэффективность и энергосбережение, в т. ч. разработка новых видов топлива</i>		
14	ООО «Плазмотехбайкал»	Разработка установки и реализация волоконистых теплоизоляционных материалов из базальта и золошлаковых отходов
15	Центр энергоэффективных технологий	Проектирование, разработка, испытание и внедрение в производство оборудования, использующего солнечную энергию
16	ООО МИП «Экоинжиниринг»	Разработка и внедрение тепловых насосов и установок дозирования комплексономатами сетевой и подпиточной воды для нужд систем отопления
17	ООО «Тепловые насосы»	Создание и организация производства высокоэффективных теплонасосных систем теплоснабжения
18	ООО МИП «Системы энергоучета»	Производство систем учета энергоресурсов
19	ООО «Бизон-1»	Организация пилотного мини-производства пеностекол
20	Аттестационный центр «Сварог»	Внедрение системы аттестации сварочного производства на опасных производственных объектах Республики Бурятия
<i>Биофармацевтика и медицинские технологии</i>		
21	ООО МИП «Арура»	Производство инновационных лекарственных и оздоровительных средств
22	ООО «Байкальский продукт»	Производство продуктов питания функционального назначения, обладающих противовирусным действием
23	ООО МИП «Бифивит»	Производство пробиотической продукции. БАД «Селенпропионикс»
24	ООО МИП «Доктор хлеб»	Производство биологически активных субстанций на основе вторичного сырья Hippo rhoethamnoides.L
25	ООО МИП «БайкалЭкоПродукт»	Универсальное производство по переработке плодово-ягодного и растительного сырья
26	ООО МИП «ЭКОМ»	Производство коллагенсодержащих продуктов и материалов на их основе
27	ИП Фатеева М. А.	Производство лекарственной и пробиотической продукции
28	Байкальский диагностический центр	Отечественное промышленное производство одноразовых медицинских изделий

ческого приборостроения и информационных систем» (ОАО «Российские космические системы»), «Металлы Восточной Сибири», ОАО «Витимгеопром», ОАО «Бурятзолото» и др.

Не случайно решением координационного совета МАСС по промышленной и научно-технической политике от 9 апреля 2013 г. Правительству Республики Бурятия и СО РАН рекомендовано разработать план мероприятий по поддержке и развитию инфраструктуры БНЦ СО РАН.

В настоящее время подготовлен проект создания Научно-технологического комплекса «Академический» БНЦ СО РАН, в составе которого планируется строительство новых объектов.

Строительство центра новых фармацевтических технологий и Экспериментально-биологической клиники (вивария) предусмотрено для создания научно-экспериментальной базы Восточно-медицинского биофармацевтического кластера.

Целью строительства здания лабораторно-физического комплекса ИФМ СО РАН является создание условий для исследования структурно-релаксационных процессов в неоднородных системах с наноразмерными частицами и в стеклообразных полупроводниках, процессов образования поверхностных наноструктурных слоев и покрытий боридов и карбидов при интенсивном воздействии электронным пучком, моделирование волновых процессов в природных и искусственных средах, радиофизическая диагностика слоисто-неоднородных почв и горных пород в ОНЧ-НЧ и ОВЧ-УВЧ диапазонах, радиозондирование почвенно-лесного покрова в метровом и дециметровом диапазонах, исследование плазменных процессов в газоразрядных

системах низкого и высокого (атмосферного) давления и их применение в новых технологиях. Здесь планируется создание инновационного лидарного центра по дистанционному зондированию атмосферы и центра спутниковой радарной интерферометрии и GPS-навигации.

Сейсмоцентр будет использоваться как опорная сейсмолаборатория при измерениях, направленных на уточнение карты детального сейсмического районирования окрестностей и микрорайонирования территории г. Улан-Удэ, для записи сильных движений – акселерограм, что необходимо для разработки кондиционного генерального плана и проектирования зданий (в т. ч. детских садов, школ, больниц) и сооружений. Опыт почти двадцати летних сейсмонаблюдений показывает, что строительство сейсмоцентра в республике важно как для регистрации различного рода техногенных аварий, так и катастроф, сопровождающихся взрывами.

Конгресс-центр предоставит уникальные условия для проведения научных конференций, форумов и других мероприятий. Институты БНЦ активно сотрудничают с научно-исследовательскими организациями как России, так и зарубежных стран; участвуют в международных проектах; являются базовыми учреждениями по выполнению ряда международных программ. Только за последние два года подписано 68 договоров и соглашений с университетами и исследовательскими центрами из 13 стран.

Строительство современной научной библиотеки предусматривает предоставление виртуального доступа к электронным базам данных и архивам уникального книжного фонда, значительная часть которого представляет культурную и историческую ценность.

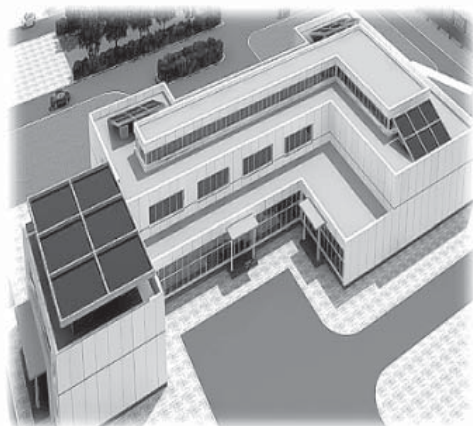

Рис. 2. Эскизные решения объектов нового капитального строительства – научно-технологического комплекса «Академический» – центра новых фармацевтических технологий и вивария

Рис. 3. Эскизные решения объектов нового капитального строительства – научно-технологического комплекса «Академический» и лабораторно-физического комплекса ИФМ СО РАН

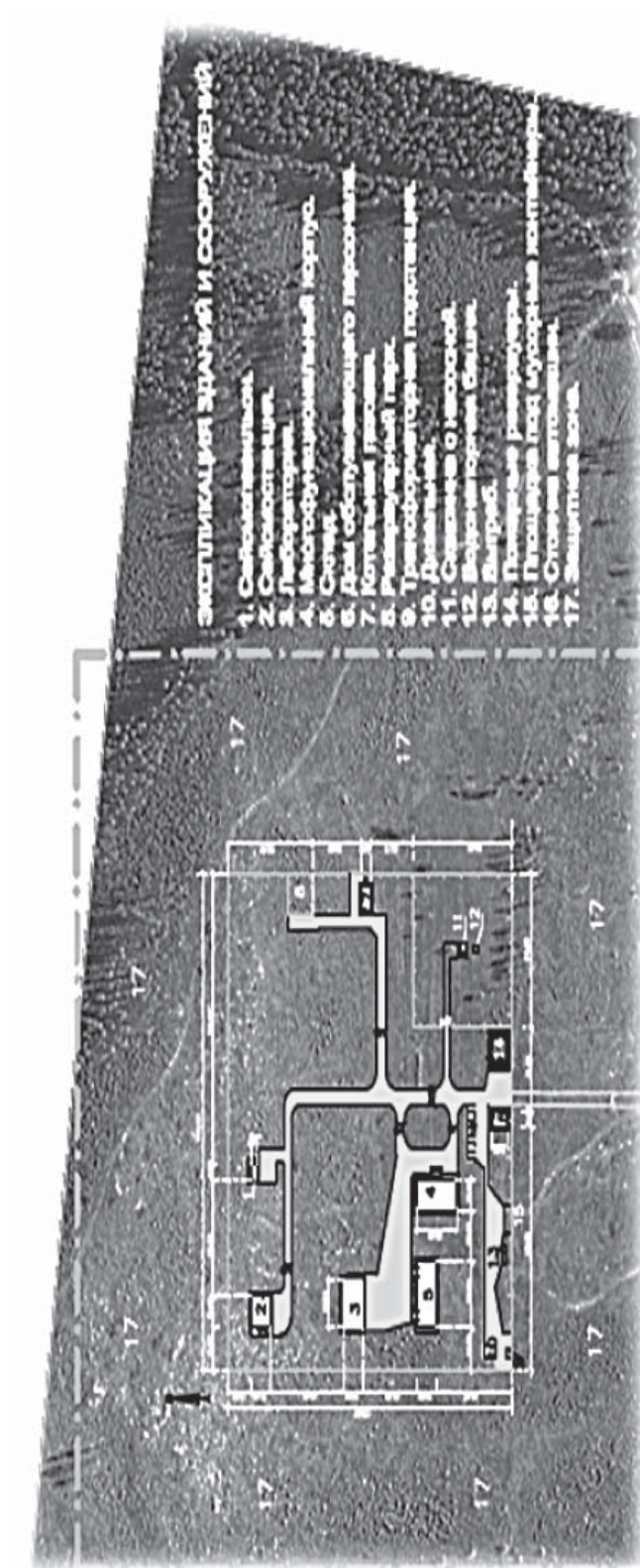

Рис. 4. Планировочные решения объекта нового капитального строительства – сейсмоцентра в научно-технологический комплекс «Академический»

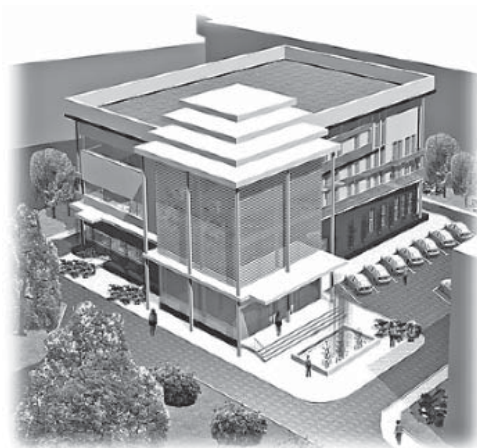

Рис. 5. Эскизные решения объектов нового капитального строительства научно-технологического комплекса «Академический» – конгресс-центра и центральной научной библиотеки

Литература и источники

1. Багриновский К. А., Исаева М. К. Базовая модель механизма управления технологическим развитием // Экономическая наука современной России. – 2002. – № 3. – С. 31–39.
2. Инвестиционный рейтинг регионов – Рейтинговое агентство «Эксперт РА» // URL:<http://raexpert.ru/>
3. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, подписанные заместителем министра экономического развития Российской Федерации А. Н. Клепачем от 26 декабря 2008 г. № 20636-AK/Д19 // URL:<http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/development/doc1248781537747>
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия // <http://burstat.gks.ru/>

УДК 338.45(571.54)

Л. В. Потапов, Ю. П. Добровенский ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Рассмотрены проблемы развития обрабатывающей промышленности, внешнеэкономической деятельности (ВЭД) Республики Бурятия, влияние ВЭД на региональную

ПОТАПОВ Леонид Васильевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: orei.bnc@mail.ru.

ДОБРОВЕНСКИЙ Юрий Павлович – ведущий экономист научно-инновационного отдела Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: dobrovenski@mail.ru.

экономику, особенности развития обрабатывающей промышленности республики в условиях глобализации и членства России в ВТО.

Ключевые слова: обрабатывающая промышленность, внешнеэкономическая деятельность, перспективы развития.

L. V. Potapov, Yu. P. Dobrovenskii

THE DEVELOPMENT PROSPECTS ASSESSMENT
OF THE PROCESSING INDUSTRY
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION.
THE CONTEMPORARY STATE OF AFFAIRS

This article is concerned with the problems of development of the processing industry and international trade of the Republic of Buryatia, the impact of the international trade on regional economy and the peculiarities of the processing industry development under the conditions of globalization and Russia's WTO membership.

Key words: processing industry, international trade, development prospects.

Влияние глобализации на развитие обрабатывающей промышленности Республики Бурятия следует рассматривать, прежде всего, через призму международного рынка. За последнее десятилетие роль внешней торговли, и прежде всего экспорта, в экономике Республики Бурятия качественно изменилась: она явилась одним из важнейших факторов развития региональной экономики. Удельный вес экспорта в валовом региональном продукте вырос с 0,6 % в 1991 г. до 16,1 % в 2002 г. и до 11 % в 2009 г., а доля экспорта в промышленном производстве в 2009 г. составила порядка 30 % против 0,7 % в 1991 г. В целом за 1992–2009 гг. внешнеторговый оборот территории увеличился практически в 10 раз.

Реформирование внешнеэкономической деятельности, начавшийся в 1986–1987 гг. и продолжавшийся распад СССР сыграли важную роль в становлении и развитии внешнеэкономических связей Республики Бурятия. До 1992 г. на первом этапе реформирования внешнеэкономической деятельности внешнеторговое сотрудничество Республики Бурятия осуществлялось по линии Министерства торговли СССР через отраслевые все-союзные внешнеторговые объединения (до 75 % всего объема внешнеторгового оборота), по линии прибрежной и приграничной торговли через ВТО «Дальинторг» (до 15 %), а также по прямым товарообменным операциям предприятий и организаций республики (до 10 %). В этот период наряду с товарами

Таблица 1

Внешняя торговля Республики Бурятия* (млн. дол.)

Статья	2001	2002	2003	2008	2009	2010
Экспорт	150,6	200,6	324,7	335,1	495,5	443,9
Импорт	30,1	37,2	22,5	175,69	108,9	153,6
Оборот	180,7	237,8	347,2	510,79	604,4	597,5
Сальдо	120,5	163,4	302,2	159,41	386,6	290,3

* Данные таможенной статистики (ВСТУ, СТУ) и комитета ВЭС Министерства экономического развития (экономики) Республики Бурятия.

традиционного экспорта, к которым относятся продукция машиностроения, лесобумажная продукция, электроэнергия, уголь, минеральные удобрения, осуществлялись также поставки цемента, стекла, товаров народного потребления и продовольствия.

По импорту, в основном на бартерной основе, до 90 % всего объема в республику из Японии, Китая, Монголии поставлялись товары народного потребления (одежда, обувь, бытовая техника, чай, рис, мясная продукция и т. д.), а также технологическое оборудование. Сдерживающими факторами развития внешних связей до 1992 г. являлись отсутствие опыта работы участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), ограниченный перечень предлагаемой продукции, а также большой объем госзаказа, который по некоторым видам продукции составлял почти 100 %.

Либерализация внешнеэкономической деятельности, проведенная в конце 1991 г., коснулась валютного и таможенного регулирования, снятия ограничений на бартер, сокращения перечня товаров, работ и услуг, подлежащих лицензированию и квотированию, изменения порядка налогообложения и т. д. Это обусловило рост экспортных поставок Республики Бурятия в 1992 г. практически в 2 раза к

уровню 1991 г., а доля экспорта в ВРП возросла до 12,4 %. Однако наряду с положительными моментами существовал и ряд негативных последствий, например вывоз стратегически важных сырьевых товаров, цена которых на внутреннем рынке была значительно ниже мировой. Ужесточение мер государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в 1993 г. (введение вывозных таможенных пошлин на сырьевые товары, лицензирование и квотирование их экспорта, введение института спецэкспортеров стратегически важных сырьевых товаров) привело к изменению товарной структуры экспорта, значительно увеличило долю готовой продукции при сокращении экспорта сырьевых товаров. Однако собственный экспорт Республики Бурятия в 1993 г., т. е. вывоз продукции, произведенной на ее территории, составил лишь 50 % общего объема экспорта, а 50 % приходилось на реэкспортные товары, произведенные в других регионах России (табл. 2).

Увеличились поставки лесопроductии и продуктов ее переработки (до 20,4 % в структуре экспорта республики). Доля машинотехнической продукции в 1993 г. возросла до 39,8 %, по сравнению с 6,5 % в 1992 г., сократился экспорт минеральных удобрений и химических

Таблица 2

Показатели экспортной деятельности Республики Бурятия* (млн. дол.)

Показатели	Год						
	1991	1998	2002	2003	2008	2009	2010
Экспорт всего	22,6	42,8	217,2	325,0	339,9	498,4	449,5
В т. ч.:							
в дальнее зарубежье	22,6	42,8	206,8	320,6	314,6	447,9	431,6
в страны СНГ	—	—	10,4	4,4	25,3	50,5	17,9
Доля экспорта в ВРП Республики Бурятия, %	0,63	5,8	16,1	19,3	6,8	12,4	11,4
Доля продукции собственного производства в объеме экспорта, %	85,0	82,0	93,0	75	83,0	88,0	87,7

* Составлено по данным комитета ВЭС Министерства экономического развития и внешних связей Республики Бурятия.

товаров. В товарной структуре импорта доля продукции инвестиционного назначения возросла с 14 % в 1992 г. до 25,7 % в 1993 г., доля пищевых товаров составила 56,3 %, доля товаров народного потребления сократилась до 8,2 %, продукции нефтехимического комплекса – до 1 %. Основными торговыми партнерами Республики Бурятия в 1990-х гг. являлись Китай – 50–60 %, Монголия – более 15 % и государства СНГ – свыше 10 % всего объема внешнеторгового оборота [2].

В 1995 г. в структуре экспорта региона преобладала машинотехническая продукция (35 % всего объема экспорта), что во многом связано с поставками авиационной техники, а также древесины и целлюлозно-бумажных изделий (35,3 %), в то время как продукция топливно-энергетического комплекса составляла лишь 2,7 % (табл. 3). В структуре импорта порядка 87 % приходилось на пищевые (44,7 % всего объема импорта региона) и товары инвестиционного назначения (42 %).

Введение в конце 1995 г. валютного коридора ухудшило показатели эф-

фективности экспортной деятельности. В результате этого в 1996 г. затраты на производство и транспортировку экспортной продукции (целлюлоза, картон, другая лесопродукция, ткани, запасные части для авиационной техники и т. д.) сравнивались с ценой на мировом рынке и их экспорт стал нерентабельным. Более чем в 5 раз сократился экспорт гофр. картона, в 2,5 раза – пиломатериалов. Увеличение поставок машинотехнической продукции, угля и электроэнергии только сбалансировало общие объемы экспорта. Вместе с тем продолжающаяся политика государства по ослаблению тарифных и нетарифных методов регулирования экспорта, а также накопленный участниками ВЭД республики опыт в этой сфере деятельности способствовали увеличению в 1997 г. более чем на 21 % объема экспорта Республики Бурятия. В 1995–1997 гг. в структуре экспорта доля сырья и продукции первичного передела сократилась с 40 до 25 %, доля машинотехнической продукции увеличилась в 1,3 раза, а продукции ТЭК – в 7,8 раза.

Таблица 3

Товарная структура экспорта Республики Бурятия* (млн. дол.)

Товарная группа	Год						
	1990	1995	1998	2003	2008	2009	2010
Машины, оборудование, транспортные средства	6,6	35,0	10,0	66,5	20,3	57,1	53,3
Топливо, минеральное сырье, металлы	9,8	8,9	35,1	5,7	5,0	1,0	1,2
Из них: продукция ТЭК	9,7	2,7	25,7	4,1	0,0	0,0	0,1
черные и цветные металлы, включая лом и отходы	0,1	6,2	9,4	1,6	5,0	1,0	0,7
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	40,0	35,3	44,0	15,5	63,5	33,4	39,7
Пищевые товары	8,0	3,1	2,0	8,0	8,5	7,1	4,2
Прочее	35,6	17,7	8,9	4,3	2,7	1,4	1,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено на основе данных Комитета ВЭС Министерства экономического развития и внешних связей РБ.

Таблица 4

Товарная структура импорта Республики Бурятия* (млн. дол.)

Товарная группа	Год						
	1990	1995	1998	2003	2008	2009	2010
Машины, оборудование, транспортные средства	7,1	42,0	52,0	28,5	77,2	69,7	57,4
Топливо, минеральное сырье, металлы	9,8	8,9	35,1	5,7	5,3	4,5	5,9
Из них: черные и цветные металлы	—	1,0	1,5	4,3	3,9	4,1	5,1
древесина и целлюлозно-бумажные изделия	—	3,1	0,2	0,5	0,3	0,1	0,0
Товары народного потребления	84,1	47,9	41,2	57,0	9,3	22,0	32,6
Пищевые товары	19,7	44,7	39,1	53,6	9,1	21,6	22,0
Промышленные товары народного потребления	64,4	3,2	2,1	3,4	0,2	0,4	10,6
Химические товары	—	3,5	2,7	2,7	3,7	1,6	2,6
Прочее	8,8	2,5	2,4	7,1	4,2	2,1	1,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено на основе данных Комитета ВЭС Министерства экономического развития и внешних связей РБ.

Основными потребителями экспортной продукции региона, как и ранее, оставались Китай (37,7 %), Монголия (16,5 %) и страны СНГ (11,0 %). Увеличение доли Республики Корея до 11 % было обусловлено крупными (14,5 млн. долл.) поставками каменного угля.

В то же время в результате ужесточения государственной политики в области регулирования импорта в целях поддержки отечественных товаропроизводителей импорт в Республике Бурятия в 1995–1997 г.г. сократился почти в 1,5 раза. Более чем на одну треть сократился ввоз в регион продовольственных товаров, в 1,5 раза – машинотехнической продукции, более чем в 2 раза – товаров народного потребления. В результате внешнеторговый оборот в 1998 г. по сравнению с 1995 г. сократился на 36,2 % и в общем объеме торгового товарооборота Республики Бурятия составил 21,1 %. В 1998 г. по ряду причин (отсутствие рынков сбыта авиационной техники, сложившаяся положительная

конъюнктура цен на внутреннем рынке на шерстяные ткани, гофр. картон, целлюлозу, рост почти в 3 раза транспортного тарифа на перевозку грузов; ограничения Правительства Республики Бурятия на сбор и реализацию лома и отходов цветных и черных металлов) экспорт Республики Бурятия сократился к уровню 1997 г. на 46 %. В то же время экспорт деловой древесины увеличился в 1,6 раза (8,6 млн. долл.) вследствие увеличения спроса на китайском рынке, в 3 раза увеличились экспортные поставки нефтепродуктов в Монголию. В 1999 г. экспорт Республики Бурятия увеличился к уровню 1998 г. на 31,3 %, а импорт сократился более чем в 2 раза. В структуре экспорта в 2,8 раза увеличилась доля машинотехнической продукции, почти в 2 раза – доля древесины и продукции из нее, в 3 раза – продовольствия, в 1,5 раза – угля. Однако в связи с кризисом 1998 г. на 6 % снизились средние контрактные цены на продукцию лесной отрасли. В 1999 г. произошло резкое сни-

Таблица 5

Географическая структура экспорта Республики Бурятия*

Регион	Год						
	1995	1998	2000	2003	2005	2009	2010
АТР В т. ч.:	45,0	88,6	85,0	32,1	63,1	49,3	71,8
Китай	23,0	50,1	64,4	18,1	36,3	36,6	59,2
Монголия	10,2	30,9	11,9	10,5	11,4	8,2	7,5
Япония	9,5	0,1	7,2	3,4	1,4	0,2	0,1
Республика Корея	1,0	7,4	0,2	0,1	0,3	0,0	–
США	1,0	0,1	0,1	0,0	–	0,1	–
Африка	23,6	–	–	40,7	0,3	1,6	10,0
СНГ и Прибалтика	16,6	10,5	3,6	1,9	6,4	10,2	4,0
Прочие	14,8	0,9	11,4	25,3	30,2	38,8	14,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено на основе данных Комитета ВЭС Министерства экономического развития и внешних связей Республики Бурятия.

жение стоимостных объемов импорта, обусловленное девальвацией рубля, увеличением ставок ввозных таможенных и ограничением на ввоз отдельных видов продовольственных товаров. В это время физические объемы импорта достигли минимального значения за весь период 1990-х гг., более чем в 2 раза сократился ввоз в республику продовольственных товаров, в 3 раза – машинотехнической продукции и оборудования.

Одним из позитивных моментов явилось то, что с 1999 г. наметилась тенденция к росту как внешнеторгового оборота в целом, так и экспорта в частности. Развитию республиканского экспорта во многом способствовало принятие правительством республики целевой программы «Развитие экспорта Республики Бурятия на 2000–2005 годы» [3]. Данная тенденция продолжает сохраняться до настоящего времени.

В 2003 г. внешнеторговый оборот Республики Бурятия составил 347 млн. дол., в т. ч. экспорт – 324 млн. дол., импорт – 22,5 млн. дол., а в 2010 г. – уже 597,5 млн. дол. Основными внешнетор-

говыми партнерами Республики Бурятия являлись Китай и Монголия, на долю которых приходилось 47,4 % торгового оборота. В товарной структуре экспорта наибольший удельный вес занимала машиностроительная продукция, а также продукция лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей. Экспорт продукции машиностроения составлял около 49 %, в основном это были гражданские вертолеты и комплектующие части летательных аппаратов. Примерно такая же картина сохранилась в 2008–2010 гг. Поставки вертолетов осуществлялись в Пакистан, Иран, Словакию, а запасные части и комплектующие для авиационной техники направлялись в Алжир, Индию и Узбекистан. На долю древесины и изделий из нее приходится свыше 30 %, причем в структуре поставок продукции лесного комплекса около 18 % приходится на продукцию деревообработки: пиломатериалы (7,5 % от общего объема поставок данной товарной группы) и целлюлозно-бумажную продукцию (более 10 %). Китай остается основным потребителем круглых лесо-

материалов. Незначительные поставки круглых лесоматериалов осуществляются в Монголию и Республику Корея. Пиломатериалы до (90 % общего объема) также поставляются в Китай, Данию, Монголию, Швейцарию, Японию, США и Республику Корея (до 10 % от общего объема).

В начале 2000-х гг. и в последующем в 3,5 раза увеличились физические объемы экспорта картона. Этот вид продукции поставлялся в Китай, Казахстан и Киргизию. Доля продовольствия в структуре экспорта региона находится на уровне 7 %. Основным объемом этой статьи приходится на муку пшеничную, кондитерские изделия, кедровые орехи, поставляемые в Китай (61 % экспорта всех продовольственных товаров).

В конце 2000-х гг. в товарной структуре импорта основную долю по-прежнему занимала машиностроительная продукция и товары народного потребления. Около 65 % в импорте машинотехнической продукции приходится на авиадвигатели для Улан-Удэнского авиа-

завода, поставщиком которых является Украина, причем стоимостный объем импорта двигателей постоянно растет.

В импорте товаров потребительского спроса в начале 2000-х гг. и в настоящее время преобладают пищевкусовые (в 2002 г. доля продуктов питания в объеме поставок товаров данной группы составила 96,5 %). Основными экспортерами стали Монголия (мясо свежемороженое и мясные субпродукты) и Китай (плодоовощная продукция, а также свинина свежемороженая для дальнейшей промышленной переработки).

В 2010 г. экспорт Республики Бурятия составил 443,9 млн. дол., т. е. снизился по сравнению с предыдущим годом на 10 %. Главным фактором увеличения стоимостных объемов экспорта явился рост поставок машиностроительной продукции, продовольственных товаров и каменного угля. Вместе с тем произошло снижение как стоимостных, так и физических объемов экспорта по целому ряду традиционных для республики экспортных товаров.

Таблица 6

Географическая структура импорта Республики Бурятия* (%)

Регион	Год						
	1995	1998	2000	2003	2008	2009	2010
АТР В т. ч.:	35,5	52,6	54,6	71,6	67,0	34,5	45,8
Китай	17,3	22,8	12,6	23,6	58,2	19,1	36,2
Монголия	14,8	12,3	25,7	47,2	4,3	12,3	8,4
Япония	0,3	9,5	1,9	0,2	2,9	1,2	0,9
Республика Корея	0,9	0,8	0,4	0,2	1,6	1,7	0,1
США	1,6	6,0	13,7	0,1	0,7	0,2	0,4
Западная Европа	20,3	5,6	11,0	20,5	5,4	5,0	4,8
Африка	1,0	—	—	0,4	—	0,0	—
СНГ и Прибалтика	42,6	23,2	34,0	5,7	24,7	60,3	42,8
Прочие	0,6	0,2	0,4	2,0	2,2	0,0	6,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100

* Составлено на основе данных Комитета ВЭС Министерства экономического развития и внешних связей Республики Бурятия.

Стоимостный объем экспорта древесины и целлюлозно-бумажной продукции в 2003 г. сократился на 22 % к уровню 2002 г., а в 2010 г. составил 354 % к уровню 2003 г. Сложившаяся ситуация с экспортом древесины и пиломатериалов связана с неблагоприятной внешнеэкономической ценовой конъюнктурой на лесоматериалы на рынке Китая и пожароопасной обстановкой в лесах Бурятии в весенне-летний период, а также значительным укреплением рубля. На внешний рынок в 2010 г. направлено 600,6 тыс. м³ деловой древесины, пиломатериалов – 467 тыс. т, картона – 4654 т.

Основным потребителем круглого леса, как и прежде, является Китай – 97,4 % всего поставляемого объема в 2003 г. и 99,2 % в 2010 г., поставки пиломатериалов в 2010 г. помимо Китая (95,1 %) осуществлялись в Египет (3,4 %), Францию (0,6 %), Австрию (0,3 %), Германию, Данию, Ливан, Монголию, Таджикистан, Узбекистан (от 0,1–0,2 % в каждую страну). В конце 2000-х гг. вследствие снижения конкурентоспособности значительно сократилось производство и экспортные поставки электродвигателей, приборов и средств теплового контроля, цемента и ряда другой продукции. Утрачены рынки сбыта плавикового шпата, вольфрамового концентрата, пушно-мехового сырья и лекарственного сырья. При этом экспорт каменного угля увеличивается. На экспорт Тугнуйским угольным разрезом в 2003 г. поставлено 1735,0 тыс. т, в 2010 г. уже 2010,0 тыс. т (в настоящее время объемы поставок тугнуйского угля не включаются в показатели Республики Бурятия). Увеличились поставки продовольственных товаров в Монголию в 2003 г. на 73 % к уровню 2002 г. и в 5,3 раза в 2010 г. к уровню 2003 г. (кондитерские и макаронные изделия, мука, молочная продукция, безалкогольные напитки и т. д.) и Китай (кедровые орехи).

Вырос удельный вес Республики Бурятия и в экспорте Российской Феде-

рации – с 0,1 % в 2007 г. до 0,11 % в 2010 г. В структуре экспорта по-прежнему основную долю составляет экспорт древесины и целлюлозно-бумажных изделий (40,2 % в 2010 г.) и машиностроительной продукции (53 % в 2010 г.).

За указанный период снизился объем экспорта необработанных материалов (с 1847,2 тыс. м³ в 2007 г. до 606,6 тыс. м³ в 2010 г.) и увеличился объем экспорта обработанных лесоматериалов (с 23,6 тыс. т в 2007 г. до 467,2 тыс. т в 2010 г.). Продовольственное и сельскохозяйственное сырье в структуре экспорта занимает 4,2 % (в 2007 г. этот показатель составлял 6,4 %).

Программой социально-экономического развития Республики Бурятия до 2015 г. предусмотрен рост объема экспорта к 2015 г. до 496,3 млн. дол. США.

Объем импорта в Республике Бурятия составляет незначительную долю в импорте Российской Федерации – 0,07 %. С 2007 г. импорт продукции в республику сократился с 179,3 млн. дол. США в 2007 г. до 153,6 млн. дол. в 2010 г. Основную долю в структуре импорта республики занимают машиностроительная продукция (57,8 % в 2010 г.), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (23,1 % в 2010 г.) и текстиль, текстильные изделия и обувь – 10,4 % в 2010 г. Основными поставщиками импортных товаров, как и в начале 2000-х гг., являются Китай (40,9 %), Украина (38,5 %), Монголия (9,5%). Объем китайских товаров на рынке Республики Бурятия с 2007 г. уменьшился с 120,8 млн. дол. в 2007 г. до 62,89 млн. дол. в 2010 г. Объем товаров из Монголии увеличился с 3,34 млн. дол. в 2007 г. до 14,66 млн. дол. в 2010 г.

Таким образом, за 1992–2010 гг. Республика Бурятия, имея выгодное географическое положение, интенсивно использовала возможности международной торговли для стабилизации социально-экономического положения. Во многом благодаря именно внешней торговле

удалось сохранить жизнедеятельность таких предприятий республики, как ОАО «Улан-Удэнский авиазавод», ОАО «Селенгинский ЦКК» и др. [3]. Близость рынков сбыта стран АТР, и прежде всего Монголии и Китая, способствовала интеграции экономики республики в систему международного разделения труда. Это было особенно важно в связи с тем, что с начала экономических реформ сырьевая направленность региона, высокая капиталоемкость хозяйственного освоения и высокие транспортные затраты в условиях полного отсутствия государственной поддержки поставили экономику Республики Бурятия в заведомо невыгодное положение по отношению к внутреннему рынку России. Характерными особенностями лесного экспорта Республики Бурятия в период экономической реформы явилось уменьшение количества внешнеторговых стран-партнеров, сокращение количества видов экспортируемых лесных товаров, рост незаконного вывоза древесины, увеличение числа мелких экспортеров. Вместе с тем республика по своим возможностям доступной лесосырьевой базы в ближайшее время может подойти к пределу объемов экспорта качественных лесоматериалов. Вследствие этого как перспективное развитие самой лесной отрасли, так и наращивание объемов экспорта будет возможно только на основе полной переработки менее качественного сырья. В то же время существует и ряд других проблем, сдерживающих наращивание объемов экспорта лесоматериалов и снижающих его эффективность. К ним можно отнести следующие:

- рост себестоимости заготовки и переработки;
- недостаточная развитость деревообрабатывающих производств на современном технологическом уровне, снижающая конкурентоспособность продукции, и вызванное этим сокращение номенклатуры экспортных товаров;

- вынужденное увеличение доли низкосортной продукции в общем объеме экспорта в связи с объективно идущей трансформацией лесосырьевой базы;

- недобросовестная конкуренция между многочисленными неквалифицированными экспортерами, приводящая к снижению контрактных цен;

- практическое отсутствие у большинства производителей контроля качества экспортируемой продукции, проверки на соответствие требованиям отечественных и международных стандартов и техническим условиям, неразвитость сертификации лесной продукции.

В целом причинами, сдерживающими рост региональных объемов экспорта, по оценкам Министерства экономики Республики Бурятия, являются:

- 1) рост издержек производства и, как следствие, рост цен и снижение конкурентоспособности экспортной продукции в результате:

- «байкальского фактора», увеличивающего затраты на производство продукции, связанные с экологией;

- непомерно высоких транспортных тарифов, энергозатрат и налогов;

- дефицита оборотных средств предприятий;

- высоких ставок коммерческих кредитов и растущих затрат на обслуживание долга;

- удаленности республики от основных мировых рынков сбыта;

- 2) высокая степень физического и морального износа оборудования;

- 3) недостаток «живых денег», который вынуждает предприятия поставлять экспортную продукцию по заниженным ценам, что стимулирует рост внутренних цен;

- 4) сворачиваемость рынка готовой продукции по вине поставщиков сырья, т. к. возможность получить «живые деньги» приводит к демпинговым выбросам сырья на рынки иностранных партнеров;

- 5) нехватка в регионе институтов и инфраструктуры, способствующих раз-

витию ВЭД и, в первую очередь, экспорта. Это отражается в отсутствии страхования от рисков и кредитования экспортных и импортозамещающих производств и внешнеторговых сделок, низкой кредитоспособности местных банков и отсутствии прямых корреспондентских отношений с зарубежными банками, в т. ч. китайскими;

6) неконсолидированность интересов и несогласованность действий структур по контролю и обслуживанию участников ВЭД (таможни, банков, железной дороги, санитарного контроля);

7) неурегулированность на федеральном уровне:

- вопросов возврата НДС при экспорте товаров;

- законодательства и нормативной базы по экспорту стратегически важных сырьевых ресурсов, в т. ч. круглых лесоматериалов;

- механизма приграничной торговли и создания зон свободной торговли на приграничных территориях;

- информационно-аналитического обслуживания участников ВЭД как на федеральном, так и на региональном уровне;

- государственной поддержки промышленного экспорта.

Перспективы развития

Среди значимых факторов, способных влиять в перспективе на развитие обрабатывающей промышленности в условиях глобализации, следует выделить:

- географическое положение, прежде всего наличие общей границы с Монголией, обеспечивающее экономическую близость Республики Бурятия к внешним рынкам;

- наличие транспортной инфраструктуры, обеспечивающей доступ к рынкам, а также возможность использования регионом транзитного потенциала;

- обеспеченность рядом сырьевых ресурсов (в т. ч. уникального характе-

ра), проекты освоения которых принципиально отвечают потребностям экономик отдельных стран Северо-Восточной Азии;

- наличие производств оборонного комплекса, продукция которых котируется на мировом рынке товаров двойного назначения (военного и гражданского);

- государственную политику, направленную на дальнейшую либерализацию внешнеэкономической деятельности России.

К числу факторов, ограничивающих развитие торгово-экономического сотрудничества Республики Бурятия с зарубежными странами, следует отнести:

- нерегулярный и особый порядок формирования портфеля заказов для предприятий машиностроительного комплекса, оказывающих большое влияние на динамику и структуру экспорта Республики Бурятия;

- неопределенность перспектив сравнительно крупных инвестиционных проектов, способных обеспечить структурный прорыв в динамике производства Республики Бурятия, в т. ч. в динамике экспорта;

- слабое развитие деловой, а также, в ряде случаев, производственной и транспортной инфраструктуры, отвечающей международным стандартам и производственно-экономическим требованиям существующих и потенциальных поставщиков экспортных товаров и услуг;

- лимитирование производственных возможностей экспортоориентированных предприятий, инвестиционных проектов, обусловленное режимом Байкальской природной территории;

- отсутствие эффективной правовой базы в области приграничного сотрудничества;

- санкции ВТО за поддержку сельского хозяйства не затрагивают США. Членство России в ВТО сделает ее сельское хозяйство уязвимым. Многие его сегменты могут исчезнуть. Сравнительно чистые продукты будут вытеснены с при-

лавков ввозимыми дешевыми, генетически модифицированными аналогами. Страны, пытавшиеся ограничить ввоз такого продовольствия, были обвинены ВТО в создании продовольственных барьеров;

– в случае принятия России в ВТО переходный период продлится от 1 до 7 лет для различных товарных групп, и снижение таможенных пошлин на промышленные товары составит 8,2–11,1 %. Внешнеторговые пошлины на массово производимые в стране потребительские товары останутся неизменными, за исключением автомобилей и обуви. Таможенные сборы за ввоз компьютеров и элементную базу должны быть при этом ликвидированы. Предусматривается снижение пошлин на бытовую электронику и электротехнику, а также различное технологическое и научное оборудование;

– возможность ввозить товары на отечественный рынок сделает бессмысленным вложение иностранных капиталов в российское производство. Российские фирмы в основном будут проигрывать в конкурентной борьбе. Неразвитое производство электроники, вероятно, не выдержит в числе первых;

– в результате присоединения России к ВТО регулирующие возможности государства должны будут уменьшаться, но макроэкономические условия диктуют увеличение регулирующей роли государства как по защите экономики, так и по развитию национального потребления. После вступления России в ВТО преимущества отечественных предприятий исчезнут в формально равноправном торговом мире. Внутренние цены на энергоносители исчезнут, что резко повысит издержки товаропроизводителей;

– проблемы, вероятнее всего, коснутся автомобилестроения, а также производств дорожной, строительной и сельскохозяйственной техники, электроприборов и промышленного оборудования. Общее сжатие реальной экономики

негативно отразится на всех сферах обрабатывающей промышленности;

– перед Россией стоит вопрос слома периферийной модели экономического развития. Для технологического и структурного обновления национального хозяйства необходима активная роль государства. Полезно наращивание расходов на науку и образование. Необходимо множество работающих исследовательских центров. Крайне важно создание рынка для отечественной обрабатывающей промышленности внутри страны. Членство в ВТО противоречит решению этих задач;

– для осуществления несырьевой товарной экспансии на внешние рынки российские предприятия должны окрепнуть на собственном защищенном рынке. Именно от такого пути Россия отказывается для многих отраслей обрабатывающей промышленности, присоединяясь к ВТО. Защита внутреннего рынка чрезвычайно важна для развития экономики России. Конструктивным следствием перечисленных выше положительных и отрицательных факторов внешнеэкономического сотрудничества Республики Бурятия должна стать реализация пакета инвестиционных проектов, направленных на наращивание экспортного потенциала Республики Бурятия, рост объемов производства экспортируемых отраслей и реализация стимулирующих мер по развитию приграничного сотрудничества.

Портфель основных перспективных инвестиционных инициатив включает следующие проекты:

1. Минерально-сырьевой комплекс.

Учитывая, что Республика Бурятия обладает крупнейшей как в России, так и в мире минерально-сырьевой базой высококачественного кварцевого сырья, масштабы потребления которого постоянно растут, одними из наиболее перспективных проектов, с точки зрения наращивания экспортного потенциала республики, могут стать следующие:

– реализация проекта «Солнечный кремний» на сырьевой базе Восточных Саян (месторождение Бурал-Сардык, проявления Уода-Гырчан и Окинское;

– организация промышленного комплекса по добыче и глубокой переработке кварцевого сырья Чулбонского месторождения Северо-Байкальского района;

– освоение гранулированного жильного кварца Гоуджекитского месторождения Северо-Байкальского района. Основными импортерами кварца и продуктов на его основе могут стать, прежде всего, наиболее развитые в технологическом отношении страны;

Кроме того, на мировых рынках наблюдается оживление спроса на наиболее важные цветные металлы и их концентраты. Так, рынок свинца характеризуется снижением складских запасов металла, ростом биржевых цен на него, а также ростом потребности в свинцовом концентрате и снижением его поставок у такого крупного производителя свинца, как Китай. Благоприятно складываются тенденции и на мировых рынках цинка, вольфрама, молибдена.

2. Лесопромышленный комплекс должен быть ориентирован на глубокую переработку древесины:

– производство и поставка лесопroduкции повышенной степени обработки на экспорт (экспортный пиловочник, пиломатериалы естественной влажности, сушеные, строганные пиломатериалы, шпалы);

– переработка пиловочника на месте его заготовки и организация серийного производства элементов домостроения из оцилиндрованного бруса;

– производство картона высших сортов;

– организация производства клеевых изделий из древесины.

3. В машиностроительном комплексе:

– глубокая поэтапная модернизация вертолета МИ-171, целью которой является разработка новых и развитие уже используемых на МИ-171 функций;

– постановка на производство штурмовика СУ-39;

– формирование сети сервисных предприятий – создание системы высокоэффективного гарантийного и послегарантийного обслуживания клиентов;

– постановка на производство нового скоростного вертолета. Цель проекта – освоение производства изделия, ниша которого в настоящий момент свободна. Именно вышеназванные проекты авиационного завода являются условиями реализации конкурентных преимуществ этого ведущего предприятия.

В ЗАО «Улан-Удэстальмост» условия реализации конкурентных преимуществ: реализация проекта по внедрению новых лазерных и компьютерных технологий; замена и модернизация оборудования при изготовлении стальных мостовых конструкций железнодорожных и автодорожных мостов.

На Улан-Удэнском ЛВРЗ – филиале ОАО «Желдорреммаш» конкурентными преимуществами являются ремонт подвижного состава – электровазозов, пассажирских, багажных, почтовых, специальных вагонов, дизелей; модернизация подвижного состава; ремонт и новое формирование локомотивных и колесных пар; изготовление запасных частей с преимущественной ориентацией на заказ ОАО «Желдорреммаш».

В ОАО «Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение» конкурентные преимущества – выпуск элементов и систем авиационной автоматики, гражданской продукции. Предприятие вошло в состав Улан-Удэнского инновационного авиационного кластера.

4. В пищевой промышленности:

– техническое перевооружение ОАО «Амта», рассчитанное на сбыт кондитерских изделий в Монголию;

– техническое перевооружение колбасно-консервного производства ООО «Бурятмясопром»;

– производство экологически чистой байкальской воды ЗАО «Байкал-

Вита-Аквабур» со сбытом в страны СНГ (Казахстан, Узбекистан), а также Японию, Южную Корею, Канаду, США;

Наряду с вышеуказанными проектами в Республике Бурятия имеются предпосылки для развития новых экспортно-ориентированных отраслей экономики, которые при сравнительно небольших вложениях капитала в относительно короткие сроки реально могут стать постоянными источниками валютных доходов [1]. Это, прежде всего, развитие биофармацевтической промышленности на базе имеющихся ресурсов лекарственных растений и биологического сырья животного происхождения (травы, лекарственные и декоративные растения, панты изюбра и северного оленя, струя кабарги, внутренности и органы животных). С учетом высокого уровня народной медицины в Бурятии перспективно создание экспортноориентированной отрасли по производству высокоэффективных лекарственных препаратов [4]. Рынком сбыта для биофармацевтической продукции могут стать страны Юго-Восточной Азии (Тайвань, Сингапур, Сянган, Непал, Индия), а также Монголия.

Таким образом, в перспективе развитие внешней торговли Республики Бурятия приобретет более динамичный

характер. Среднегодовые темпы прироста объемов экспорта в 2003–2015 гг. составят 7–8 %, а стоимость его объема к 2015 г. превысит 720,0 млн. дол. (табл. 7).

Одним из вариантов стимулирования внешнеторгового сотрудничества Республики Бурятия в перспективе является создание свободных экономических зон (СЭЗ), расположенных вдоль российско-монгольской границы, способных выполнять функции содействия внешнеэкономической деятельности соответствующих стран, развитию их экспортного потенциала, в частности на основе привлечения иностранного капитала.

Наиболее подготовленной и отвечающей сущности свободной экономической зоны в республике является зона свободной торговли (ЗСТ) «Кяхта–Алтан-Булаг», которая должна быть активно поддержана в качестве свободной экономической зоны (СЭЗ) на федеральном уровне. В перспективе эта зона может стать самым доступным и дешевым мостом, связывающим Россию и Китай. Функционирование СЭЗ будет способствовать рационализации товаропотоков из регионов России в Монголию, Китай, страны Юго-Восточной Азии путем использования имеющихся транспортных артерий [5].

Таблица 7

Среднегодовые темпы прироста объемов экспорта*

Товарная группа	Год					
	2003	2005	2007	2010	2012	2015
Машины, оборудование, транспортные средства	216,2	151,6	99,5	239,3	367,8	458,4
Уголь	12,7	15,6				
Продукция лесного комплекса	50,4	114,8	206,8	178,6	199,9	236,5
Пищевкусовые товары	26,0	24,1	21,1	18,7	25,2	25,1
Прочие	19,2	27,4	39,5	12,9	15,3	7,1
Итого	325,0	370,9	366,9	449,5	605,3	721,5

* Рассчитано на основе оценок текущей динамики экспорта, прогнозных оценок объемов производства данных видов продукции, а также предполагаемых результатов реализации инвестиционных проектов.

Крайне важно для обеспечения реального сдвига в области создания СЭЗ в Республике Бурятия разработать и утвердить на федеральном уровне систему законов, определяющих механизм и набор параметров функционирования СЭЗ, как минимум адекватных условиям в монгольской ЗСТ «Алтан-Булаг» [6]. Однако более предпочтительным вариантом может оказаться использование китайских параметров (опыт развития приграничных городов Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хунгунь) [5] в качестве модели установления конкурентоспособных условий инвестирования в СЭЗ Республики Бурятия.

Заключение

Облегченный вывоз сырья и беззащитный рынок – таким, на наш взгляд,

будет общий итог от присоединения страны к ВТО. В этих условиях необходимо создать в Республике Бурятия комиссию по рассмотрению комплекса вопросов, возникающих в связи с присоединением России к ВТО и провести научно-аналитическое изучение основных сфер и отраслей деятельности малого и среднего бизнеса, их рынков сбыта, информационной транспортной инфраструктуры региона, степени готовности региональных программ поддержки и развития малого и среднего бизнеса, организаций инфраструктуры, а также малых и средних предприятий республики к деятельности на открытых рынках в условиях повышенной конкуренции и требований ВТО.

Источники

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2539-р.
2. Закон Республики Бурятия «О программе социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2020 года» от 14 марта 2011 г. № 1930-IV.
3. Концепция промышленной политики Республики Бурятия на период 2013–2017 годов и до 2025 года: Постановление Правительства Республики Бурятия от 6 декабря 2012 г. № 742.
4. Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 года. Постановление Правительства Республики Бурятия от 15 декабря 2007 г. № 410.
5. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.
6. Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 года. Постановление Правительства Республики Бурятия от 15 декабря 2007 г. № 410 // Собрание законодательства Республики Бурятия: офиц. изд. 2008 г.

УДК 159.923.2(571.54)

И. Н. Дашибалова, А. А. Базаров

**БУРЯТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРИ СЛОЯ
КИНОДОКУМЕНТАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
(первая часть)**

Статья посвящена возможности кинодокументальной реконструкции (внутри трех слоев) изменений традиционной идентичности бурят и отражению слома этнических форм хозяйствования.

Ключевые слова: бурятская идентичность, киноконструкт, кинотекст, три слоя кинодокументальной реконструкции, взор власти, взор извне, взор изнутри, модернизация, репрезентация, иконические коды, генеалогический метод.

I. N. Dashibalova, A. A. Bazarov

**BURYAT IDENTITY AND THREE LAYERS
OF A DOCUMENTARY RECONSTRUCTION
(part 1)**

The article is devoted to the possibility of documentary reconstruction (in three layers) of changes of the Buryat identity. Documentary films reflect the final dismantling of ethnic forms of economic activity.

Key words: Buryat identity, film-construct, film-text, three layers of a documentary reconstruction, look of authority, look from the outside, look from the inside, modernization, representation, iconic codes, genealogical method.

Теоретические рамки исследования

В современных визуально-антропологических исследованиях кинематограф в качестве источника знания об этнической идентичности (ЭИ) рассматривается как раскрытие концепции автора, погруженного во взаимодействие с носителями культуры; в этом случае исследователь-антрополог является «присутствующим» постановщиком фильма. Данная традиция ведет начало от первых этнографических исследовательских фильмов, в частности классических работ по английской и американской антропологии М. Мид, Р. Флаэрти, Д. МакДугалла и др. [10, с. 215–228; 12].

Российские этнологи Е. В. Александров, А. В. Головнев и др., разрабатывающие концепции «созвучной камеры», «антропологического кино», предлагают теоретическое осмысление конкретных практических полевых наблюдений исчезающих культур [1; 2; 6]. Другая тенденция формируется на антропологическом осмыслении кинодокументов. Поскольку архивные кинодокументы являются иллюстрацией к историко-культурным реалиям конкретного типа общества, то они могут рассматриваться в русле позитивистского понимания истории в качестве идеи, что «документ определяет исторический факт». Поэтому наряду с вышеуказанным подходом утвердился корпус отечественных работ, рассматривающих

ДАШИБАЛОВА Ирина Николаевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dashibalonirina@gmail.com.

БАЗАРОВ Андрей Александрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: bazarow_andr@mail.ru.

киноисточники как материал конкретного историко-культурного знания [9]. В современных исследовательских реалиях, посвященных анализу архивных киноисточников, репрезентирующих проблемы ЭИ, апробируются различные концепции, от киноведческих описательных до психоаналитических и семиотических. Выбор методик определяется целями и материалами исследования. Данная ситуация вынуждает обратиться к междисциплинарному подходу в анализе кинодокументов. В этой связи нам импонирует критическая мысль М. Баль о том, что «практики смотрения, касающиеся любого объекта, создают объектную область: его историчность, социальную закрепленность, открытость многостороннему анализу» [4, с. 224]. Отсюда – невозможность визуального эссенциализма, текучесть категориального аппарата и применение разнородных теоретических источников к анализу фильмов.

Каковы общие характеристики материалов и соответствующих целей исследования? Документальный кинематограф (фильмы, кинохроники, кинолетописи, киножурналы и т. д.) является способом не только фиксации, но и формирования ЭИ. И если данный жанр был активно задействован как средство политического воспитания, как идеологический конструкт в советский период, то в настоящее время мы уже рассматриваем его как источник, в котором закреплены знаки времени, свидетельства ушедшей эпохи (речевые образцы, стереотипы поведения, стиль одежды, социокультурное пространство и др.). По выражению А. В. Головнева, «именно кино оказывается переносчиком поведенческих схем, сочетая ритм (практическое время), пластику тела, комбинаторику движений, логический и дологический ряды смыслов, оно способно совершить революцию в поведенческих схемах (*habitus*)» [6]. С течением времени кино обладает эффектом обнаружения скрытых «маргиналий» визуализируемого, советский

идеологический месседж режиссера нивелируется содержанием изобразительного ряда, деталями быта, микроисторией героя.

Тематический выбор работ, отобранных к данному исследовательскому кейсу, обусловлен сюжетами советских/российских документальных фильмов о бурятских чабанах, снятых в разные периоды (1975, 1978, 1985, 2011 гг.). Анализ данных кинотекстов позволяет реконструировать противоречия бурятской идентичности (БИ) сквозь различные временные срезы в категориях «коллективное/индивидуальное», «советское/этническое», «успех/неудача» и т. д. Анализируемые киноисточники можно рассматривать как репрезентацию БИ в динамике, основным сюжетом в которых является базовое этническое занятие в условиях общества модерна. В других документальных фильмах о бурятах, снятых в период 1970–2000-х гг., героями повествований являлись представители творческой интеллигенции (художник, писатель, балерина, певец и т. д.), демонстрирующие полную включенность нации в процессы модернизации. На экране репрезентировался образ успешного, живущего в городской среде, разорвавшего свои связи с традиционной культурой человека. Именно поэтому наш выбор обусловлен особенностями трансляции кинозгляда (как правило, представителя другой культуры) на человека традиционного, вытесненного «на край». В одном случае чабан – это Герой Социалистического Труда, успешный, однако рефлексирующий о своем социальном статусе, в другом случае – это простой колхозник, живущий на чабанской стоянке вдали от своих детей, и, наконец, современный житель бурятского села, живущий в условиях развала советских коллективных форм хозяйствования. Упомянутые герои сценарием и режиссерским замыслом получают возможность поделиться своими переживаниями. Данные риторические вы-

сказывания позволяют анализировать их уже не только с точки зрения нарративного анализа отдельных биографий, но и шире, как киноидентичность бурят в последней трети XX – начале XXI в.

В этой связи в исследовании выдвигаются вопросы: Как конструируется БИ и какова была преемственность кино-взгляда на бурятских чабанов в советском/российском документальном кинематографе? Каково зрительское восприятие образов чабанов как узнавание собственной этнокультуры (проблемы социальной памяти и эффекта самоидентификации с персонажами)? Как через кино-портрет одного человека выстраиваются социокультурные изменения этноса?

Ответы на данные вопросы невозможны без снятия дилеммы, что кино является не только документом эпохи, но и искусством, предметом воображения, социальным конструктом. Насколько репрезентативны кинообразы в анализе бурятской идентичности? Во-первых, для анализа не случайно взяты именно документальные фильмы, которые ближе по своему жанру к исследовательско-антропологическим со стремлением к объективизму. В связи с тем, что художественные фильмы более метафоричны по своим высказываниям, они, на наш взгляд, должны являться объектом иного поля изучения ЭИ. Во-вторых, проблема может быть решена исследовательским инструментарием и отсложением первичного эффекта зрительской установки на кино как зрелище, отсевом изобразительного ряда фильма от пропагандистского влияния автора, поиском корреляций между разными кинотекстами, определением иконических кодов.

Исходя из предмета нашего исследования [1], обоснованным видится анализ указанных киноисточников как прочтение кинотекста. Теоретическими предпосылками к данному исследованию послужили подходы, посвященные феномену визуального, в работах М. Фуко, Г. М. Маклюэна, Ж. Делеза, О. Аронсона и др.

Для определения конструирования БИ кинематографическими средствами мы отталкиваемся от понятия «медиа как сообщение», «кино как текст», сформулированного Г. М. Маклюэном: «Задача писателя или кинорежиссера состоит в том, чтобы перенести читателя или зрителя из одного мира, их собственного, в другой, созданный книгопечатанием и кино. Этот перенос настолько очевиден и настолько всеобъемлющ, что люди, переживая такой опыт, принимают его на подпороговом уровне и без крупницы критического сознания» [11, с. 145]. Поскольку документальный фильм – это текст, то отсюда вытекает обоснование всех способов прочтения текста. Другими словами, попытки ответа на простые вопросы: как, с какой целью и какими средствами выстроено медиасообщение.

Рассмотрение выделенных кинолент позволяет определить их как одно повествование – четырехсерийный кинотекст, в котором разные случаи рассматриваются в качестве прерывистых линий судьбы бурятской этнической культуры. Важнейшим для нашего исследования вариантом рассмотрения киноисточника является генеалогический анализ М. Фуко. В данном случае киноисточник выступает в качестве воплощения идеи прерывности исторического процесса, также в качестве определения своеобразия события и рассмотрения фоновых социальных практик. Данный метод был сформулирован автором в работе «Порядок дискурса» в следующем виде: «...если задаешься целью осуществить в истории идей самый малый сдвиг, который состоит в том, чтобы рассматривать не представления, лежащие, возможно, за дискурсами, но сами эти дискурсы как регулярные и различающиеся серии событий, приходится призвать в самое основание мысли случай, прерывность и материальность. Тройная опасность, которую определенная форма истории пытается предотвратить, рассказывая о непрерывном разворачивании идеальной необходимости. Три понятия, кото-

рые должны были бы позволить связать историю систем мысли с практикой историков» [15, с. 83]. Исходя из предложенного генеалогического подхода М. Фуко, изменяется привычное предметное поле этносоциального анализа. Рефлексии подвергается живая речь субъекта, расхождения властного и частного дискурсов и др.

Кинодокумент как разворачивающийся визуальный дискурс является многомерным источником, в нем помимо интерпретации повествования и замысла постановщика прочитываются неявные смыслы, которые определяются с течением времени ввиду особенности завораживающего действия кино как документа эпохи. По прошествии ряда лет, по наблюдению О. Аронсона, даже игровое кино несет источниковедческую информацию о повседневных предметах, телесности, материальных компонентах культуры. «...не имеет значения, документальный фильм мы смотрим или художественный. Разумом мы понимаем, что видимое на экране «было когда-то», но наша чувственность утверждает, что все это происходит «здесь и сейчас». То есть в киноизображении есть нечто такое (настолько непосредственное), что говорит нам о реальности больше, чем наблюдение за внешним миром» [3, с. 132–133]. Принимая данное утверждение, можно, на наш взгляд, рассмотреть советские документальные фильмы не только как иллюстративно исторический источник, но и как поле для интерпретации современных проблем ЭИ. Документальные фильмы, снимаемые в региональных киностудиях СССР в 1970–1980-е гг., производились по заказу министерств или партийных организаций, транслировались в разветвленной системе кинообзора по всей стране, включая сельские населенные пункты. Поэтому их широкая социальная циркуляция обеспечивала регулярную коммуникацию или кинематографический дискурс между авторами кинопроизведений

и зрителями. Ж. Делез в работе «Кино» обратил внимание, что кино не может смотреть неподготовленный зритель, с практиками смотрения у него сформировалось монтажное видение, «в кинематографе восприятие исправляется синхронно появлению образа, но зритель воспринимает показываемое безоговорочно» [7, с. 42].

Таким образом, БИ в данной работе понимается нами как сконструированное воображаемое поле взаимодействия создателей кинодокументов и кинематографического видения зрителей-бурят, воспринимающих фильмы как нарративы о своей культуре.

Инструментальные рамки антропологического измерения БИ через прочтение кинотекстов предлагаются нами как выделение слоев, сконструированных образов представителей чабанской профессии, определяемых кинематографистами в качестве визуального портрета типичных бурят [II]. Определяя кинообраз как многослойный объект, анализ подразумевает исследование трех крупных слоев. Первый слой – персонаж, он является кинопродуктом идеологического режима власти, определен господствующими дефинициями, создан в соответствии с жанром пропагандистских кинолент, в нем доминирует социальное, коллективное, советское. По методологии М. Фуко, речь субъекта в визуальном режиме власти определяется взором и управлением [14, с. 220–248]. Второй слой, который необходимо вычленил в кинотексте, – это режиссерское видение, прорывающееся через работу кинооператора, сценарные ремарки и другие кинотехники, не совпадавшие с задачами соцреалистичных заказов. Третий слой – оптика кинозрителя, в которой воображаемое пространство сквозь первичный эффект монотонности документального кино и набивший оскомину политический месседж определялось узнаванием иконических кодов традиционной культуры. Данные слои соответствуют раз-

личным контекстам, с точки зрения власти, автора кинотекста и зрителя.

Переходя к изучению проблемы, необходимо подчеркнуть, что в представленной статье кризис традиционной этнической идентичности бурят в 1970–2010-х гг. в документальном кинематографе показан на примере источников Иркутского облкинофонда. Эмпирической базой исследования являются 4 кинотекста – документальные киноленты Восточно-Сибирской студии кинохроники: «Трудный год чабана Рабдаева» (1975 г.), «Степная мечта» (1978 г.), «Чабанский путь» (1985 г.) и телевизионный фильм «Старая песня чабана» из цикла «Вся Россия» (2011 г.), в которых созданы образы бурят – представителей чабанской профессии. Данные источники впервые вводятся нами в научный оборот.

Применяя генеалогический метод и описание дискурсивных практик кинотекста, можно обнаружить сходства и различия в киноконвенциях позднесоветского и постсоветского периода изображения бурят. Под дискурсивной практикой понимается «совокупность анонимных исторических правил, которые устанавливают условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономического или географического пространства. Эти правила, или дискурсивные практики, всегда являются определенными во времени и пространстве» [13, с. 98].

Перейдем к общей характеристике выбора материала. Наиболее частым объектом съемок в советской кинохронике и документальных фильмах с 1930-х гг. и до самого конца советского периода являются представители массовых профессий сельскохозяйственного и промышленного труда. Исходя из базы данных документальных фильмов, произведенных и хранящихся в Иркутском областном кинофонде, самой популярной этносоциальной профессиональной

группой, снимаемой на территории этнической Бурятии (БАССР, Агинский и Усть-Ордынский округа, ряд районов Иркутской и Читинской областей), являлись овцеводы (чабаны). Все указанные киноисточники постулируют социальную проблематику, внутренний конфликт героев и даже трагизм традиционного занятия в современных условиях. В реконструкции анализируемых фильмов определены базовые номинации кинотекста, подтекст, контекст, сюжетная роль героя и оценка события режиссером (журналистом).

Интертекстуальная кинорепрезентация бурятской этничности делает акцент на фактически одном явлении в различных временных срезах: период застоя, начало перестройки, пореформенный период российского общества. Демонстрируется тяжелый круглогодичный бессменный труд, кочевой быт, многодетная семья, связи со старшим поколением, внешние атрибуты этничности, сопровождаемые фоновой музыкой, и т. п. Обращаясь к четырем кинотекстам, можно проследить диалог между структурами фильмов, диахронию и противоречия в трансляции образа бурят.

Взор власти

Рассмотрим контекст создания документальных кинолент в 1970–1980-е гг. Документальный фильм «Трудный год чабана Рабдаева» был снят в 1975 г. Автор сценария и режиссер – Л. Сурин, оператор – М. Дяттерев, звукооператор – В. Поспехов, редактор – Т. Зырянова. Фильм черно-белый, продолжительностью 10,5 мин. В фильме повествуется о трудовой деятельности Героя Социалистического Труда Г. Рабдаева, чабана совхоза «Боргойский» Джидинского района БАССР. Фильм строится в жанре биографического повествования, артикулирующего драматический выбор героя между семьей и закрепившимся положением передовика производства.

Согласно данным экспертного интервью с сотрудником Восточно-Сибирской студии кинохроники, оператором съемочной группы, снимавшей фильмы в Бурятии, В. Я. Сергейчуком, *«тематику документальных фильмов предлагали операторы, работавшие на корпунктах. Естественно, они контактировали с обкомом партии, где им подсказывали сюжеты, которые необходимо было снимать. Потом это согласовывалось со студией и снималось. Кинохроника была идеологической организацией, и тон всегда задавал обком партии той или иной республики или области. И всегда обычно оператор, приезжающий на место, шел в партийные органы. Согласовывал съемки, они организовывали быт, гостиницу. Все это курировалось таким вот образом»*. Можно заключить, что идея фильма и сценарий исходили из востребованных и поддерживаемых властью типичных образцов кинохроники, герой съемки — это представитель массовой профессии, отличившийся трудовыми успехами. Кинофильмы позднего социализма имеют политическую нагрузку, легитимное отношение властных структур к необходимости подъема/возрождения традиционных видов хозяйствования бурят (шерсть забайкальской тонкорунной породы овец являлась марочной продукцией).

В фильмах «Степная мечта» (1978), «Чабанский путь» (1985) значительное место уделено главам районного и партийного ведомств, интервью дают первый секретарь Бурятского обкома, секретарь райкома, директор совхоза, председатель колхоза, бригадир-наставник овцеводов, бригадир комсомольско-молодежной бригады, и это неслучайно. Они несут функцию «ока власти». Репрезентация героев в кинодокументалистике служила визуальным аналогом официальных средств массовой информации. Формат такого жанра предполагал вербальный способ отражения «задач партии и правительства» в виде закадрового

текста, сопровождающего фильм, либо участия фигур, отождествляющих власть. Документальные фильмы заполняли политическую «рекламную паузу» перед сеансом художественных картин, пространство видимости управлялось «пропагандистским воспитанием масс». У зрителя должна была создаваться погруженность в советский проект через видение демонстрируемого нормативного поведения персонажей, производственных задач, успехов и будней сельского хозяйства и других подобных сюжетов.

Взор власти проникал везде (или стремился к достижению поставленным задачам), фильмы характеризовались реалистичностью, высокой тиражностью, визуальными средствами языка кино.

В указанных документальных лентах воспроизводится устоявшийся лингвистический репертуар, соответствующий производству идеологических текстов 1970–1980-х гг.: *«сделали все возможное, чтобы провести зимовку, провести олот»* (1975 г.), *«такие пяти тысячные отары можно увидеть пока что только в совхозе «Степной»* (1978 г.), *«действуют молодежные овцеводческие бригады как трудовые школы в степи»* (1985 г.), *«мать Балдана Ринчинова была награждена медалями, ездила на ВДНХ»* (2011 г.). Конструирование экранной этнической идентичности сопряжено с внешними социальными доминантами. Включение политических клише («план», «рост поголовья» и т. п.) во внутренние речевые ресурсы являлось сложным процессом и не обязательно сопровождалось давлением или конфликтом. Так, у персонажа пореформенной России, чабана Даширинчинова («Старая песня чабана», 2011 г.) сквозит в лингвистическом репертуаре надежда на государственную опеку, горечь утраты социального, персонализация идеологии: *«раньше такого не было», «сейчас частники, по 500 рублей дают», «государство не бес-*

покоится, дождевики не делает государство». Синхрония персонажей 1975 и 2011 гг. состоит в доверии к советскому режиму, отходу личных проблем на второй план, стойческом перенесении тягот чабанского труда в ущерб семье, детям, здоровью.

Визуальный дискурс идеологии, закрадывающийся в частную сферу, продемонстрирован в фильмах «Трудный год чабана Рабдаева» и «Степная мечта». Детальная репрезентация публичной/частной жизни героя подана в трансляции семейных фотографий. Данный прием, возможно, является стереотипно авторским, так как режиссером обеих лент является Л. Сурин. Ниже приведено прочтение движения кинокамеры от одного сегмента к другому как внутри изображения, так и связь между разными фотографиями в единое целое. Камера движется по ряду снимков семьи и обнаруживается маркировка официального статуса передовика. В рамке шесть фотографий, на которых изображены: 1) глава семьи, жена, 5 детей; 2) два мальчика; 3) мать и ребенок; 4) две женщины; 5) глава семьи в костюме с орденами стоит с 3 женщинами, которые одеты аналогично; 6) глава семьи с биноклем на природе. Камера перемещается к следующей рамке с 4 фотографиями, представляющими, главным образом, супругов: 1) глава семьи с женой одеты в костюмы с орденами, стоят возле автомобиля; 2) глава семьи и супруга сидят с мальчиком на фоне ковра в комнате; 3) Рабдаев и его жена сидят в костюмах с орденами; 4) Рабдаев выступает на трибуне. Очевиден патриархальный характер презентуемых фотографий, женщине отводится второстепенная, вспомогательная роль помощницы, матери.

Большой упор на межпоколенные связи и атрибуты этничности демонстрируется в фоторяде фильма «Степная мечта» (1978). Во фрагменте фильма рассказывается, о чем мечтает простой чабан, демонстрируется его скудная обста-

новка, в отличие от быта Героя Соцтруда предыдущей ленты. Чабан сидит, курит у печки, горит керосиновая лампа, протяжно дует зимний ветер, звучит тревожный саундтрек и закадровый голос: *«Он мечтает о том, чтобы детишки рядом росли, а не в школе-интернате».* Далее следует крупным планом показ старых фотографий, на которых изображены: 1) бурятка лет 50 в национальной зимней верхней одежде, стоящая возле юрты; 2) она же верхом на лошади на фоне гор и юрты, одета в дэгэл; 3) ребенок возраста примерно одного года; 4) мальчик 3–5 лет.

Итак, в зависимости от социального статуса количество и характер демонстрируемых снимков меняется. В первом случае интериоризация идеологии выражена в маркерах престижа, власти, социальных связях, участии в официальных действиях (костюм с орденами, автомобиль, бинокль, окружение передовиков). Задан сформировавшийся биографический образ героя без своего детства и юности. Во втором эпизоде ординарный человек, живущий на отшибе, тоскующий по детям и визуально маркирующий эти чувства в снимках матери, жены, ребенка. Центральную роль на снимках выполняет женщина, причем в аутентичном костюме, в отличие от одежды героя, из чего можно предположить наличную этническую память о роде. Отличительным признаком фоторядов является также то, что в фотографиях Рабдаева содержится «представление себя другим», в фотоснимках же семьи чабана из ленты «Степная мечта» фотографии в доме вряд ли несут презентующую функцию и символический ресурс частной фотографии выполняет более интимную роль.

Феномен конструируемой видимости и проницаемости власти был раскрыт теоретиками раннего киноискусства С. Эйзенштейном, Д. Вертовым, В. Пудовкиным, Л. Кулешовым, а также философами Ж. Бодри, О. Аронсоном

и подразумевает определение кино-операторских приемов: крупный план, дальний план, монтаж, ракурс и др. в эстетико-интерпретативном смысле. В этом случае кинематографическое «око власти» является выразительным инструментом, настраивающим оптику зрения. Политика оперирует не только высказываниями, но и формой – кадром. Используя визуальные инструменты (крупный план, смена переднего и заднего планов и др.) в «Трудном годе чабана Рабдаева», режиссер создает конструкт

не только через показ его деятельности, но и через оценку его труда начальством, фиксацию фрагментов выступлений на партийных собраниях, обстановку кабинетов. Приведем пример из документального фильма (см. табл.).

В данных кадрах расшифровывается социальное взаимодействие человека, награжденного за добросовестную работу, и власти, социальная форма политического знания, в которой идеологические знаки социализма отражали ресурсы, легитимность и одобряемые смыслы труда.

Таблица

Иконический код	Структурная часть фильма	Описание фрагмента	Текстовое сопровождение
«Руководитель», «Член партии»	Завязка	А. У. Модогоев, 1-й секретарь Бурятского обкома дает интервью в кабинете	Из интервью: <i>«Овцеводство – дело тонкое. Подтверждением этого являются показатели наших лучших чабанов»</i>
«Передовик», звание «Герой Соцтруда», «орден»	Завязка	Рабдаев в костюме (на лацкане орден Героя) среди жителей села	Закадровый голос: <i>«И так как Лубсанович был в начале этого движения, то в народе это движение получило название рабдаевское»</i>

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант №12-01-00236 «Приоткрытая приватность»: бурятская семья и быт в кино-, фотодокументах XX – начала XXI века».

Примечания

I. Выделяющего антропологические кинодокументы, в которых образ представителя этнической культуры сконструирован напластованиями идеологии, творческими интересами авторов фильма, субъективным восприятием зрителя-буряты.

II. Ассоциация с пользовательской работой со «слоями» (Layers) в графическом редакторе Adobe Photoshop, в которой необходимо создать или отредактировать образ путем объединения, замены, смешивания, копирования фонов и слоев.

Литература

1. Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. – М.: Пенаты, 2003.
2. Александров Е. В., Филимонов Л. С. Красная книга исчезающих культур (позиции автора и зрителя в фильмах по визуальной антропологии) // Аудиовизуальная антропология. История с продолжением. – М.: Ин-т наследия, 2008.

3. Аронсон О. Эффект присутствия -2 // Метакино. – М.: Ад Маргинем, 2008. – С. 132–133.
4. Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 212–250.
5. Головнев А. В. Киноантропология: докл. на междунар. конф. «Искусство и наука в современном мире» (М., 11 ноября 2009 г.). Режим доступа: <http://etnograf.ru/node/140>.
6. Головнев А. В. Разглядеть в чужаке самого себя (антропологическое кино) // Искусство кино. – 2008. – № 1.
7. Делез Ж. Кино. – М.: Ad Marginem, 2004. – С. 41–42.
8. Лакан Ж. Образования бессознательного: семинары. Кн. V (1957/1958) / пер. с франц. А. Черноглазова. – М.: Гнозис, Логос, 2002. – 608 с.
9. Магидов В. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. – М.: Изд-во РГГУ, 2005.
10. МакДугалл Д. Социальная эстетика и Дунская школа // Визуальные аспекты культуры-2007: сб. ст. / под ред. В. Л. Круткина, Т. А. Власовой. – Ижевск, 2007. – С. 215–228.
11. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – С. 145.
12. Флаэрти Р. Статьи, свидетельства, сценарии. – М., 1980.
13. Фуко М. Археология знания: – СПб., 1996. – С. 98.
14. Фуко М. Око власти // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – С. 220–248.
15. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная речь в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – С. 83.
16. Хазан Н. Маленькая страна – большое поле для игры. Визуальное конструирование «еврейских рас» в израильской фотографии // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. – М.: Вариант, изд-во ЦСПИ, 2009. – С. 231–245.
17. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

(Продолжение следует)

УДК 94(571.54)

С. В. Буряева, С. А. Батурин

**БУДНИ ДОВОЕННОЙ БУРЯТИИ:
ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ (1920–1930-е гг.)**

Визуальные материалы играют важную роль в изучении истории повседневности. В архивах, музеях, библиотеках и частных коллекциях выявлены фото- и изобразительные материалы, позволяющие определить доминирующие образы и коды первых десятилетий социализма, их эволюцию. Визуальные репрезентации расширяют, углубляют и детализируют картину периода кардинальных преобразований в истории Бурятии. Для адекватной реконструкции прошлого, учета позитивных и негативных сторон необходим компаративный анализ выявленных визуальных материалов в контексте тотальной идеологизации исторических свидетельств.

Ключевые слова: визуальная антропология, история повседневности, визуальные источники, фотография, карикатура.

S. V. Buraeva, S. A. Baturin

**WEEKDAYS OF THE PRE-WAR BURYATIA:
PATTERNS OF EVERYDAY LIFE VISUAL REPRESENTATION
IN THE 1920s–1930s**

Visual sources play an important role in the study of everyday life history. Photographic and graphic materials have been unearthed in archives, museums, libraries and private collections that enable us to determine the dominant images and codes of the first decades of socialism and their evolution. Visual representations broaden, deepen and detalize the panorama of the great transition period in the history of Buryatia. A comparative analysis of the exposed visual materials is required for a correct reconstruction of the past and consideration of its positive and negative aspects in the context of the total ideologization of historical evidence.

Key words: visual anthropology, everyday life history, visual sources, photographs, caricatures.

Последняя четверть XX – начало XXI столетия стали для российской исторической науки временем разработки и освоения новых методологических подходов и решений. Среди принципиально новых, эвристически ценных материалов особое место заняли визуальные источники, обладающие уникальной способностью запечатлевать для истории динамичные и объемные

образы уходящих эпох. Визуальные материалы достаточно успешно эксплуатируются современными учеными для реконструкций прошлого, однако чаще всего их использование имеет прагматическую цель наглядно-иллюстративного сопровождения.

В гуманитарной отрасли науки произошел «визуальный поворот», повлекший за собой рост интереса антрополо-

БУРАЕВА Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ladys@inbox.ru.

БАТУРИН Сергей Александрович – кандидат исторических наук, хранитель фонда музея Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: serba81@mail.ru.

гов, социологов, историков, культурологов, этнографов и др. к изучению визуальных артефактов, вопросов «производства и потребления» социумом визуальных образов реальности (взаимовлияний визуального текста и контекста социальных, экономических, политических и культурных условий его рождения, распространения и восприятия) и др.

Культурные нормы, ценности, стереотипы стали предметом исследования визуальной антропологии, сочетающей гносеологическую и аксиологическую познавательные стороны. В начале XXI столетия это одна из динамично развивающихся фундаментальных отраслей науки, которая формирует в социуме более четкие и аргументированные представления о жизни и бытовании различных народов, поколений, языков и культур. Подобные исследования – специфический процесс коммуникации, в котором существенно важно знание истоков появления и опыта создания продуктов визуальной антропологии с последующим их изучением в историко-архивоведческом и источниковедческом аспектах [8].

Начало изучению визуальных источников было положено еще на рубеже XIX–XX вв. Э. Панофски, Б. Матушевский, Э. Бернгейм, Ж. Садуль В. В. Стасов обратили внимание на большие возможности этой группы исторических свидетельств и предложили свои формы и методы извлечения и интерпретации информации. А. С. Лаппо-Данилевский создал научную типологическую классификацию этой группы источников, отвечавшую потребностям конкретно-исторических исследований и господствовавшую в советской исторической науке вплоть до середины 1950-х гг. Во второй половине XX в. появляются исследования, рассматривающие теоретические вопросы выделения визуальных источников в отдельную группу. Немаловажным вопросом в спорах подобного рода стал вопрос о классификации изображений с

учетом их специфики и практического применения. Развивались и исследования, посвященные изучению конкретных видов визуальных материалов.

Визуальная антропология, получившая распространение и развитие в конце 1970-х гг., к началу XXI столетия становится одной из фундаментальных научных отраслей, в значительной мере формируя в обществе более четкие и аргументированные представления о жизни и бытовании коренных народов нашей планеты, различных поколений людей независимо от культурных, языковых, конфессиональных различий. Широко обсуждаются теоретические и прикладные вопросы визуальной антропологии (исследования Е. В. Александрова, В. М. Магидова, О. В. Генисаретского, А. В. Головнева, В. Л. Круткина, Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Р. Рокитянского, Е. В. Сальниковой, В. Т. Стигнеева, Е. В. Надеждиной, Н. Л. Пушкаревой, О. А. Христофоровой, В. В. Нурковой и др.); в различных регионах России ведутся исследования, посвященные ранее неизвестным визуальным материалам (работы О. Ю. Бойцовой, В. Б. Герасимова, Т. М. Девеля, Г. В. Длужневской, Е. В. Зайцевой, А. И. Калинина, А. Н. Лариной, С. И. Маливченко, Н. В. Мандральской, А. М. Панфилова, Л. А. Терентьевой, Л. Н. Хлудовой и др.).

Интерес историков к визуальным объектам как самостоятельным источникам познания прошлого совпал с поворотом от изучения макроистории к миру повседневности ординарного человека. Основой для современного изучения истории повседневности стали работы немецких исследователей А. Людке [7; 16] и Х. Медика [11]. В трудах российских исследователей понятие «история повседневности» появляется в середине 1980-х гг., чему немало способствовал выдающийся российский историк и культуролог Ю. М. Лотман. Детали одежды, особенности поведения служили

Ю. М. Лотману особым «шифром» к скрытому за ними культурному коду, ключом к пониманию и оценке общественной позиции индивида [6].

В центре внимания истории повседневности – реальность в интерпретации ее непосредственных участников, причем акцентируются именно те аспекты повседневной рутины, которые представляют собой, по мнению повествователя, актуальное, значимое событие или явление. Для России конца XX – начала XXI вв. это направление приобрело особую значимость, так как изучение повседневности вводит в проблемное поле науки культурно-исторические явления, которые ранее не входили в круг исследовательских интересов российских историков [4, с. 168–169].

В работах отечественных исследователей Ю. А. Полякова, А. О. Чубарьяна, Л. П. Репиной, А. Л. Соколова, С. В. Журавлева, В. С. Тяжельниковой, Н. Н. Козловой и других раскрывается современный подход к социальной истории, позволяющий изучать человека в различных взаимосвязях и ситуациях, в социальной среде, в семье и повседневной жизни.

История повседневности раскрывает сферу человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, охватывая проблемы исторического развития человеческого общества, отдельных слоев населения в условиях социально-экономического, экономического, культурного преобразования государства или региона. В связи с этим особый исследовательский интерес для нас представляют первые десятилетия становления и развития советского государства (в данном случае – советской Бурятии), знаменовавшие коренными изменениями не только в общественно-политической, экономической, культурной жизни общества, но и в обыденной жизни советских людей. Заметим, что подобная тематика – в центре внимания

большой группы российских и зарубежных исследователей, демонстрирующих переход от позитивистского к интерпретативному анализу визуальных материалов, будь то визуальные формы доиндустриальных, отдаленных в пространстве и времени культур или индустриального мира, современного общества во всем многообразии его географических и социальных контекстов. Широкий спектр изысканий представлен в сборниках «Очевидная история» [12], «Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность», «Визуальная антропология: режимы видимости при социализме» [2; 3].

Период кардинальных преобразований первых послереволюционных десятилетий, в т. ч. различные аспекты истории повседневности, привлекал внимание многих историков Байкальского региона (труды Б. М. Митупова, Б. С. Санжиева, Е. Е. Тармаханова, Г. Л. Санжиева, М. М. Халбаева, М. Н. Балдано, К. Б.-М. Митупова, Г. Ш. Раднаева, Д. Д. Мангатаевой, М. М. Бороновой, В. В. Номогоевой, А. М. Плехановой, А. М. Именохоева и др.). Однако визуальные источники в качестве основы исторических исследований проанализированы лишь в отдельных работах С. В. Васильевой, А. В. Кострова, С. Л. Курас, С. А. Батурина.

Между тем изучение визуальных материалов позволяет исследователю извлекать многоплановую и разноуровневую информацию. Реконструкция прошлого на основе визуальных источников позволяет конструировать «исторический образ», анализировать воплощенные в них авторские интерпретации и оценки прошлого. Следует подчеркнуть, что объектом внимания становится не только запечатленный автором образ событий прошлого, сочетающий в себе индивидуальное восприятие автором исторической реальности, но и образ самого автора как человека изучаемой эпохи.

Анализ визуального источника «позволяет вписать установленные исторические факты в событийный и мировоззренческий контекст эпохи, в которую он был создан, а переосмысление содержания визуального источника в свете решаемой проблемы делает возможным его сопоставление с содержанием других источников, теоретическое осмысление установленных фактов и объяснение прошлого» [14, с. 39–40].

Итак, историографический опыт убеждает в эффективности привлечения визуальных материалов в качестве уникальных исторических источников, обладающих полисемантическими возможностями для воссоздания истории общества, человека, его жизнедеятельности и ментальности в разные временные промежутки.

В чем же особенности визуальной репрезентации повседневности 1920–1930-х гг.? Определим с помощью различных групп визуальных материалов доминирующие зримые коды и образы первых десятилетий социализма, рассмотрим их изменения.

Материалом для анализа послужили визуальные источники, созданные на территории БМАССР: фотографии на бумаге и стекле, фотоальбомы, фотографии и социальная карикатура в периодической печати, книжные иллюстрации, произведения живописи, отражающие черты, характерные для нового советского образа жизни, или проявления «уходящего быта».

В Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД), Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ), Научном архиве Бурятского научного центра СО РАН, архиве Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (ЦВРК), Российском этнографическом музее, Национальном музее Республики Бурятия, Музее истории г. Иркутска, Национальной библиотеке Республики

Бурятия, научной библиотеке Бурятского государственного университета, а также в частных коллекциях Бурятии было выявлено 850 фотографий и графических изображений, раскрывающих повседневность жителей Бурят-Монгольской республики.

Жанровая группировка достаточно традиционна: групповые и одиночные портреты, событийные фотографии, сцены из повседневной жизни, городской и сельский пейзаж. Основная часть фотодокументов была снята в г. Верхнеудинске (Улан-Удэ), а также в Селенгинском, Кяхтинском, Хоринском, Аларском, Агинском аймаках и населенных пунктах Северобайкальск, Троицковск (Кяхта), Усть-Кяхта, Баргузин, Кабанск, Онохой, Большое Уро, Агинское, Хоготой, Корсук, Кутулик, Курба, Ока.

В работе использовались фотографии и карикатуры из журнала «СССР на стройке» (1933), газет «Бурят-Монгольская правда» (1926–1941), «Буряад Унэн» (1932–1941), «Бурят-монгольский комсомолец» (1940).

Немаловажным художественным (а зачастую – и агитационным) средством в 1920–1930-х гг. были и произведения живописи. В связи с этим в анализ включены работы профессиональных художников Бурятии довоенного периода – И. А. Аржикова, А. И. Тимина, Д. Т. Тудупова, И. Г. Дадужева, Ц. С. Сампилова, Р. С. Мэрдыеева.

Изучение источников проводилось в тесном взаимодействии общенаучных (интерпретации анализа системного, логического) и специальных методов (сравнительно-исторического и историко-типологического). Системный подход позволил комплексно исследовать выявленные визуальные материалы с применением методов других научных дисциплин (эвристики, палеографии, антропологии, культурологии).

Согласно Маркусу Бэнксу, к визуальным данным возможно применение контентного и контекстного анализа. С

одной стороны, это определение содержания и «смысла» любой визуальной репрезентации, элемента дизайна или произведения искусства в целом; выяснение личности человека (группы людей), изображенных на фотоснимке или картине. С другой стороны, не менее важен и сам контекст создания этой визуальной репрезентации: кто это создал и для кого, почему изображен именно этот человек и почему это изображение потом кем-то хранилось [15]. Отметим, что прежде всего это относится к фотографическим практикам, роль которых в конструировании личности, создании и поддержании групповой идентичности трудно переоценить.

Иными словами, фотография – это символическая система, которая используется носителями изучаемой культуры для создания и получения визуальных сообщений. В сущности, любой фотоснимок можно представить как элемент визуальной коммуникации, однако необходимо учитывать, что он не готовое визуальное сообщение, а материал для его создания – вкупе с вербальным комментарием или подписью. Фотография культурно специфична, и эта специфика проявляется в отборе сюжетов, иконографических конвенциях и использовании отпечатков.

Один из важных факторов – личный статус объекта съемки (нравственный облик, определяемый его менталитетом, темперамент, соответственно которому нравственные черты человека могут предстать перед фотокамерой как в обостренном, так и в смягченном виде, умственные способности, а также общественное положение, род занятий, образовательный уровень и т. д.). Не менее важен и фактор авторский (создатели изображения, организаторы съемочного процесса), а также присутствие заинтересованных или посторонних лиц, создающих определенную атмосферу съемки или записи, ее фон.

Исследователи отмечают, что зрительные образы способствуют конструи-

рованию политической реальности, экономического и культурного ландшафта, культурных стереотипов региона, демонстрируют потенциал изучения взаимодействий государства и общества в сферах повседневности и потребительской культуры. В то же время визуальные источники, являясь одним из главнейших и убедительных средств пропаганды, в большинстве воспроизводили не реальную действительность, а желательное положение вещей, конструируя социальные пожелания и ожидания, поддерживая идентичность нового общества [12].

Все вышесказанное вполне можно экстраполировать и на фотодокументы 1920–1930-х гг., позволяющие исследователю проанализировать детали среды обитания и досуга горожан (реже – селян), вопросы иерархии в семье, гендерные и межпоколенные отношения, определить материальный достаток, социальный статус и т. д. С другой стороны, это источник для изучения трудовой деятельности, отражающий уровень технической базы в целом, преобладание ручного или машинного труда, участие женщин, детей, подростков.

Важно, что фотографии позволяют анализировать внешние и внутренние качества человека в своем времени и в среде своего существования; его этническую, социальную, конфессиональную, культурную, а иногда и политическую принадлежность. Поза человека, его осанка, одежда и сопутствующие предметы дают информацию о его образе жизни, занятиях, мировоззрении. Информативность увеличивается в коллективном фото, фиксирующем иерархические, родственные, дружественные и прочие взаимоотношения позирующих. Зафиксированная в визуальном источнике информация о человеке, его окружении, вкусе, одежде, причёске помогает реконструировать историю во всех ее проявлениях, позволяет детальнее осознать историческую реальность.

Обряды, религиозные и ритуальные процедуры, народные гулянья и

народные праздники, собиравшие, как правило, большое количество людей, сопровождаемые коллективными выступлениями, танцами, играми, в большей степени, чем в других группах визуальных источников, отражены в произведениях живописи 1920-х гг. Важно, что в ряде случаев эта группа визуальных материалов является единственным изображением разрушенных впоследствии религиозных сооружений. Созданные художниками работы служили не только средством авторского самовыражения, но и являлись важнейшим компонентом духовной жизни общества. В контексте исторических реалий произведения живописи становятся социокультурным фактором, формирующим мировоззрение современников. С другой стороны, произведения живописи отражают процессы конструирования советского культурного ландшафта с целью укрепления властных ресурсов.

Итак, визуально-антропологическая информация, сосредоточенная в различных типах и видах исторических источников, позволяет по новому взглянуть на историческую проблематику, расширяя наше представление о, казалось бы, уже очевидных, всесторонне и досконально изученных событиях и фактах прошлого [9].

Визуальные свидетельства, документы и объекты открывают для антропологов, культурологов, социологов и этнографов новые пути к пониманию прошлого и настоящего, обогащая исследовательский дизайн и способы анализа данных. Анализируя предысторию и вскрывая подтексты визуальных репрезентаций, изучая образы как источники информации об обществе, исследователи ставят вопрос о роли тех или иных социальных факторов в производстве и первичном отборе визуальных репрезентаций. При этом очень важно отразить этот многоэтапный процесс селекции материала, чтобы приблизиться к пониманию логики его участников [2].

В задачи нашего исследования входят анализ структуры отдельных изображений и их группировка, выявление закономерностей в сюжетах изображений, способах их создания и использования, определение функций. Для этого необходимо рассмотреть различные визуальные формы, бывшие частью политического дискурса первых лет социализма, образные характеристики советского социального порядка, модификацию репертуара в соответствии с векторами изменений политики в различные периоды советской истории. Действительно, «визуальные воплощения мужественности и женственности, бедности и несправедливости, нужды и порядка, заботы и контроля в плакате, кинофильме, фотографии и содержательно, и формально связаны с тем временем, когда создаются изображения» [3].

Тотальная идеологизация, сопровождавшая построение нового общества и охватывавшая практически все стороны жизни и быта населения вне зависимости от их реальных представлений и предпочтений, в полной мере отразилась в визуальной репрезентации кардинальных преобразований. Старое сознание, традиционные формы организации труда, досуга, праздников соединяются с новыми проявлениями нарождающейся советской культуры, расширяющей поле своего воздействия на массы. В рассматриваемый период Бурятия в большей степени, чем центральные регионы, выступает носителем традиционных представлений о мире и человеке в этом мире. Здесь процесс формирования советского быта идет более медленными темпами, нежели в крупных центрах. И, тем не менее, за достаточно короткий период происходит грандиозная перестройка образа жизни, приведшая к значительному оздоровлению труда и быта населения.

Несмотря на попытки однозначно-позитивного представления новой действительности, избежать отражения не-

гативных сторон конструкторам «советского образа» не удавалось. Рассмотрим подробнее способы и формы презентации позитива и негатива в повседневности довоенной Бурят-Монголии.

«Жить стало лучше, жить стало веселее»: позитив

В 1920–1930-х гг. помимо общественно-политической и экономической сферы человеческой деятельности коренным изменениям подвергаются культура, жизненные устои, быт большинства слоев населения БМАССР. Идет мощная антирелигиозная пропаганда и борьба с любыми религиозными верованиями. Начавшееся социалистическое преобразование города, деревни и улуса затронуло не только производственную и социальную сферу, но и культурно-бытовые условия жизни земледельцев и скотоводов [13, с. 354].

Эти процессы, по логике пропагандистов «преимуществ социалистического строя», требовали неременной визуализации различными способами и формами – в фотодокументах, произведениях живописи и графики, архитектуре и т. п. Основная роль была отведена фотографии, как наиболее документальному, а следовательно, наиболее достоверному свидетельству исторических событий.

Сформировались две категории подобных фотодокументов. Первая – фотографии официального или полуофициального характера, созданные профессионалами по заказу органов государственной и региональной власти с целью пропаганды социально-политических и экономических преобразований и подчеркивания всех положительных изменений в повседневной жизни простого труженика и служащего. Заметим, что в фотографиях отражены как кардинальные изменения в образе жизни, одежде, жилищах и обстановке, воспитании детей, досуге и т. п., так и сохранявшиеся вплоть до середины 1930-х гг. традиции

и обычаи. Как правило, эти фотографии аккумулировались в государственных и ведомственных архивохранилищах и становились основой специальных фондов или коллекций; именно к ним в первую очередь обращались историки (чаще – как к иллюстрации своих сентенций).

Вторая категория фотографий (со значительно меньшей агитационно-пропагандистской нагрузкой) отражает «мемориальные» устремления фотографов-любителей, фиксировавших разнообразные события в повседневной жизни обывателей. Фотографии, сделанные непрофессионалами, становились главной частью частных «домашних» фотоархивов, бережно сохраняемых на протяжении десятилетий.

Изменения в повседневной жизни отразились и в произведениях живописи и графики, однако эти визуальные материалы демонстрировали скорее идеальные образы, несмотря на вполне реальные прототипы.

Что же становилось объектом и предметом создаваемых визуальных свидетельств? Охарактеризуем материалы, расширяющие возможности исследователей, основывающихся на текстовых документах и вещественных источниках.

Фотодокументы довоенного периода вполне репрезентативны в этнографическом аспекте. Прежде всего – это возможность увидеть традиционные костюмы в фотоальбомах из фондов ЦВРК ИМБТ «Одежда западных и восточных бурят»; «Хозяйство и быт тункинских бурят»; «Прикладное искусство БурАССР»; фотографии «Женщина-монголка в национальном костюме» (1933, фотофонд РГАКФД), «Одежда бичурской молодой женщины» (1929), «Одежда семейской девушки» (1939), «Типы чикойских женщин, девушек и их наряды». Помимо костюма большое внимание привлекали традиции и обычаи – «Группа бурят во время исполнения национального обряда брызгания» (1924), а также семья – «Типичная старообрядческая семья»,

«Семья бурята сидит в юрте у очага» (1933), «Горница зажиточного крестьянина» (1940) (фотофонд ГАРБ).

Уникальный материал представлен в этнографических зарисовках Ц. Сампилова, а также в экспедиционных материалах (рисунках, эскизах, карандашных портретах) из личных архивов П. П. Хороших, Д. Б. Базаржапова, А. К. Богданова, хранящихся в фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН.

Привычный кочевой уклад, сцены труда и быта бурят, отправления шаманских и буддийских обрядов отражены в работах первой плеяды профессиональных мастеров молодой советской Бурят-Монголии: Ц. С. Сампилова («Арканщик», «Табун в степи», «Свадьба хоринских бурят»), И. Г. Дадуева («Уходящий быт»), Р. С. Мэрдыеева («Баян-Тала»), А. Е. Хангалова («Бурятский улус»), И. А. Аржикова («Старый быт») и др. Реалистичность изображения бытовых подробностей, духовная причастность к традициям своего народа делают эти произведения ценными историческими свидетельствами.

В визуальных материалах, отражающих непосредственно время кардинальных преобразований в Бурят-Монголии, представлены две группы населения – сельское (в основном буряты и в меньшей степени семейские) и городское. В первую очередь это портреты жителей республики: «Портрет бурята-плотника», «Тип девушки-колхозницы», «Сельские активистки». Особняком стоят фотографии, созданные в процессе судебно-следственных действий, в основном во второй половине 1930-х гг. Сохранилось подобных фотодокументов немного, в основном в ведомственных и, крайне редко, в домашних архивах (один из примеров – фотография из уголовного дела репрессированного жителя с. Хасурта Ермила Матвеевича Казазаева, хранящаяся в личном архиве В. Ф. Иванова).

В предвоенные десятилетия можно проследить изменения функции живо-

писного портрета. В 1920-е гг. главной задачей была простая фиксация типажа с национальными особенностями внешности, одежды и т. п. («Портрет бурята» Д. Т. Тудупова, «Портрет женщины-бурятки», «Портрет старика бурята» И. Аржикова и др.). К началу 1930-х гг. утвердился единый господствующий стиль, ставящий во главу угла метод социалистического реализма. Искусство полностью подчиняют задачам, «поставленным партией», фактически требуя изображать то, что было необходимо с точки зрения новой идеологии (сводя принцип соцреализма к представлению вымышленной, желаемой действительности). Жанр портрета получает новый вектор развития – необходимо было создание типических образов, человека-носителя новых идеалов. Таким образом, главными героями портретов становятся люди труда, стахановцы (портретные зарисовки передовиков А. Тимина, «Портрет доярки Марии Аржутовой» Р. Мэрдыеева (1937) и др.).

Проследить происходивший процесс «урбанизации» и унификации повседневной культуры населения Бурят-Монголии позволяет анализ групповых фотографий. Приведем в качестве примера «Портрет семьи Ангургаевых» (1927). На профессиональном фото, сделанном в ателье, старшие женщины в традиционных бурятских костюмах, головных уборах и украшениях мужчины – в верхней зимней одежде, и лишь в центре стоит коротко стриженная молодая девушка в «городском» пальто (*ил. 1*). К середине 1930-х гг. тенденция перехода от традиционной одежды к гражданской стала главенствующей. Это подтверждает одна из самых ярких из сохранившихся в архивах фотозарисовок – «На улице г. Верхнеудинска в будний день». Девушки-бурятки полностью соответствуют активно пропагандируемому образу новой советской женщины – независимой, самодостаточной, отказавшейся от традиций, в т. ч. в одежде и причёске

(ил. 3). Синхронное и диахронное сравнение групповых фотопортретов крестьян-семейских 1930 и 1936 гг. также подтверждает эту тенденцию (ил. 2, 4).

Во многом группа портретных фотографий взаимосвязана с сюжетными – «Женщина, готовящая обед на плите», «Коммунарка работает за швейной машинкой», «Мужчина за ремонтом створки окна», «Семейный выезд на природу в окрестности г. Улан-Удэ». В этом отношении крайне интересна серия фотографий быта «зажиточных» колхозников, сделанная в 1933 г. в коммуне им. Сталина. На фото «Семья бригадира плотников Жимбы Шайпсанова» запечатлены одежда, утварь, будничные занятия и иерархия отношений в большой бурятской семье. Здесь целый набор примет «нового времени», своеобразных маркеров социальной состоятельности середины 1930-х гг.: «городская» одежда, ковер, патефон, книги, на стене фотографии, на видном месте помещен портфель, долженствующий подчеркнуть административную должность главы семейства. На фотографии «Семья зажиточного колхозника А. Големжатова» интерьер менее «богат», но, тем не менее, и здесь заметны символы достатка: самовар, швейная машина «Зингер», настенные часы, металлические кровати (ил. 7, 8).

Интересны и групповые постановочные и сюжетные фотопортреты: «Участники республиканского смотра художественной самодеятельности»; «Отряд пожарной охраны» (фотофонд Национального музея РБ); «Участники празднования 10-летия БМАССР» – группа делегатов из районов БМАССР на фоне юбилейного знамени; фотография «Бурятки – участницы торжественного заседания», запечатлевшая сельских тружениц в непривычных им радионаушниках (ОАФ ЦВРК, фотоальбом); «Группа бурят, старательно читающих учебники и газеты после окончания рабочего дня» (фотофонд РГАКФД); «Первые курсы

семейских крестьянок при Буробкоме ВКП(б)» (фотофонд ГАРБ).

Групповые портреты представляют изменения и в иерархии социальных отношений. В начале 1920-х гг. это практически всегда была фотография одного или нескольких поколений семьи, к середине 1930-х ситуация кардинально изменилась – все чаще на групповой фотографии только молодое, реже среднее поколение, причем, как правило, это участники общего мероприятия, сослуживцы, единомышленники, друзья. Нельзя не обратить внимание на эклектичность внешнего облика этих групп – в одном кадре полувоенная, форменная, городская и традиционная одежда (ил. 5, 6).

Вообще, интересной особенностью фотографий довоенного периода является то, что женщины (как правило, из сельской местности) в большинстве своем одеты в традиционные костюмы, а у мужчин преобладает городской тип одежды – гимнастерки, косоворотки и пиджаки; встречается сочетание традиционной и современной одежды.

Эклектичен и национальный состав – на фотографиях представители различных национальностей, народностей, социальных групп. Это позволяет говорить об очевидном процессе социокультурной «диффузии», преодолении ранее существовавших барьеров, условностей, а в ряде случаев и запретов. Однако, заметим, на довоенных фотографиях практически нет представителей старшего поколения, что указывает на их приверженность прежним правилам и настороженное отношение к любым новшествам.

Большая группа фотографий отражает повседневный труд – «Занятия в переплетной мастерской ремесленной школы» (Верхнеудинск, 1929), «В кузнице» (1930), «Выезд в поле» (1931), «На золотоносном прииске» (1932).

С начала 1930-х гг. становится очевидной тенденция тщательной и последовательной фиксации кардинальных преобразований основ повседневности.

Пристальное внимание фотографов уделено представлению нового быта, общению к возможностям, ранее неизвестным абсолютному большинству населения Бурят-Монголии – всеобщему обучению, пользованию детскими и медицинскими учреждениями, занятиями физкультурой и музыкой, подписке на газетные издания, покупке облигаций государственного займа, страхованию, вкладам денежных средств в сберкассу и т. п.

Именно такой образ повседневности представляют нам фотографии с аутентичными подписями, усиливающими очевидный пропагандистский эффект, – «Новый быт. Слушают патефон», «Отдых на полевом стане коммунаров. Игра в шахматы», «Гуляние семейских колхозной деревни». Вообще, тема «нового» досуга – одна из излюбленных в визуальных свидетельствах. Катание на велосипедах, рисование стенгазеты, чтение книг в библиотеке, музицирование в духовом оркестре, участие в массовом походе в противогазах по улицам Улан-Удэ – все становилось предметом фиксации и последующей пропаганды советского образа жизни.

Фотографии позволяют увидеть, каким образом выглядели «в пионерском лагере тихий час» (1928), «детские ясли колхоза им. Сталина» (1930 г.), «дети во время приема солнечных ванн». Совершенно новое явление – система медицинского обслуживания населения представлена фотографиями на бумаге и стекле: «Флюорографическое обследование», «Душ» (1933), «Курорт Аршан», «В аптеке» (с. Кабанск), «Больничный стационар» (ил. 10) и др.

Физкультура и спорт – один из приоритетов развития «нового советского человека». На фотографиях запечатлены «занятия в физкультурном кружке» (Верхнеудинск, 1926), легенда 1930-х гг. – акробатические «живые» пирамиды на различных праздниках и массовых мероприятиях, «группа тяжелоатлетов в

спортивном зале». Заметим, что всепроникающая идеологизация сказывается даже и в этой области – спортсмены позируют на фоне знамени с лозунгом «В здоровом теле – здоровый дух» (ил. 12). К концу 1930-х гг. на фотографиях, плакатах и афишах появляется специальная спортивная одежда и амуниция (например, спортсменов в лыжном костюме и на лыжах со специальными креплениями на афише о предстоящей республиканской спартакиаде 1938 г.), что демонстрирует возросший уровень жизни.

Сохранившиеся фотографии позволяют увидеть интерьер и посетителей «В столовой Центрального дома крестьянина» (Верхнеудинск, 1928), «В продовольственном магазине» (1932), «В парикмахерской» (1937). Интересно, что в последней помимо общего небогатого, но опрятного интерьера, инструментов, самого парикмахера в белом халате, напоминающем медицинский, и его помощницы обращает на себя внимание примета героизации участников революции – большой портрет К. Е. Ворошилова на стене.

Преобразование повседневности молодой республики отразили в реалистичных картинах художники И. А. Аржиков («Всеобщ в колхозе»), Ц. Сампилов («Ликбез» (ил. 9), «Переход к оседлости», «Встреча всадника с автомобилем»), А. Х. Аюшинов («Совещание в бригаде»). Сюжетные изображения выявлены нами и в иллюстрациях книг, издаваемых в Бурят-Монголии с первых лет Советской власти. В отличие от произведений живописи, в книжной графике представлены скорее обобщенные образы рабочих, механизаторов, учителей, врачей, юных ленинцев и пр. Это формировало у читателей представление о желаемом (правильном) облике и действиях строителей новой жизни. В этом аспекте книжная иллюстрация приближается к агитационно-художественным материалам.

Сельские пейзажи запечатлены в основном в картинах Ц. С. Сампилова

(«Быки во дворе»), А. А. Окладникова («Стадо в степи») и др., в то время как городской и промышленный ландшафты зафиксированы в фотографиях.

Комплексно экономические и социокультурные аспекты преобразований (уровень жизни, жилище, питание, одежда, досуг и т. д.) представлены в уникальных фотоальбомах из общего архивного фонда ЦВРК: «Строительство Советской Бурят-Монголии»; «Животноводческая экспедиция в Агинский аймак» (1930); «Альбом экспедиции НКЗ СССР профессора Гордеева в Бурятию: Кяхтинский, Хоринский, Агинский аймаки» (1934); фотоальбом «Общество потребителей “Единение”»; «10-летие БМАССР» (1933). Фотографии для юбилейного фотоальбома созданы одними из самых талантливых фотографов довоенного периода – М. В. Альпертом и М. Прехнером, приезжавшими в 1933 г. в Бурятию по специальному заданию редакции журнала «СССР на стройке».

Основными факторами возможности широкой фотофиксации стали восстановление в годы НЭПа сети фотоателье и поездки фотографов по крупным селам, появление большого числа фотографов-любителей. Однако последнее обстоятельство, а также постепенно сформировавшийся дефицит качественных материалов привели к ухудшению уровня большинства фотографий, упрощению или отсутствию их оформления, уменьшению формата. Чаще всего фоном кадра становится ткань (платок) или стена дома (в некоторых случаях – ворота). С другой стороны, стали фотографироваться не только состоятельные граждане, но и жители среднего и низкого достатка, на фото можно увидеть не только праздничную, но и обыденную рабочую одежду [5].

К середине 1930-х гг. фотоаппарат и фотографии вошли в обиход и стали неотъемлемыми атрибутами будней и праздников (ил. 11). Немалую роль в этом сыграли профессиональные фотографы, работавшие на территории БМАССР –

М. В. Альперт, М. Прехнер, А. Чернов, П. Михайлов, М. Рунов, О. Цан. Перед ними была поставлена конкретная задача – отразить в своих материалах все лучшее, что появилось в молодой советской Бурят-Монголии. Это повлияло и на постановку кадра, и на выбор ракурсов, и на общую идею фотоснимков. Профессионализм фотографов позволял достичь естественности и достоверности зафиксированной ситуации, создавая исторические свидетельства, лейтмотивом которых можно назвать знаменитую фразу, произнесенную 17 ноября 1935 г. И. В. Сталиным в выступлении на Первом всесоюзном совещании рабочих и работников – стахановцев, – «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее».

«Однако имеются отдельные недостатки»: негатив

Многие противоречия повседневности успешно ретушировались и мистифицировались при помощи идеологизированных визуальных и вербальных средств. Однако полностью замалчивать их было невозможно, и появилась необходимость разработать систему средств и методов упоминания о негативе без существенного ущерба для положительного имиджа нового строя. Именно тогда родилась бессмертная фраза об «имеющихся отдельных недостатках», и их «бичевание» во многом проходило с помощью карикатуры, рисунков, произведений живописи, и практически никогда – фотографий (вероятно, подобным образом демонстрировалась «недокументальность», возможность некоего художественного преувеличения негативного факта или явлений).

С первых дней создания Советского государства основным информационным источником для широких масс населения и средством политической пропаганды и агитации стали периодические издания, главной функцией которых было формирование нового, советского образа жизни

и поведения. Также публикации должны были изобличать просчеты и промахи, указывать на ошибки и недочеты. Одним из средств, при помощи которых это достигалось, стала социальная карикатура. Исследователи обращают внимание на специфические формы ее художественного строя и образных начал, указывая, что они (сильнее, чем в каком-либо другом виде творчества) связаны с общественным характером и социальными условиями действительности.

В большинстве своем политическая и социальная карикатура в периодической печати 1920–1930-х гг. – это небольшие сатирические рисунки, которые сопровождали статьи и заметки на актуальные темы. Важной функцией карикатуры стала освещение злободневных проблем повседневной жизни населения. В «Бурят-Монгольской правде» велась специальная рубрика «На рабковорском ковре-самолете», где регулярно освещались насущные проблемы социально-бытового и культурного характера. Эти заметки зачастую сопровождались иллюстрациями. Большая группа сатирических рисунков раскрывает недочеты и ошибки управленческих решений, растущую бюрократизацию и волокиту, равнодушие чиновников к нуждам обычного человека. Многие карикатуры посвящены моральному облику населения, они обличают пьянство, сквернословие, аморальное поведение в быту; причем, как правило, ситуация представлена предметно и конкретно – указаны фамилии, названия поселений, учреждений. Некоторые карикатурные изображения для усиления желаемого эффекта представляют ситуацию в синхронном или диахронном сравнении (ил. 13, 14). В силу своей специфики карикатура представляет отношения двойного кодирования – дублирование значения вербального компонента значением изображения (ил. 15, 16).

С середины 1930-х гг. в газетах Бурят-Монголии очевидной становится

тенденция замещения карикатуры фотографией.

Карикатура, несомненно, является особым типом поликодового текста, имеющим конкретную коммуникативную цель, а именно: критическую и одновременно комическую актуализацию общественно значимых фактов и реалий, событий, явлений, лиц. При этом воздействие на адресата происходит не путем открытой аргументации, а вуализацией своего критического отношения непосредственным содержанием карикатуры [1, с. 331–332]. Эту сентенцию, пожалуй, можно экстраполировать и на часть произведений живописи и графики советской Бурятии 1930-х гг.

Живопись должна была просвещать на убедительных и зримых примерах, мрачное прошлое противопоставлялось современному образу жизни и новому быту. Наиболее ярко отразил эту тенденцию И. А. Аржиков в картинах с говорящими за себя названиями «Лама – агент колчаковской разведки» и «Шаман не лечит, а калечит» (1929). В книжной графике и карикатурах основное внимание уделяется собственнo служителям культа, как правило, изображаемым алчными, двуличными, малограмотными и безусловными врагами Советской власти; изображения также продублированы текстами или подписями («Антисагалганский сборник», «Шаман – вредитель сельского хозяйства», «Бог дал, а мы взяли» и пр.).

Реже тема религии раскрывается иначе. Картины «Тайлаган», «Жертвоприношение» (Р. Мэрдыгеев), «Кыренские дацаны», «Обо» (А. Е. Хангалов) написаны в ином ключе – более отстраненно, подчеркнуто лишь фиксируя обряд, действия или культовый объект. В этом же ряду – серия профессиональных «констатирующих» фотографий 1930-х гг. о буддийских ритуалах в дацане, а также уникальный снимок «Моленная комната старообрядческого священника» (фотофонд ГАРБ). Зафиксировал интерьер и церковную утварь вовсе не случайный

автор, а «проверенный», лояльный к властям фотограф О. Цан, снимавший в конце 1920-х гг. официальные партийные и советские мероприятия.

Идеологи Советской власти, разрабатывая эффективные способы и методы пропаганды собственной интерпретации прошлого, настоящего и будущего для распространения среди населения новых категорий символов, маркеров гражданства, понимали существенную роль визуальных средств пропаганды и контроля. Причем способы достижения этих целей были достаточно своеобразны, на что обращают внимание отечественные и зарубежные исследователи. Так, М. Маклюэн констатировал, что большевикам достаточно было «адаптировать свои традиции восточной иконы и построения образа к новым электрическим средствам коммуникации, чтобы быть агрессивно эффективными в современном мире информации» [9, с. 394].

Визуализация «уходящего быта» (одежды, традиций, обычаев, религиозных ритуалов) была своего рода контрастным фоном для доказательства преимуществ нового образа жизни. Акцентируя внимание на «отсталости», стремились показать отдельные стороны архаичного быта с четко выраженных идеологических, советских позиций (особенно это проявляется в надписи как существенном элементе интерпретации изобразительного ряда). Для возбуждения общественного недовольства, высмеивания негативных (с точки зрения нового строя) явлений использовали в основном карикатуры и плакаты, в ряде случаев – книжные иллюстрации и произведения живописи.

«Ложь и искусство создают жизнь»?

«Ложь и искусство создают жизнь», – философски заметил однажды М. Зощенко. Был ли прав писатель, многократно описывавший «рождение новой жиз-

ни, новых людей, страны»? Насколько созданные фотографиями и художниками образы позволяют приблизиться к пониманию истории довоенной Бурятии, тех больших и малых событий, происходивших ежедневно и ежечасно в молодой республике? Как заглянуть за визуальный идеологически выверенный «фасад», увидеть подлинную жизнь?

С 1920-х гг. фотографии и произведения искусства стали частью мифа. Однако это родство не осознавалось зрителями, находившимися, как и авторы произведений, внутри мифа. Многоаспектная визуальная пропаганда была направлена на вовлечение в некий коллективный процесс «рассматривания» (и как результат – осуждения, высмеивания, построения, достижения и т. п.). Это позволяло сформировать устойчивые модели однозначного мировосприятия свидетельств успехов, воплощенных в кодах социального прогресса и достижений, создать представление о жизненном стиле, социально и политически одобряемых моделях поведения.

В фотографии, плакате, карикатуре, книжной графике или произведении живописи воплощены понятия, формально и содержательно связанные с той исторической эпохой, когда создаются изображения – образы модерна и архаики, порядка и справедливости, достоинства, мужественности и женственности, бедности и достатка. Фотоснимки, плакаты и карикатуры, представляющие передовиков производства, агитаторов и бюрократов, родителей и детей, учителей и физкультурников, культработников и медсестер, – выступают наряду с документальными или нарративными документами не менее важными элементами контекста изучаемых процессов кардинальных преобразований.

Однако идеологическая подоплека, система ценностей и представлений зачастую не осознаются современным исследователем или воспринимаются как нечто имманентно присущее. Причем

это касается визуальных свидетельств эпохи, созданных как профессиональными фотографами и художниками, так и любителями. Нередко изначальные смыслы, оптические акценты восприятия, заложенные в произведения их создателями, трансформируются и модернизируются исследователями.

Таким образом, запечатленные в визуальных источниках люди и объекты становятся средствами постижения и конструирования представлений о прошлой и современной реальности. Необходимо помнить, что известный историкам «эффект двойной субъективации» требует понимания любого исторического свидетельства, в т. ч. и визуального, не как прямого отображения реального события, а как лишь одной из созданных кем-либо интерпретации. Поэтому и для изучения нам доступна именно созданная, т. е. виртуальная реальность, что усиливает важность тщательного изучения визуального источника и указывает на необходимость применения междисциплинарных методов исследования.

Выводы

Визуальные репрезентации – многоаспектные источники по изучению повседневности, расширяющие, углубляющие и детализирующие картину периода кардинальных преобразований в истории нашего региона.

Важное место в изучении повседневности занимает технотронный источник – фотография. Зачастую фотодокумент несет в себе информационную нагрузку, недоступную другому историческому источнику. В представленном исследовании повседневность рассматривается как события обыденной жизни населения в контексте сложных политических, экономических, социокультурных преобразований, проходивших в БМАСР в 1920–1930-х гг.

Фотографии позволяют анализировать внешние и внутренние качества человека в своем времени и в среде своего существования, его половозрастную, этническую, социальную, конфессиональную, культурную, а иногда и политическую принадлежность. Поза человека, его осанка, одежда и сопутствующие предметы дают информацию о его образе жизни, занятиях, мировоззрении. Информативность увеличивается в коллективном фото, фиксирующем иерархические, родственные, дружественные и прочие взаимоотношения позирующих. Зафиксированная в визуальном источнике информация о человеке, его окружении, вкусе, одежде, причesке помогает реконструировать историю во всех ее проявлениях, позволяет детальнее осознать историческую реальность.

Если фотография фиксирует реально существующую действительность, лишь в какой-то мере скорректированную автором (фотографом), то изобразительный источник отражает видение повседневности с точки зрения системы ценностей, предпочтений и эмоций автора. Соответственно отображение повседневности можно рассматривать в двух разных ракурсах: это фиксация происшедших событий посредством фотодокументирования и сатирическое отображение повседневных проблем.

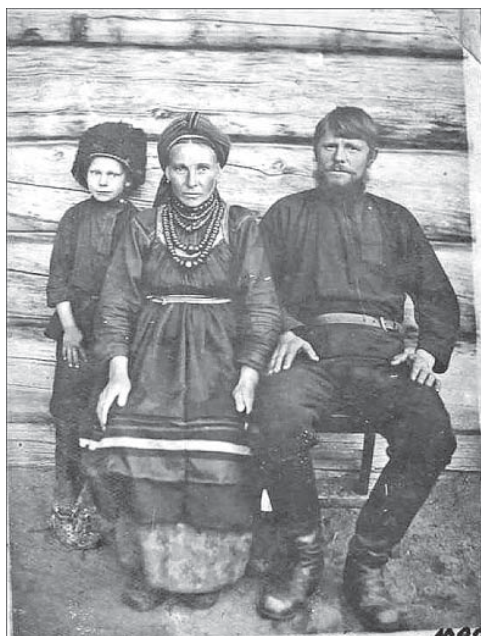
Исследовательский процесс изучения повседневности предполагает объединение отдельных элементов в единую систему. Изучение письменных и визуальных источников в комплексе дает возможность взглянуть на историю повседневности – как государства в целом, так и отдельных его регионов. Компаративный анализ комплекса визуальных материалов и текстовых документов позволяет наглядно и более адекватно оценить характер и темпы кардинальных изменений в общественно-политической, экономической и культурной жизни (в частности Бурятии) в рассматриваемый период.

Ил. 1. Семья Ангургаевых. 1927 г.
Домашний архив Р. А. Моксоевой

Ил. 3. На улице г. Верхнеудинска в буд-
ний день. 1933 г. ЦВРК, ОАФ, д. 2387-2, ф. 117

Ил. 2. Семья крестьянина Тимофея
Мартынова. с. Хасурта, 1930 г. Домашний
архив В. Ф. Иванова

Ил. 4. Портрет крестьянской семьи.
Хоринский район, 1936 г. Домашний архив
В. Ф. Иванова

Ил. 5. Геологоразведочная партия с проводниками-крестьянами. Балбагар, 1928 г. Домашний архив В. Ф. Иванова

Ил. 6. Бригада строителей коммуны им. Сталина. 1930 г. ЦВРК, ОАФ, д. 125, ф. 1

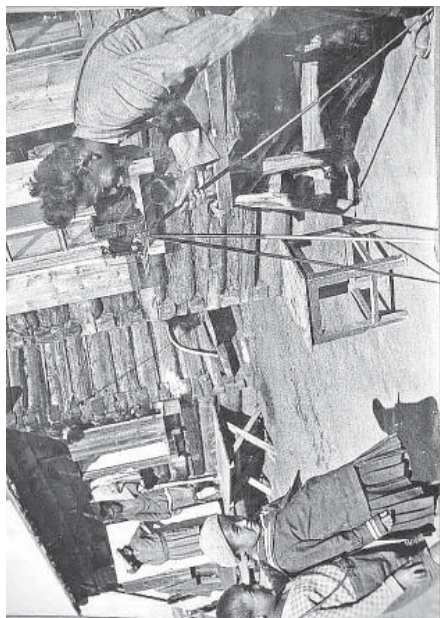
Ил. 7. Семья бригадира плотников Ж. Шайпсанова. 1933 г. ГАРБ, ф. Р-294, оп. 1, д. 1, ф. 40.

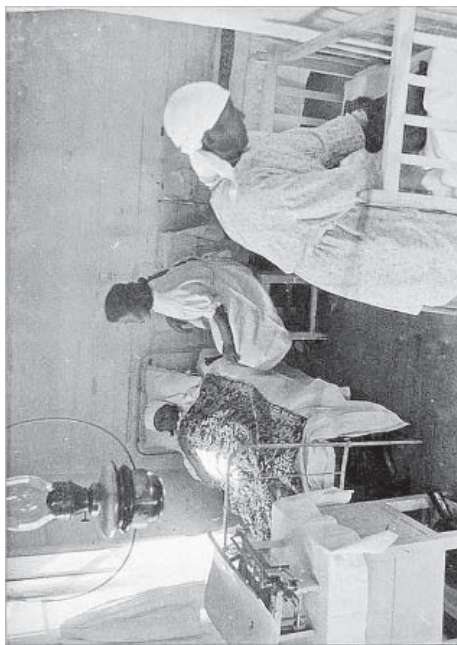
Ил. 8. Семья колхозника А. Големжатова. 1933 г. ЦВРК, ОАФ, д. 2387-2, ф. 117

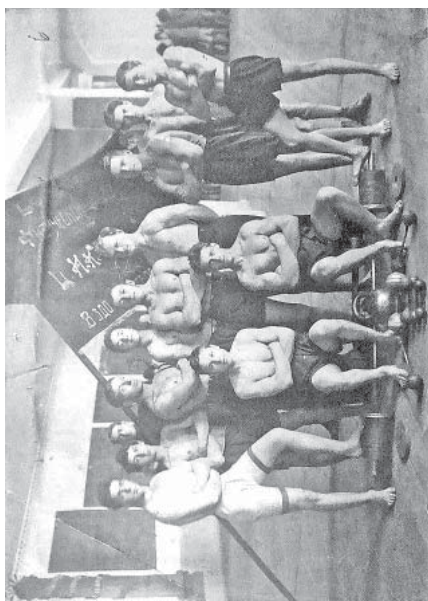
Ил. 9. Ц. Сампилов Ликбез. 1937 г. Национальный музей РБ

Ил. 11. Фотограф в сельской коммуне. 1933 г. ЦВРК, ОАФ, д. 2387-1, ф. 87

Ил. 10. Больничный стационар. 1933 г. ЦВРК, ОАФ, д. 2387-1, ф. 125

Ил. 12. Тяжелоатлеты в спортзале. 1935 г. ГАРБ, ф. Р-1967, оп 1. д. 131, л. 6

Где и что плохо.

Когда исправят мост?

через року Кахи в Боканском родився єсть мист. Оя прише в негодность. Бадеть по мосту одсно. Дорога на Кахикского була в уазу Мисльє не исправлен, поредженіє ней заступилсьмо для команьей погы. Материал для исправленіє моста нлєсть. За же жє оставя, Зорин.

Заброшенный клуб.

Заброшенный клуб.
С ликвидации Курбинского завода клуб был переведен нашей земле

(Signature)

но. В помещении клуба грязь, по углам висит паутина. Фона.

ИЗБА-ЧИТАЛЬНАЯ ЗАМКА

В селе Батурино, Турунтаевский район, есть бюджетная библиотека. Набач получает аккредитацию на 5000 руб.

вание, но к обязанностям сломать
беглого зрения не проявляет. Шко-
ла часто поощряет неуверенно и ус-
пешно в сексуальности на работу
своему отцу. Небольшая стена
сделан не по закону. Сест.

Cook:

Ил. 14. Бурят-Мон-
гольская правда. 1927,
№ 245

Ил. 16. Бурят-Мон-
гольская правда. 1927,
№ 245

ШИШУКИН

Кан пили 1000 лет тому назад.

Кан пью в 1926 г. в Ильинке.

Там, где плохой кооператив—плохо и живут

Литература

1. *Ариас А.-М.* Интерпретация карикатуры в межкультурном аспекте // Диалог культур-2010: наука в обществе знания. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. академии управления и экономики, 2010. – С. 331–334.
2. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Круткина, П. Романова. – Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2007.
3. Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова (Б-ка Журнала исследований социальной политики). – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009.
4. *Ильясов А. В.* «История повседневности» в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого. – М., 2011. – С. 159–169.
5. *Костров А. В.* История старообрядчества Байкальской Сибири: очерки историографии и источниковедения. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.
6. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 2001.
7. *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник. 1998/99. – М., 1999. – С. 77–100.
8. *Магидов В. М.* Опыт источниковедческой интерпретации архивных документов по визуальной антропологии // Открытие и общность культур. – М., 1998. – С. 16.
9. *Магидов В. М.* Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания // В едином историческом пространстве: сб. науч. ст. – М.: Изд-во РГГУ, 2009.
10. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково Поле, 2003 (приложение к серии «Публикации Центра фундаментальной социологии»).
11. *Медик Х.* Микроистория // THESIS. – Вып. 4. – 1994. – С. 193–202.
12. Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск, 2007.
13. *Плеханова А. М.* Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
14. *Хлытина О. М., Зверев В. А.* (ред.). Исторические источники в исследовательской и образовательной практике. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. – С. 39–40.
15. *Banks M.* Visual Methods in Social Research. – London: Sage, 2001.
16. *Lüdtke Alf.* Introduction: What is the History of Everyday Life and Who are Its Practitioners? // The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life. Contributors / ed. by Alf Lüdtke. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – P. 2–3.

УДК 24

И. С. Урбанаева

**БУДДИЗМ В СРАВНИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
ЧТО ТАКОЕ АУТЕНТИЧНЫЙ БУДДИЗМ?**

Исходным пунктом рассмотрения проблемы аутентичности буддизма автором статьи послужили размышления о феномене «бурятский буддизм», на существовании которого настаивает Пандито Хамбо-лама БТСР Д. Аюшеев. Существуют ли аутентичное Учение Будды и аутентичные буддийские практики или имеется много «буддизмов»? – вопрошает автор и рассматривает проблему аутентичности буддизма в историческом и современном аспектах.

Ключевые слова: бурятский буддизм, аутентичность махаяны, индо-тибетская традиция буддизма, китайская традиция буддизма, критический буддизм, традиция Наланды, Атиша, Кадампа, Ламрим.

I. S. Urbanaeva

**BUDDHISM WITHIN THE COMPARATIVE CONTEXT:
WHAT IS AUTHENTIC BUDDHISM?**

The author's contemplations about the phenomenon of "Buryat Buddhism", on the existence of which the Pandito Hambo-lama D. Ayusheev strongly insists became a point of departure for the consideration of the problem of Buddhism's authenticity. Is there the authentic Buddha's teaching? Are there authentic Buddhist practices or there are many "Buddhisms"? The author asks these questions and considers the problem of Buddhism's authenticity in historical and contemporary aspects.

Key words: Buryat Buddhism, authenticity of the Mahayana, Indo-Tibetan Buddhist tradition, Chinese Buddhist tradition, critical Buddhism, Nalanda tradition, Atisha, Kadampa, Lamrim.

В «Русском репортере» от 15 мая 2013 г. была опубликована статья Татьяны Плотниковой под названием «Как, разводя баранов, выйти из круга перерождений». Она основана на беседе с главой БТСР Дамбой Аюшеевым и содержит ряд парадоксальных реплик, которые в масштабах всей страны представляют не только его личное понимание буддизма вообще и бурятского буддизма в частности, но и его позицию в качестве Пандито Хамбо-ламы, который считается главой всех российских буддистов. Многие из тех, кто читал эту статью, сочли ее просто невообразимой

глупостью. Но если вдуматься в слова Д. Аюшеева, то их смысл сводится к тому, что разведение бурятской породы баранов и буддизм, будучи соединены вместе, дали миру бурятский буддизм. Тогда возникает вопрос: что такое бурятский буддизм? На каком основании то духовное явление, которое получилось в результате проникновения буддизма в мир монгольских и бурятских кочевников, может считаться буддизмом? И что, помимо разведения бурятской породы баранов, составляет специфику этого явления, так что оно может считаться бурятским буддизмом?

Эта статья побудила меня поделиться сейчас некоторыми соображениями, затрагивающими вопросы о том, что такое буддизм в своей сущности, и существует ли буддизм как аутентичная традиция Учения и практики, или он сводится к множеству региональных, национальных, локальных и даже индивидуальных форм? Если нет оснований говорить о подлинной сути буддизма, то получается: сколько в мире имеется интерпретаций буддизма (порой своеобразных или странных), столько и существует буддизмов? И тогда заявление главы БТСР о том, что спасение бурят от сансары состоит в разведении бурятской породы баранов, относится к легитимному бурятскому буддизму.

Какими бы парадоксальными до абсурда ни казались сказанные Д. Аюшевым слова о необходимости возрождения бурятской породы баранов в социологических целях, они, на самом деле, относятся к тому же ряду представлений, в силу которых, например, такой своеобразный феномен дальневосточной культуры, как чань/дзэн, считается буддизмом.

Если признавать де-факто буддизмом все то, что имеет место быть в социологическом плане, во всем многообразии культурных и этнических «одежд», то тогда можно говорить о множестве буддизмов, а буддисты – это все те, кто себя так называет. Но насколько это правильно? Ответ на данный вопрос связан с проблемой аутентичности буддизма.

Вообще проблема аутентичности буддизма в его истории и в истории его научного изучения ставилась, прежде всего, в связи с махаяной. Представители школ хинаянского направления, или тхеравады, как они предпочитают сегодня называть себя, уже через несколько веков после смерти Будды инициировали споры о подлинности махаянских сутр, которые были неизвестны буддийскому сообществу до этого времени, но начали распространяться в эпоху Нагарджуны и особенно широко – во времена Асанги.

В тибетской историографии буддизма, основываясь на традиции учених Наланды, говорится, что махаяна – это подлинное Учение Будды, составляющее самую суть буддизма, но из-за малочисленности первых людей, получивших махаяну, она в течение нескольких веков, прошедших со времени смерти Будды, исчезла среди людей. Поэтому Нагарджуна и Асанга пришлось не только восстанавливать их для человечества, но и доказывать их аутентичность. В сочинениях Нагарджуны, таких как ‘Ратнавали’ (Драгоценная гирлянда), содержатся целые разделы, посвященные доказательству аутентичности махаянских сутр. Майтрея во вводной части ‘Махаянасутраланкара’ (Орнамент махаянских сутр) также приводит подробную аргументацию в пользу их подлинности как Слова Будды. Шантидева в ‘Бодхичарья-аватаре’ и Бхававивека в ‘Таркаджвале’ (Пламя разумности), комментарии к ‘Мадхьямака-хридая-карика’ также дают доказательство подлинности махаяны как Учения Будды.

Как и Майтрея/Асанга в Украшении махаянских сутр, автор ‘Бодхичарья-аватары’ указывает, что в основном тексты хинаяны совпадают с махаянскими и отрицание аутентичности всей махаяны на основании частичного несовпадения не является логичным. Шантидева тоже подчеркивает, что учение махаяны является величественным и безмерно глубоким – настолько, что даже выдающимся архатам, таким как Махакашьяпа, не удавалось измерить его глубину (шлока 51) [12, с. 257]. Даже для Шарипутры, от чьего имени во многих сутрах звучат вопросы, обращенные к Будде, практика бодхисаттв оказалась настолько трудной, что он отказался от нее. Однако то, что лучшие представители хинаяны и тем более хинаянисты более поздних времен не сумели умом объять учение махаяны и принять для себя путь бодхисаттв, отнюдь не означает, что махаяна не была проповедана Буддой. Махаяна безмерно глубока и непостижима для тех, кто

придерживается дуалистической логики и субстанциалистских стереотипов. В этом Шантидева солидарен с автором 'Украшения махаянских сутр'.

Аргументы в доказательство аутентичности махаяны, ее величия и преимуществ в сравнении с хинаяной, приведенные Нагарджуной, Майтреей/Асангой, Шантидевой, а также Бхававивекой в автокомментарии 'Пламя обоснования' (Tarkajvala; rtog ge 'bar-ba) к 'Мадхьямака-хридая-карика', послужили убедительным обоснованием аутентичности махаяны в глазах тибетских мастеров Дхармы. Они легли в основу выработки ими критериев различения махаяны и хинаяны, величия и преимуществ махаяны. Вместе с тем тибетские мастера подчеркивают единство махаяны и хинаяны на философском уровне, когда признают в качестве общего критерия различия буддийской и небуддийской философии четыре философские печати буддизма (chos-kyi sdom bzhi или phyag-rgya bzhi). Они утверждают единство махаяны и хинаяны и на уровне духовной практики, когда в последовательных стадиях махаянского пути (Ламрим) выделяют этапы пути, общие с хинаяной.

Что касается направлений внутри махаяны, то в отношении аутентичности китайской и всей основанной на ней дальневосточной традиции буддизма критика китаизированных и японизированных форм буддизма и призыв к возвращению его чистой индийской основы в дальневосточный буддизм возникли внутри самой этой традиции в 80-х гг. XX в. Правда, «индийская» тенденция внутри китайского буддизма возникла еще на раннем этапе распространения буддизма в Китае. Она была связана с именами великих переводчиков Дао Аня и Сюаньцзана. В новейшей истории дальневосточного буддизма возникло и активно развивается направление буддийской философии, получившее название «критический буддизм» [4–11]. Известные санскритологи Хакама

риаки и Мацумото Широ из университета Комадзавы, являющиеся также дзэнскими монахами, провозгласили «подлинным» лишь индийский буддизм и дали своему направлению название «критический буддизм».

Е. А. Торчинов, первым в российской буддологии обративший внимание на «критический буддизм», писал, что его фундамент был заложен мирянами-реформаторами китайского буддизма Люй Чэном (1896–1989 гг.) и Оуян Цзинью. Он также совершенно правильно оценивал появление данного направления как уникальный случай влияния буддологии на развитие буддизма: «Более того, именно успехи буддологии сделали возможной для дальневосточных буддистов саму постановку вопроса об аутентичности собственной традиции. Ведь в прошлом для буддиста Японии или Китая вопрос о соотношении его традиции с нормативной индийской просто не существовал – все школы исходили из веры в то, что их учение и есть подлинный буддизм, процветавший в Индии и проповеданный некогда самим Буддой Шакьямуни. Академическая буддология принесла с собой осознание радикального отличия дальневосточной традиции от базовой индийской» [2].

В западной литературе эта критика китайского и японского буддизма как неаутентичной формы буддизма, получившая большой резонанс в среде японских буддологов в середине 1980-х гг., также обратила на себя внимание ученых-буддологов. На основе их работ мы и имеем представление об идеях «критического буддизма», поскольку работы представителей этого направления написаны на японском языке и недоступны нам.

Итак, Хакама утверждает, что «Буддизм есть критицизм» или «только то, что критично, есть буддизм» [8, с. 298–313]. Хакама и Мацумото противопоставляют критический буддизм тому, что они называют топическим [1], то есть субстанциалистским, буддизмом.

С точки зрения критического буддизма, методичная, рациональная критика относится к подлинным основам собственно буддизма, в то время как китайский и японский буддизм подчеркивают приоритет риторики над логическим размышлением, онтологии – над эпистемологией. Поль Свенсон выделяет три главных измерения в дискурсе «критического буддизма»: уровень буддологии, доктринальный уровень и уровень социального критицизма [8, с. 13].

Острые философской критики Хакама Нориаки и Мацумото Широ направлено против теории *hongaku shisō* (исначальная просветленность) дальневосточного буддизма, основанной на китайской интерпретации теории татхагатагарбхи, в рамках которой признается, что не только все живые существа, но и вообще все феномены (горы, деревья, реки, камни и т. п.) наделены просветленной природой [10, с. 89]. Хакама заявил, что *hongaku shisō* – это вообще не буддизм, что китайский и японский дзэн – это не буддизм, философская школа Киото – это не буддизм. Более того, учение о недвуальности, изложенное в Вималакирти-сутре, одной из самых известных в дальневосточной традиции махаянских сутр, по его мнению, тоже не является буддийским. И, как говорится в обзорной статье П. Л. Свенсона, Хакама, будучи специалистом по йогачаре, утверждает, что и йогачара тоже не является буддизмом [10, с. 90]!

Возникает закономерный вопрос: что же тогда есть буддизм? Хакама дает три парадигмальных признака, позволяющих отличить буддизм от не-буддизма [4, с. 9–10].

Во-первых, базовое учение Будды – это доктрина зависимого возникновения (пратитья-самутпада). Идея изначальной природы Будды, согласно Хакама и Мацумото, подобно индуистской теории атмана, противоречит философской доктрине буддизма. Доктрина Будды, с точки зрения «критического буддизма», это пратитья-самутпада. Но не в смысле

хуаянь, которая толкует зависимое возникновение в том плане, что все вещи одновременно дают начало всем другим вещам, а в смысле, что имеется линейная последовательность причины и следствия без какого-либо метафизического субстрата [8]. Философская доктрина пратитья-самутпада, согласно Хакамае, противоречит понятиям «топического» буддизма, или «топической» философии об универсальной, невыразимой, доконцептуальной основе, или «топосе», откуда все вещи возникают и куда возвращаются после смерти. Характерное для подхода Хакамаи противопоставление «критического» и «топического» происходит из различения понятий *critica* и *topica* в философии Декарта (1596–1650) и Вико (1668–1744) [11]. Что касается Мацумото, то он изобрел «неосанскритизм *dhātu-vāda*» (учение о локусе), чтобы выразить тот же «критический» способ мышления, что и Хакама, в отношении концепта универсальной природы Будды, татхагатагарбхи, который они считают импортом в буддизм небуддийских понятий «атман» или субстанциональной основы, противоречащих доктрине зависимого возникновения [4, с. 9–10; 9, р. 161]. Понятия «топоса», по их мнению, являются особыми характеристиками «автохтонной мысли», будь то идея Брахмана в индийской философии, Дао в китайской мысли, а также шаманизм, анимизм, культ духов и т. д. Все это – «топические формы» мысли, и это – «не-буддизм». Поэтому представители «критического буддизма» радикально расходятся во взглядах с теми, кто ассимилирует буддизм с понятиями традиционной китайской или японской духовности. Подлинный буддизм, по мнению Хакамаи, должен, наоборот, как иностранный критический голос, быть вызовом удобным, эссенциализованным понятиям родовой или этнической идентичности [9, р. 161].

Во-вторых, моральный императив буддизма – действовать без цепляния за «я» ради блага других. Идея *hongaku*

shisō о том, что все неодушевленные феномены тоже «включены в субстанцию Будды», не оставляет места этике и махаянским ценностям. Доктрина «изначальной просветленности» ведет к утрате четких моральных ориентиров, присущих буддизму, и нравственному произволу. Это и наблюдается, с точки зрения «критического буддизма», в «юрродстве» и «антиномизме» чаньских и дзэнских монахов. Кроме того, «топический буддизм», или «мысль об изначальной просветленности», по мнению Хакамаи и Мацумото, питает этнический национализм, милитаризм и социальную дискриминацию, а также японский культурный эссенциализм, выразителями которого являются Умехара Такеши, Кавабата Ясунари и другие. Поддерживаемый японским буддизмом, «этос гармонии» на самом деле далек от подлинного консенсуса или толерантности [4, с. 9–10; 9, с. 162].

В-третьих, согласно «критическому буддизму, буддизм – это не предмет невыразимого мистического переживания, его принятие означает необходимость веры, а также логики и использования языка для различения истинного и ложного и выбора истины *пратитья-самутпада*. Хакамая и Мацумото осуществляют ревалоризацию языка. По их мнению, дзэнская аллергия на использование слов – это, скорее, китайское, а не буддийское явление. Невыразимость «таковости», провозглашаемая теорией *hongaku shisō*, не оставляет места словам или вере. Это проповедуемое в дзэн отрицание опоры на язык, которое идеализирует довербальный и невыразимый в языке духовный опыт, относится к паттернам восточноазиатской религии, но не к подлинному буддизму. Тот подход к буддийской практике, который выдвигает неконцептуальный инсайт как цель саму по себе, не есть, собственно говоря, буддизм, – доказывают Хакамая и Мацумото [8, с. 68–69].

Хотя в старых дальневосточных школах, таких как тяньтай/тэндай, встре-

чались подходы, в рамках которых любая буддийская практика воспринималась как выражение единой колесницы (махаяны), позднее, под влиянием основателя японской школы Чистой Земли Хонена (1133–1212) и Нитирэна (1222–1282), утвердился метод «одной практики» (*senju*). Практик выбирал лишь одну из практик, отвергая при этом все другие. Иногда этот подход вызывал критику как «нетолерантный», в отличие от «всеохватывающего» подхода единой колесницы, выраженного в *Лотосовой сутре*. Хакамая и Мацумото считают, что подход «одной практики» должен заключаться, скорее, в правильном критическом различении истины, тогда как «всеохватывающий подход» – это некритическое принятие противоположной позиции. По их мнению, единая колесница (махаяны) – это не аморфная истина, включающая в себя все другие (буддийские) учения, а колесница бодхисаттв, которую следует выбрать в сравнении с двумя другими колесницами – шраваков и пратьекабудд, которые следует отвергнуть.

Следует подчеркнуть правомерность критики «топического», китаизированного буддизма со стороны Хакамаи и Мацумото прежде всего, в том отношении, что эта критика актуализировала тему аутентичности китайской традиции буддизма и заставила как буддологов, специализирующихся на изучении дальневосточного буддизма, так и буддистов дальневосточной традиции, подойти в интересах восстановления аутентичности своей традиции к пониманию значения индо-тибетской традиции буддизма как его аутентичной формы. Вместе с тем сами представители «критического буддизма» еще далеки от адекватного представления о системе Учения Будды и понимания его внутренней непротиворечивости. Поэтому они «принимаят» праджняпарамиту и мадхьямику как истинный буддизм и отвергают хинаянские учения как неаутентичные. В отличие от них, тибетцы, с самого начала стремив-

шиеся распространить в Стране Снегов аутентичные буддийские учения, научились у своих индийских наставников понимать, что все разнообразные и разного уровня учения Будды предназначены для личной практики каждого – чтобы из обычного существа превратиться в Будду. Название тибетской школы *кадам* (bka' gdams), возникшей в результате прихода Атиши в Тибет как новый этап распространения буддизма в Тибете, означает «слово-инструкция»: все Слово Будды воспринималось мастерами старой традиции кадам как наставление для личной практики. Как объясняет во время устных учений досточтимый Геше Тинлей, те, кто ограничивается какой-нибудь одной практикой, обречены на неудачу, ибо любая конкретная практика – это часть системы духовного продвижения по пути просветления. Так же, как и подлинный мастер, приводящий в движение все «тело» Учения при затрагивании конкретной темы хорошо подготовленный ученик, теоретически овладевший всей системой буддийской философии и медитации, способен выполнять системно, причем в рамках одной медитативной сессии, *все* практики сутры и тантры. Но такие мастера Дхармы и такие практики даже в Индии и Тибете встречались редко. Тем более это большая редкость в наши дни. В *Синей летописи* Шоннупэла приводится рассказ о встрече выдающегося тибетского ученого, Великого Переводчика (lo chen) и мастера тантры Ринчена Зангпо с Атишей. Содержание их беседы раскрывает нам, в чем заключалась необходимость приглашения Атиши в Тибет, где в то время имелись такие выдающиеся личности, как Ринчен Зангпо [III]. Вот что пишет Гой-лоцава Шоннупэл:

В то время лоцава Ринчен Санпо подумал: «Его познания как ученого едва ли больше моих, но поскольку его пригласил Лхалама, мне необходимо быть внимательным к нему».

Поэтому он пригласил его к себе в вихару Тодин. В этой вихаре божества высших

и низших тантр были представлены согласно их статусу, и к каждому из них Учитель обратился с прославляющим стихом. Когда Учитель уселся на свое место, лоцава Ринчен Санпо спросил у него:

– Кто сочинил эти стихи?

– Я сочинил их прямо сейчас, – ответил Учитель, и лоцава преисполнился благоговения и изумления.

Затем Учитель спросил у лоцавы:

– Какое учение вы знаете?

Лоцава коротко рассказал ему о своих знаниях, и Учитель сказал:

– Если в Тибете есть люди, подобные вам, мне не нужно было приходить в Тибет!

Сказав так, он почтительно сложил руки у груди. И снова Учитель спросил у лоцавы:

– О, великий лоцава! Когда человек практикует все учения тантр, сидя в уединении, как должен он поступать?

Лоцава ответил:

– Действительно, следует практиковать каждую тантру отдельно.

Учитель воскликнул:

– Никуда не годится, лоцава! Мне действительно нужно было прийти в Тибет! Все эти тантры следует практиковать вместе.

Учитель преподал ему «Волшебное зеркало ваджраяны» (gSang-sngags 'phrul-gyi me-long), и, исполнившись глубокой веры, лоцава подумал: «Этот Учитель – величайший среди великих ученых!»

Он попросил Учителя исправить его прежние переводы «brGyad-stong-pa» [IV], «Nyi-khri snying-ba» [V] и великого комментария к «Аштасахасрике-праджняпарамите» [3].

Шоннупэл пишет, что у великого лоцавы было 60 знающих учителей, но никто, кроме Атиши, не смог заставить лоцаву созерцать. Выслушав просьбу Атиши заняться созерцанием, Ринчен Зангпо построил дом с тремя дверьми. Над наружной дверью он написал такие слова: «Если за этой дверью мысль о привязанности к этому чувственному миру возникнет хоть на один-единственный момент, пусть Хранители Учения отрубят мне голову!» Над средней дверью он написал: «Если эгоистическая мысль возникнет хоть на один-единственный

момент, пусть Хранители Учения отрубят мне голову!» Над внутренней дверью он написал: «Если обычная мысль возникнет хоть на один-единственный момент, пусть Хранители Учения отрубят мне голову!». Первая надпись соответствует стадии тхеравады, вторая – бодхисаттваяны, а третья – тантраяны.

Разница между Великим Переводчиком, кем Ринчен Зангпо был к моменту встречи, и Учителем, каким был Атиша, заключалась не просто в объеме познаний. Дело было в том, что Ринчен Зангпо до встречи с Атишей был носителем буддийской *учености* и мастером переводческой науки. Атиша же был не только знатоком Учения и носителем всех линий преемственности Дхармы, но и реализованным мастером, а потому настоящим Учителем. Он и научил тибетских практиков, как реализовать системно все Учение Будды – все сутры, а также все тантры, практикуя их одновременно [VI].

Возвращаясь к «критическому буддизму», заметим, что его представители фактически отвергли всю собственную историческую буддийскую традицию, провозгласив принцип возвращения к индийским корням и к «подлинному» буддизму. Поскольку учение о *татахагатагарбхе* является теоретической основой практически всей дальневосточной буддийской традиции, то критический буддизм отвергает, по существу, всю ее как неподлинную и еретическую. К «чистому» и «подлинному» буддизму он относит только учения Тхеравады, Праджняпарамиты, мадхьямика Нагарджуны и некоторые тексты йогачары. «Критический буддизм» приобрел достаточно много последователей как в Японии, так и в других странах Дальнего Востока (Стивен Хайне, Кевин Шилбрек, Нара Ясуаки и др.). В последние десятилетия идеи, сходные с «критическим буддизмом», распространились и среди той части китайских буддологов, которые признают адекватными только

переводы Сюаньцзана и тибетских переводчиков, поскольку ими переводились только индийские тексты [13].

В своем отзыве об изданной в 1989 г. книге Хакамаи Поль Л. Свенсон подчеркивает ее высоконаучный уровень, подробный текстуальный анализ источников и прочие достоинства, но считает, что, определенно, многие японские ученые с доводами Хакамаи не согласны. Да и сам Свенсон не согласен: по его мнению, «в социологическом смысле является очевидным то, что японский буддизм – это буддизм: он является частью все время меняющегося и развивающегося феномена – восточноазиатского буддизма [10, с. 91].

Заметим, что с точки зрения социологии религии, да, действительно китайский и японский буддизм в качестве сложившейся конфессии имеют право называться буддизмом и в будущем, коли за этими явлениями уже закрепились их названия. Но что касается философской точки зрения, дело обстоит не так просто. На мой взгляд, представителям «критического» буддизма удалось осознать значимость того, что проблема аутентичности буддизма имеет глубокий смысл не только в плане сравнения махаяны и хинаяны и осознания их отличительных характеристик. Эта проблема имеет также смысл с точки зрения сравнения «материнской», индийской махаяны, и ее «дочерних» форм, распространившихся в Тибете (и в зоне распространения тибетской традиции буддизма) и Китае (на Дальнем Востоке), а также этих последних между собой.

Представители «критического буддизма» заострили значимость для мировой буддологии и современного буддизма определения в буддизме того, что на самом деле делает буддизм тем, чем он является на самом деле. По их мнению, это глубинная философия, выраженная в сутрах Праджняпарамиты, учении Нагарджуны, индийских и тибетских прасангиков. Именно эти учения, на их

взгляд, выражают высшее воззрение буддизма. Верно, что эти источники содержат конечное воззрение Будды. Но едва ли верно, что только высшая философия буддизма является аутентичной, в то время как философские воззрения низших школ не являются подлинно буддийскими учениями. Проблема аутентичности буддизма – это не только и не столько вопрос о том, какая из философских школ и традиций выражает конечное воззрение Будды, сколько вопрос о том, какова система подлинной буддийской практики, и каким образом буддийская практика зависит от уровня философского воззрения. Иногда в литературе ее формулируют как вопрос о существовании «нормативного» буддизма. В связи с этим следует подчеркнуть, что, на наш взгляд, речь не должна идти о выборе «нормативной» формы буддизма из множества национальных вариантов буддизма. Если подходить к проблеме аутентичности буддизма с позиций сравнения национальных форм буддизма, то закономерен вопрос: на каком основании мы буддизм в версии тибетцев считаем «правильным» буддизмом и отказываемся считать подлинным буддизмом его китаизированные формы? Как нам представляется, национальную форму обретает только внешняя, культурная оболочка буддизма, сущность же буддизма должна оставаться инвариантной, если речь идет именно о буддизме – философии, созерцательной практике и образе жизни, которым учил Будда во время трех поворотов Колеса Дхармы. В этом мы придерживаемся позиции Его Святейшества Далай-ламы XIV. Поэтому правильная постановка проблемы аутентичности буддизма заключается не в том, чтобы определить «нормативный» буддизм, а в том, чтобы все Слово Будды было понято как полная система инструкций, предназначенных для того, чтобы отдельный человек прошел путь от обычного существа до Будды. Именно тибетская традиция *кадампа*, сознательно базирующаяся

на текстуальном наследии и линиях преемственности великих ученых Наланды, дает такого рода презентацию Учения Будды. И поскольку от *кадампы* произошли все школы тибетского буддизма второй волны распространения Дхармы в Тибете (на старую традицию нyingma она тоже оказала влияние), мы можем говорить о единой тибетской традиции, в основе которой лежит учение о постепенном пути Ламрим, продолжающее традиции Наланды.

Нет «буддизма вообще» как некоей абстракции, объединяющей все направления и школы, называемые буддийскими. Но есть аутентичный буддизм, представленный в Слове Будды и индийских шастрах, и в совокупности это множество учений образует единое Учение, служащее полным руководством в процессе преобразования ума и достижения состояния Будды. Это и есть, собственно говоря, буддизм. Как подчеркивает во время своих учений Его Святейшество Далай-лама, философская и духовная сущность буддизма должна быть инвариантной, хотя формы изложения могут варьироваться и сочетаться с различными культурными традициями. И в этом смысле не может быть «тибетского буддизма», «китайского буддизма», «бурятского буддизма», «западного буддизма». Правда, в социологическом смысле, сознавая условность такого словоупотребления, допустимо говорить о различных национальных формах буддизма. Являются ли те или иные региональные и национальные формы буддизма на самом деле буддизмом или нет, зависит, главным образом, от того, была ли исторически аутентичной трансмиссия Учения (в устной и письменной передаче), а также от того, насколько аутентичной является презентация буддийской философии и системы духовной практики в этих формах. Если национальная или региональная традиция не обеспечивает главных требований аутентичности в том, что касается презентации сущности Учения

Будды, то, строго говоря, ее нельзя считать аутентичным буддизмом. Вероятно, эти традиции, в соответствии с «внутренней» буддийской категоризацией, есть подобие Дхармы – феномен, характерный для времен *пяти видов упадка*,

в которые мы живем. Тогда будут понятными не раз звучавшие во время публичных учений слова Его Святейшества Далай-ламы о том, что в мире очень мало настоящих буддистов и буддийских философов.

Исследование выполнено по гранту Президиума РАН «Буддийские тексты. Направление 4. № 33. № гос. регистрации 01201252890».

Примечания

I. Мацумото первым ввел термин «топос» (яп. *basho*) как обозначение субстанции, подразумеваемой в основе реальности, и всякую философию, ее признающую, по его мнению, следует называть «*дохату-вада*» [Swanson, p. 90].

II. Те, кого удивляет, какое отношение имеют эти новоевропейские мыслители к нормативным определениям буддизма, могут найти ответы на эти вопросы в эссе Джейми Хаббарда «*Torophobia*» [Hubbard, Swanson]. Хаббард разъясняет смысл категорий *topica* и *critica* у Декарта и Вико и их применение у Хакамаи. Поль Гриффитс в этом же сборнике разъясняет разницу между «топическим» и «критическим» в свете различия между интерналистской и экстерналистской эпистемологией [Hubbard, Swanson, p. 145–160].

III. Ринчен Зангпо был послан в Индию царем Еше Ве, получил всестороннее буддийское образование в Кашмире, стал знатоком философии и тантр, излагал все основные тексты Праджняпарамиты и тантр. Шоннупэл пишет: «В молодости Великий Переводчик ездил в Кашмир и изучал там многие трактаты (шастры) мантраяны и труды, принадлежащие к классу Сутр. Известный ученый перевел многие тексты, сутры и мантры и написал обширные объяснения к Праджняпарамите и тантрам, обучал обрядам посвящения (санскр. *abhiseka*, тиб. *dbang bskur* – посвящение, инициация) и выполнению садхан. Позднее распространение тантр в Тибете было более значительно, чем раннее, главным образом благодаря Ринчену Зангпо. Он посетил 75 пандит (буддийских ученых) и выслушал от них изложение многочисленных трактатов Учения.

Лаченпо Лхадецен возвел его в сан главного священнослужителя и ваджрачарьи (санскр. *vajrācārya*, тиб. *rdo rje slob dpon* – ваджрный наставник). Ему подарили имение Шэр в Пуране, и он построил храмы. Он воздвиг много храмов и святилищ в Тацэ, Роне и других местах, а также многочисленные ступы. У него было много знающих учеников, таких как Гуршинг Цондю Гьялцен и другие, а также больше десяти переводчиков, которые могли исправлять переводы. Другие не могли соперничать с ним в его повседневных трудах, таких как создание изображений, переводы священных книг и прочее» [Шоннупэл].

IV. Комментарий Харибхадры к *Аштасахасрике*.

V. *Вимшати-алока*.

VI. Надо учитывать, что это наставление Атиши о том, что следует практиковать все тантры одновременно, предназначалось именно такому хорошо подготовленному знатоку Дхармы, как Ринчен Зангпо. Этот совет не предназначен для практики начинающих. Вначале следует теоретически освоить целостный подход к последовательной практике, и когда заложены все предпосылки эффективной практики тантры, по совету Атиши, следует одновременно заниматься всеми тантрами. Как это осуществлять – учат такие подлинники мастера, как Его Святейшество Далай-лама, чьим учеником является Геше Тинлей.

Литература

1. *Кимура К.* Тюоку букке кэнкю но доко то кадай (Направления и проблемы исследований в области китайского буддизма) // Индогаку буккегаку кэнкю (Индологические и буддологические исследования). Т. 44. – № 1. – С. 327–332.
2. *Торчинов Е. А.* Критический буддизм: академическая буддология как фактор эволюции буддизма на рубеже третьего тысячелетия // Шестая буддологическая конференция: тезисы / сост. С. Э. Коротков, Е. А. Торчинов. – СПб., 1999. – С. 54–56.
3. *Шоннунэл Гой-лоцава.* Синяя летопись. Deb-ther sNgon-po. История буддизма в Тибете, VI–XV вв. / пер. с тиб. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедия и О. Ю. Харьковской. – СПб.: Евразия, 2001. – 768 с. /<http://www.torchinov.com/>
4. *Hakamaya N.* Hongaku shiso hihan. – Tokyo: Daizō Shuppan, 1989. – P. 420. (на яп. яз.)
5. *Hakamaya N.* Hihan bukkyō. – Tokyo: Daizō Shuppan, 1990. (на яп. яз.)
6. *Hakamaya N.* Nihonjin to animizumi. – Komazawa daigaku bukkyō dakubu ronshu 23. – 1992. – P. 351–378. (на яп. яз.)
7. *Hakamaya N.* Dōgen to bukkyō: Jūnikanbon Shōbōgenzō no Dōgen. – Tokyo: Daizō Shuppan, 1990. (на яп. яз.)
8. *Hubbard J., Swanson P. L. (eds.).* Pruning the Bodhi Tree: The Storm Over Critical Buddhism. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. – XXXIII. – 513 p.
9. *Stone J.* Review Article: Some Reflections on Critical Buddhism // Japanese Journal of Religious Studies 1999 26/1-2. – P. 159–188.
10. *Swanson P. L.* Review of: Hakamaya Noriaki. Hongaku shisō hihan [Critique of the thought of the inherent enlightenment]. Tokyo: Daizō Shuppan. 1989. 420 pages // Japanese Journal of Religious Studies. – 1990. – Vol. 17/1. – P. 89–91.
11. *Swanson P. L.* Zen is not Buddhism: Recent Japanese Critiques of Buddha-Nature. Numen. – Vol. 40. – 1993.
12. *Śāntideva.* Bodhicaryāvatāra: Вступление в практику Бодхисаттв (Byang chub sems dpa'i spyod pa la 'jug pa zhes bya ba bzhugs so) / пер. с тиб., примеч. и вступ. ст. И. С. Урбановой. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 327 с.
13. *Zhihua Y.* Tibetan Learning in the Contemporary Chinese Yogācāra School // Buddhism Between Tibet and China / Ed. by Matthew T. Kapstein. – Boston: Wisdom Publications. – P. 281–294.

УДК 24-1

А. М. Донец

ПОНЯТИЕ РОДА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ
БУДДИЙСКОЙ СХОЛАСТИКЕ

В онтологии, гносеологии и сотериологии центральноазиатские буддийские схоласты используют понятие рода чего-либо, под которым понимают то, что делает возможным это нечто и/или рождает его.

Ключевые слова: буддизм, личность, религия, Гелуг, история философии, махаяна, мадхьямака, тибетская философия, схоластика.

A. M. Donets

CONCEPT OF THE CLASS (RIGS) IN CENTRAL ASIAN BUDDHIST SCHOLASTICISM

In ontology, epistemology and soteriology Central Asian Buddhist scholastics use the concept of the class (rigs) of something. They understand it as something that makes this something possible and/or engenders it.

Key words: Buddhism, personality, religion, Gelug, history of philosophy, mahayana, madhyamaka, Tibetan philosophy, scholastic.

Центральноазиатская схоластика представляет собой уникальный феномен – дожившую до наших дней схоластическую систему, которая возникла в процессе оригинального осмысления богатого творческого наследия выдающихся буддийских мыслителей Индии, длительное время развивалась в благоприятных для нее условиях и активно распространялась посредством традиционной системы монастырского образования, определяя многие особенности мировоззрения и культуры жителей Тибета, Монголии, Бурятии, Тывы и Калмыкии. Характерными чертами этой схоластики являются использование базового словаря ключевых терминов философов Центральной Азии, наличие своеобразной «дхармической логики», специфической схоластической формы изложения материала и разных стилей философствования. При этом большинству философских понятий и категорий даются совершенно четкие и ясные определения. Большинству, но не всем. К числу последних относится и понятие рода, которое используется в онтологии, гносеологии и – особенно – в сотириологии. Это выдвигает задачу по установлению содержания понятия рода в центральноазиатской схолистике.

Тибетским эквивалентом русского слова «род» является термин rigs, имеющий и другие значения (происхождение, поколение, семья, нация, раса, национальность, порода, класс, каста, ранг, сорт, вид [2, с. 71], доказательство, правильность, справедливость), а санскрит-

скими эквивалентами – готра (коровник, загон, семья, род, происхождение) и кула (стадо, рой, стая, толпа, семья, род, жилище) [1, с. 167, 196]. В связи с термином rigs (в значении «род») тибетские философы обычно употребляют термины gung (возможное, возможность) и nus pa (способное, способность, сила) [8, л. 106Б]. На основании этого можно предположить, что под родом чего-то эти мыслители понимают то, что делает возможным это нечто и/или оказывается способным породить его. С этой точки зрения понятие рода предстает в качестве равнозначного понятию причины (условия). Что подтверждает правомерность этого?

В базовой системе категорий, которая была разработана тибетскими философами в процессе систематизирующего осмысления богатого творческого наследия выдающихся ученых-буддистов Индии и затем использовалась при обучении в традиционной системе монастырского образования и написании комментариев, трактатов и исследовательских работ по разным разделам буддийского Учения, причина (rgyu) определяется как то, что порождает плод или способствует его появлению. Вещи, по мнению буддистов, существуют в виде потоков (rgyun) непрерывно следующих друг за другом и причинно связанных между собой мгновенных моментов (skad cig ma). Поскольку понятие вещи (dngos po), определяемой как способное выполнять функцию, то есть порождать нечто, считается равнозначным понятию

субстанции (rdzes), то иногда поток существования конкретной вещи называют ее субстанциональным потоком (rdzes rgyun). С точки зрения принадлежности к субстанциональному потоку порождающие факторы подразделяют на два вида – субстанциональную причину (nyer len) и совместно действующее условие (lhan cig byed rkyen). Первая – это то, что порождает вещь как субстанцию и относится к одному с ней субстанциональному потоку, а второе – то, что порождает вещь как субстанцию, но не относится к ее субстанциональному потоку. Например, глина является субстанциональной причиной сделанного из нее кувшина, а изготовивший его гончар – совместно действующим условием [4, гл. 6, 26; 9, с. 348–349]. Следует отметить, что термины «причина» (rgyu) и «условие» (rkyen) обычно используются как эквиваленты, обозначающие порождающие факторы. Однако когда говорят о «причинах и условиях вещи», имеются в виду субстанциональная причина и совместно действующее условие [3]. Согласно изложенному, субстанциональную причину необходимо охарактеризовать как то, что делает возможным появление вещи, а совместно действующее условие – как то, что способно реализовать это появление. Следовательно, можно предположить, что эти два вида порождающих (рождать, порождать – действие рода) факторов можно квалифицировать как относящиеся к категории рода.

Еще больше уяснить содержание понятия рода помогает анализ категории тождества по роду (rigs gcig). Тожественными по роду, согласно базовой системе категорий, называются дхармы, которые не являются разными по роду (rigs so so ba ma yin pa). Правильно понять это тождество может помочь рассмотрение двух основных его видов. Первый из них – это тождество по роду субстанции (rdzes rigs gcig pa). Им обладают «разные санскрита-дхармы, родившиеся непосредственно от одной

субстанциональной причины» [4, с. 79]. Здесь подчеркиваются три особенности, которыми должны обладать дхармы, тождественные по роду субстанции: 1) они относятся к категории санскрита-дхарм; 2) являются отличными (tha dad pa); 3) имеют одну и ту же непосредственную субстанциональную причину. Главной служит третья особенность, а две другие просто поясняют ее, т. к. санскрита-дхармы ('dus byas chos) характеризуются как возникающие причинно, не являющиеся же отличными – это полностью тождественные дхармы, а не тождественные только по роду субстанции. Например, зернышки одного колоска ячменя являются тождественными по роду субстанции, поскольку они относятся к категории санскрита-дхарм, являются отличными и имеют одну и ту же непосредственную субстанциональную причину – семя, из которого вырос стебель с колоском. Указывают три вида данного тождества – обнаруживаемое у материального (gzugs – органов чувств и их объектов), психического (shes pa – нетелесного, ясного и ведаемого) и випраюкта-санскар (ldan min 'du byed – способных выполнять функцию, но не относящихся к материальному или психическому). Пример первого – два кувшина, изготовленные из одного кома глины; пример второго – второй и все последующие моменты в потоке существования перцептивного образа при восприятии синего объекта (так как первый момент служит их непосредственной субстанциональной причиной); пример третьего – «созвучность» и «непостоянство» звука, родившиеся от одной субстанциональной причины.

Таким образом, слово «род» в термине «тождество по роду субстанции» обозначает то, что сделано возможным появление вещей, которые характеризуются как тождественные по роду – обладающие одним и тем же родом. Второй вид тождества по роду называется «тождеством по роду обратно тождествен-

ного» (*ldog pa rigs gcig pa*). Обратным (*log pa*) дхарме А тибетские философы считают не являющееся дхармой А. Например, обратным являющемуся кувшином будет не являющееся кувшином. Обратным не являющемуся дхармой А полагают не являющееся не являющимся дхармой А. Так, обратное не являющемуся кувшином – это не являющееся не являющимся кувшином. Обратное не являющемуся называют также «обратно тождественным» (*ldog pa*). «Обратно тождественное» дхарме А имеет две ипостаси: с одной стороны, оно может рассматриваться как являющееся дхармой А (поскольку, скажем, не являющееся не являющимся кувшином является кувшином), а с другой – как не являющееся этой дхармой (поскольку, например, признаком «обратно тождественного» кувшину служит «не являющееся не являющимся кувшином», а у кувшина – иной признак). Признак (*mtshan nyid*) дхармы является ее структурным элементом, который входит в целостное образование, именуемое дхармой. Категория же «обратно тождественного» позволяет вычленивать признаки разных дхарм и рассматривать их как особые дхармы. Если эти признаки «в чистом виде» тождественны, то имеющие их дхармы называются «тождественными по роду обратно тождественного». Этот вид тождества подразделяют на обнаруживаемый у материального, психического и випраюкта-санскар. Пример первого – сандаловый столб и березовый столб; пример второго – сознание Девадатты и сознание Пуджадатты; пример третьего – сотворенность звука и сотворенность кувшина.

Почему же в названии этого вида тождества употребляется термин «род»? Основатель школы мадхьямика-прасангика Буддхапалита (VI в., Индия) характеризует признак как то, что «входит» (*'jug*) в дхарму, «реализуя» (*bsgrubs*) ее в качестве именно этой дхармы и «определяя» – отграничивая от других [6, л. 180Б,

186Б, 213А]. Поскольку признак полагается здесь структурным элементом дхармы («входит»), который делает ее именно данной дхармой («реализует»), отличной от всех других («определяет»), то его можно квалифицировать как род дхармы – то, что делает возможным само ее существование. Поэтому вайбхашики, например, определяли дхарму как «держателя-носителя признака». Поскольку признак дхармы является ее родом, а признак в чистом виде можно охарактеризовать как «обратно тождественное» роду (дхармы), то тождественные по признакам дхармы называются «тождественными по роду, рассматриваемому в качестве обратно тождественного».

Таким образом, анализ двух видов тождества по роду подтверждает приемлемость определения рода чего-то как того, что делает возможным это нечто и/или оказывается способным породить его.

В базовой системе рассматривается также категория общего по роду (*rigs sru'i*), которая считается равнозначной категории общего (*spyi*) [4, гл. 8]. При этом общее определяется как «дхарма, следующая за множеством своих проявляющихся» [12, с. 14], или «то, что имеет виды» [4, с. 114], а общее родовое – как «дхарма, следующая за множеством имеющих [ее] своим родом» [Там же, с. 126–127]. Термины «следование за своими проявляющимися» и «следование за имеющими [ее] своим родом» полагают эквивалентами [9, с. 364]. Глиняный кувшин, золотой кувшин, серебряный кувшин и другие кувшины имеют то общее, что каждый из них является кувшином. Поэтому сразу же за восприятием конкретного кувшина идет осмысляющее его представление – «кувшин». Поскольку дхарма «кувшин» как таковая не воспринимается (не проявляется) чувственно сама по себе, то она уясняется при восприятии конкретных кувшинов (проявляющихся ее). Так, человек может получить представление о кувшине,

когда ему показывают разные кувшины и говорят: «Это – кувшин. И это – тоже кувшин...» Считается, что дхарма А является (yin) дхармой Б, если обладает всеми признаками последней. Например, золотой кувшин является кувшином, так как обладает всеми признаками кувшина. Поскольку признаки существуют не сами по себе, а в качестве входящих в дхарму и определяющих ее, то можно сказать, что дхарма «кувшин» вместе со всеми своими признаками входит в дхарму «золотой кувшин», определяя ее именно как кувшин. Значит, кувшин делает возможным существование золотого кувшина. Если нет кувшина, то не может быть золотого кувшина, серебряного кувшина и других кувшинов. Раз дхарма «кувшин» делает возможным существование любых кувшинов, то она является их родом. И поскольку наличие этого рода является общим для всех кувшинов, то его называют общим родовым или просто общим.

Итак, анализ ряда входящих в базовую систему категорий убедительно свидетельствует о том, что под родом чего-либо тибетские буддисты понимают то, что делает возможным это нечто и/или оказывается способным породить его. При этом, как показало исследование, в философствовании буддистов тибетской линии в объем понятия рода входят понятия причины, непосредственной субстанциональной причины, признака и понятие общего. Понятие рода довольно разнообразно используется тибетскими философами и в сотериологии. Рассмотрим вкратце некоторые случаи применения понятия рода.

В буддизме выделяют две Колесницы (яны), или пути совершенствования, – Хинаяну (малую Колесницу) и Махаяну (великую Колесницу), различие между которыми устанавливается с точки зрения используемых методов и достигаемых в итоге целей. Поскольку эти Колесницы делают возможным достижение двух видов Просветления, или

Нирваны, то их называют родами тех видов Просветления. Поэтому говорят о роде Хинаяны и роде Махаяны. Хинаяну, в свою очередь, подразделяют на Шравакаюну и Пратьекабуддаяну, каждая из которых тоже характеризуется как род (род Шравакаяны, род Пратьекабуддаяны). Занимающийся практикой, скажем, Шравакаяны, называется «обладающим родом (rigs can) Шравакаяны». Если он все время занимался только этой Колесницей, то его характеризуют как «обладающего истинным родом» (nges rigs) Шравакаяны. Если же он раньше входил в другую Колесницу, то его именуют «обладающим неистинным родом» (ma nges rigs) Шравакаяны.

Принятое в Хинаяне понимание рода в сотериологическом плане опирается в основном на концепцию, разработанную вайбхашиками. Исходным пунктом этой концепции служат приводимые в разных Сутрах слова Будды о четырех родах святого ('phags pa rigs bzhi): 1) довольствовании скромной одеждой, 2) скромным подаянием, 3) скромными местом жительства и одеждой, 4) радовании отвержению неблагого и созерцанию, реализующему благое. Три первых относят к способу (tshul) реализации пути, а последнее – к непосредственному осуществлению деяния реализации. При этом полагают, что три первых устраняют проявления привязанности (chags pa) к Я (bdag) и Моему (bdag gi), а последнее – полностью устраняет ее. Поскольку эти четыре фактора устраняют привязанность к Я и Моему на двух уровнях – явном (mngon gyur) и потенциальном (bag la nyal ba), или семенном (sa bon pa), то их следует признать реализующими неприязанность (chags bral) – непосредственную причину обретения статуса святого и, в конечном итоге, освобождение от сансары, Просветления, Нирваны. Так как четыре названных фактора оказываются способными породить святость, то будет приемлемым назвать их родами святого. Поскольку же непосредствен-

ной причиной святости служит непривязанность, то хинаянисты определяют род (святости, освобождения, Хинаяны) как психический элемент непривязанности к Я и Моему [8, л. 106].

В махаянских Сутрах при объяснении практики отрешившегося от мира (монаха, отшельника) эти четыре тоже называются родами святого [7, л. 276Б–277А]. Поэтому, очевидно, их следует признать родами обретения святости не столько на пути именно Хинаяны, сколько на пути монаха и/или отшельника вообще, так как они способствуют обретению святости в ситуации полного отречения от мирского и подвижничества.

В Махаяне понятие рода устанавливается с точки зрения конечной цели этого пути – положения Будды. Так, Гедун Тендар говорит: «Признак рода – дхарма, [делающая] возможным становление Буддой» [8, л. 108А]. Поскольку положение Будды достигается благодаря устранению главных преград к этому, которые называются «покровами» (*sgrib ra*) и относятся к категории преходящей, случайной нечистоты, то «мадхьямики и виджнянавадины (последователи двух основных махаянских философских школ) согласны, что родом следует называть только причину, [делающую] возможным устранение «покровов» и рождение достоинств в потоке сознания живого существа, и в том, что подлежащим отвержению здесь является преходящая нечистота, но расходятся в понимании того, что следует считать преходящей [нечистотой]. Виджнянавадины следуют в этом «Украшению раздела Сутр» («Сутраланкаре») Майтреи, а мадхьямики – «Высшей традиции Махаяны» («Уттаратантре») Майтреи [10, с. 280–281]. Для нас особый интерес представляет мадхьямиковская трактовка рода, поскольку именно мадхьямика в форме прасангики уже много веков является очень популярной среди буддистов Центральной Азии.

В «Высшей традиции Махаяны» говорится о двух видах рода:

Следует признать два вида того рода –
Подобные сокровищу и плодovому дереву.

[Это] пребывающий по природе [с] безначальности и

[Имеющий своим] признаком принятие истинного.

[5, л. 28А].

Первый из них называют родом пребывания истинной природы, или родом, пребывающим по природе (*rang bzhin gnas rigs*). Майтрея сравнивает его с сокровищем, зарытым в доме бедняка, который не знает о нем и влачит нищенское существование:

В доме бедного человека под землей

Имеется неисчерпаемое сокровище.

Но тот человек не знает о нем, не говорит:

«Я имею здесь то сокровище там-то».

Так и из-за незнания о сокровище внутри ума –

Дхармате, неустранимой и устанавливающей чистоту,

Все эти существа непрерывно испытывают

Во многих видах страдания нуждающихся.

[Там же, л. 21].

В соответствии с этим мадхьямики полагают, что родом, пребывающим по природе (*rang bzhin gyis gnas*), или в качестве истинного бытия (*rang bzhin du gnas*), является имеющаяся в потоке сознания каждого живого существа дхармата (*chos nyid*) сознания. Дхарматой чего-либо прасангики обычно называют его фундаментальный признак, благодаря которому оно будет именно тем, чем является. Так, дхармата огня – горячесть. Фундаментальным признаком всех дхарм вообще и специфическим признаком абсолютного мадхьямики считают лишенность истинности наличия (*bden grub stong*). Указанным родом является дхармата – лишенность истинности наличия сознания (читты). Поскольку живое существо характеризуется как «об-

ладатель сознания» (sems can), а признак дхармы рассматривается прасангиками – в соответствии с принципом срединности – как в известном смысле тождественный дхарме, ее сущности (ngo bo) и бытию (природе), то можно сказать, что дхармата сознания – это абсолютная сущность или абсолютная природа (бытие) живого существа. Именно эту дхармату в некоторых Сутрах называют Татхагатагарбхой (сущностью/сердцевинной Татхагаты [Будды]) [12, с. 24].

Второй род называют родом развития (rgyas 'gyur gyi rigs), или родом реализации истинного (yang dag par bsgrub pa'i rigs). Майтрея уподобляет его плодovому дереву:

Подобно тому, как семя, имеющееся
В плоду дерева манго и т. д.,
Дает росток и постепенно
Вырастает в царя деревьев,
Так и элемент благой дхармы, имеющийся
Внутри плода – существ с кожурой – неведением и т. д.
То благое, опираясь на то,
Постепенно станет царем мудрецов
[Буддой]

[5, л. 22A].

В соответствии с этим мадхьямики относят к категории данного рода те элементы, которые обретаются в результате практики слушания, обдумывания и созерцания Учения и наделяют способностью реализовать положение Будды посредством устранения «покрова». Главным среди этих элементов считается бодхичитта (byang chub sems), поскольку благодаря относительной бодхичитте (твердому намерению обрести положение Будды ради спасения всех существ) становятся на путь Махаяны и продвигаются по нему, а благодаря абсолютной бодхичитте (непосредственному постижению абсолютного – шуньяты) «рождаются в роду Будды», становятся подлинными Бодхисаттвами – Сыновьями Будды и, последовательно пройдя десять

ступеней святости, достигают уровня Будды.

Из сказанного следует, что первый род имеется у всех существ постоянно, а второй порождается. Как это происходит? Реализация какого-либо благого элемента (напр., веры, терпимости) оставляет в сознании отпечаток (bag chgags), который благодаря последующим реализациям этого элемента «вскармливается» (gso ba) – усиливается до тех пор, пока не станет способным порождать этот элемент самостоятельно. Тогда он называется потенцией (bag la nyal ba), или семенем (sa bon), того элемента, а сам элемент – «приобретенным при жизни» (kun btags). Если он достаточно силен, то и в следующем рождении может при соответствующих условиях порождать этот элемент. Такую потенцию называют врожденной (lhan skyes). Если некто был человеком и занимался практикой благого, а затем по каким-то причинам родился животным, то реализованные им ранее благие элементы в этот период называются родом развившегося (rgyas gyur), так как они в тех условиях имеются, но не обладают способностью порождения. А когда затем он снова рождается человеком и занимается практикой пути, то эти же элементы называют родом развития, так как в данный период они обладают способностью порождения, и родом развивающегося, поскольку они имеются в наличии [8, л. 108A]. Из-за особенностей «отпечатков» и взаимоотношений между ними они могут усиливаться, ослабляться, уничтожаться полностью или частично.

Майтрея думает, что два рода связаны определенным образом с тремя Телами Будды – Дхармакаей, Самбхогакаей и Нирманакаей:

Считают, что благодаря двум этим родам
Обретают три Тела Будды.
Первое Тело – благодаря первому [роду].
Благодаря второму [роду] – два следующих

[5, л. 28].

Тибетские прасангики полагают, что под первым Телом здесь следует понимать не Дхармакаю как таковую, а Свабхавикакаю – выделяемый в качестве самостоятельного Тела наряду с Джнянадхармакаей элемент Дхармакаи, полагаемый абсолютным, асанскритовым Телом. Другие Тела – Джнянадхармакаю, Самбхогакаю и Нирманакаю – полагают относительными, санскритовыми. В соответствии с этим прасангики дают такое итоговое определение двух родов: «Признак первого рода – Дхармадхату (дхармата) в потоке живого существа, делающая возможным становление Свабхавикакаей. Такова, например, лишенность истинности [наличия] сознания в потоке старой бородатой собаки. Признак второго [рода] – дхарма, [делающая] возможным обретение санскритовых Тел ступени Будды» [8, л. 108А]. Поскольку первый

род просто делает в принципе возможным обретение положения Будды, а второй обладает способностью реализовать его, то можно сказать, что выделение этих двух видов рода опирается на рассмотренную выше трактовку рода как делающего нечто возможным и способного реализовать его.

Таким образом, на основании приведенного анализа различных случаев употребления термина «род» в тибето-язычной схоластической литературе можно сделать вывод о том, что под родом чего-то центральноазиатские буддийские схоласты понимают то, что делает это нечто возможным и/или порождает его. Подобное понимание рода позволяет достаточно уверенно разбираться с объяснениями разнообразных родов в разных школах и направлениях [8, л. 106А и далее, л. 116Б и далее; 10, с. 275 и далее, с. 758 и далее].

Литература

1. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. – М., 1987.
2. Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. – Вып. 9. – М., 1987.
3. Сутра «Ростки белого риса» / пер. с тиб. // Донец А. М. Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике. – Улан-Удэ, 2004. – С. 167–179.
4. bSe Ngag dbang bkra shis. Tshad ma'i dgongs 'grel dyi bstan bcos chen po rnam 'grel gyi don... ston pa... (Агван Таши. Учебник по «Собранию тем») // Tshad ma'i don rtsa 'grel. – Mi rigs dpe skrun khang, 1996. – С. 35–36.
5. Byams pa. Theg pa chen po rgyud bla ma'i bstan bcos (Майтрея. Высшая традиция Махаяны). – XI., 75 L.
6. dBu ma rtsa ba'i 'grel ba Buddhapalita (Буддхапалита. Комментарий на «Основы мадхьямики» [Нагарджуны]). – XI., 128 L. (153–281) // The Asian Classics Input Project. Release Three. – Washington, 1993. – Catalog # TD 3842.
7. De bzhin gshegs pa'i snying po'i mdo (Сутра о Татхагатапарбхе) // Chos kyi 'khor lo'i mdo. De bzhin gshegs pa'i snying po'i mdo. 'Phags pa dgongs pa nges par 'grel ba bcas bzhugs. – rGya gar lho phyogs maye sor grong khyer par khang gis dpar btab, 2007.
8. dGe 'dun bstan dar ba. bsTan bcos mngon par rtogs pa'i rgyan rtsa 'grel gyi spyi don... (Гедун Тендар. Общее исследование «Абхисамаяланкары» [Майтрей]). – XI., 141 L. // The Asian ... – Washington, 1993. – Catalog # S 0009.
9. dMu dge bsam gtan. Dris lan gter gyi kha byang bzhugs (Мыре Самтен. Объяснение терминов, употребляемых в работах по «Собранию тем») // Tshad ma'i don rtsa 'grel. – Mi rigs dpe skrun khang, 1996. – С. 337–372.

10. Ngag dbang nyi ma. Nang pa'i grub mtha' smra ba bzhi'i 'dod tshul... (Агван Нима. Воззрения четырех буддийских философских школ). – XI., 404 L. – sGo mang, 1971.
11. 'Phags pa khyim bdag drag shul can guis zhus pa... (Сутра «Вопросы домохозяина Угры»). – XI., 31 L. // The Asian... # KD 0063.
12. Sudhiprashaka. bsDus grwa'i rtsa tshig (Судхипрашака. Базовый учебник по «Собранию тем») // Tshad ma'i don rtsa 'grel. – Mi rigs dpe skrun khang, 1996. – С. 3–34.

УДК 24-1

А. М. Донец, С. П. Нестеркин

УЧЕНИЕ О ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ ШКОЛЫ ГЕЛУК

В статье анализируется учение о личности в схоластической литературе школы тибетского буддизма Гелук. Показано, что личность в этой традиции понимается как «только имя», и дается анализ доктринальных оснований такой интерпретации.

Ключевые слова: буддизм, личность, религия, Гелук, история философии, махаяна, мадхьямака, тибетская философия, схоластика.

A. M. Donets, S. P. Nesterkin

THE DOCTRINE OF PERSONALITY IN THE PHILOSOPHY OF THE GELUK SCHOOL

The article analyzes the teaching about the person in Geluk scholastic literature. It is shown, that the personological doctrine in this tradition is understood as "just a name". The article also analyzes the doctrinal basis of this interpretation.

Key words: Buddhism, personality, religion, Geluk, history of philosophy, mahayana, madhyamaka, Tibetan philosophy, scholasticism.

В предыдущей статье мы рассмотрели взгляды на личность философских школ буддизма, как они представлены в тибетской историко-философской литературе и, в частности, доксографической литературе школы Гелук [5; 1]. В настоящей работе мы остановимся на собственных воззрениях на этот предмет гелукпинцев, лишь кратко упомянутых нами в предшествующей статье.

Прасангики в своем подходе к оценке личности исходят из следующего утверждения Нагарджуны:

«Если скандхи являются «Я», то
[Оно] будет обладателем рождения и
уничтожения.

Если [оно] иное, нежели скандхи, то
Не будет иметь признака скандх»

[14, гл. 18, ст. 1].

ДОНЕЦ Андрей Михайлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: sn3716@gmail.com.

НЕСТЕРКИН Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: sn3716@gmail.com.

Если Я, с одной стороны, не является скандхами или отличным от них, а с другой – не может быть признано отсутствующим, то каким же образом его следует понимать? Буддхапалита и Чандракирти отвечают: это личность, условное существование которой признается в связи и по отношению к скандхам (тиб. *phung po la brten nas gdags pa*).

Туган отмечает, что все буддийские школы признают личность условно существующей в связи и по отношению к скандхам – пятирице скандх, «только сознанию», потоку скандх, мановиджняне или алая-виджняне. Однако при этом у полагающих подобное философов обнаруживается тенденция идентифицировать личность с тем, по отношению к чему она признается. То есть думают, что личность – это мановиджняна, или алая-виджняна и проч. Поэтому прасангики делают вывод, что идея условного существования личности не уяснена последователями тех школ с приемлемой полнотой и четкостью [16, с. 35]. Вследствие этого прасангики уточняют: скандхи – это «основа признания» личности, то, в связи с чем и по отношению к чему она признается, а личность – дхарма, признаваемая в связи и по отношению к нему. Такую дхарму они обозначают термином «именно (только) Я» (*nga tsam*), где слово «именно» (тиб. *tsam*), отмечает Чжамьян Шепа, добавляется для того, чтобы отличить его от «Я» (*bdag*), которое полагается таким же отсутствующим, как рога у зайца [11, л. 308Б]. Хотя подобная личность и существует, но не благодаря собственным сущности, признаку и бытию. Сторонники же других школ считают понимаемую таким образом личность просто отсутствующей, а самих прасангиков «впавшими в крайность прерывности» [9, с. 39, 41; II].

Хотя прасангики и полагают, что все буддийские школы по сути признают «Я» – как носителя кармы и проч. – существующим условно в плане относительной истины, но обычно считают

«признание в связи и по отношению к скандхам» чисто прасангиковским определением личности. Ведь в связи и по отношению к скандхам, отмечает Буддхапалита, признается то, что не имеет сущности, не существует благодаря сущности. Сами скандхи тоже не имеют сущности, ибо возникают от своих причин и условий, которые аналогичным образом лишены сущности, появляясь от собственных причин и условий [III]. Фактически все рассматриваемые вещи обладают зависимостью в той или иной форме, поэтому должны быть лишены собственной сущности, а значит, и признаваемыми существующими условно – в связи и по отношению к своим частям, причинам и проч.

По самой своей сути идея «признания в связи и по отношению» состоит в том, что вещи не описываются как существующие или несуществующие. Если бы личность существовала, то она имела бы место и помимо скандх. Но подобная личность просто невообразима и невоспринимаема. «Признаваемое в связи и по отношению» не является и несуществующим, поскольку, например, заячьи рога отсутствуют, а о лесе, признаваемом в связи и по отношению к деревьям, такого сказать нельзя. С точки зрения абсолютной истины личность и другие вещи не существуют, ибо лишены сущности и проч. А в плане истины относительной они имеют место, так как устанавливаются верным признанием «в связи и по отношению». Прасангики считают подлинной только абсолютную истину, а относительная, по их мнению, это та же абсолютная (истина здесь берется в онтологическом плане – как некая существующая данность), но рассматриваемая при неизученности и неисследованности (*ma brtags ma dpyad*) сущего в абсолютном – высшем смысле [8, л. 264Б–267А]. Поэтому они условно принимают относительную истину как имеющую место для обыденного сознания мирского существа, восприятие

которого обусловлено неведением, признающим истинность наличия, и, в известной мере, для ума очистившегося от клеш святого, чье восприятие вне периода пребывания в самахите находится под влиянием «следа» (васаны), остановившегося в сознании после устранения указанного вида неведения.

В изложенном выше нашла свое отражение двоякая трактовка прасангиками фундаментального для буддийского философствования принципа срединности (тиб. *dbu ma nyid*), который в форме отрицания (тиб. *dgag phyogs nas*) предстает в формулировке «и А не является, и Б не является» (где А и Б – прямо несовместимые дхармы, например, существующее – несуществующее), а в форме утверждения (тиб. *sgrub phyogs nas*) – в виде принципа недвойственности (тиб. *gnyis med*) «и А является, и Б является». Первое позволяет выйти за пределы относительного в сферу абсолютного, а второе – заниматься философствованием, создавая концепции, которые адекватно описывают сущее и могут служить опорой для ориентации в этом мире. Каким же предстает личность с точки зрения принципа недвойственности?

В связи с рассмотрением проблемы определения вещей в терминах «существующее – несуществующее» прасангики проводят разграничение между понятиями «существующее» и «существующее благодаря собственному бытию», «несуществующее» и «не существующее благодаря собственному бытию». Так, заячьи рога являются несуществующими вообще, миражное озеро – не существующим благодаря собственному бытию в качестве озера, но существующим как мираж; обычное озеро – существует в качестве озера, но не существует благодаря собственному бытию; абсолютное – просто существует, но в условном смысле считается существующим благодаря собственному бытию [9, л. 57, 60; IV]. Из сказанного следует, что в данном контексте понятия «существующего»,

«существующего условно» и «имеющего место в связи и по отношению» являются равнозначными. С этой точки зрения личность определяется как существующая в качестве личности, но не благодаря собственному бытию.

При этом имеющееся у личности существование оказывается срединным между подлинным существованием и полным несуществованием. Подобное существование, по мнению Чжамьян Шепы, наиболее точно описывается формулой «(подобное) простому имени существующее условно» (тиб. *ming rkyang btags yod*). Когда в полумраке свернутая кольцом пестрая веревка воспринимается как змея, то эта «змея» оценивается как отсутствующая «со своей стороны» (на месте веревки). Поэтому такую «змею» можно охарактеризовать как «простое имя», а ее существование приемлемо рассматривать в качестве чисто номинального – «полагаемого признаваемым только в силу именованного именем» (тиб. *ming gi tha snyad pas btags tsam bzhang*). Поскольку на месте веревки нет никакой змеи, но у субъекта есть восприятие змеи, то очевидно, что подобное восприятие должно быть отнесено к категории концептуального (тиб. *'dzin rtog*) и квалифицировано как вызванное задействованием представления о змее. Поэтому существование данной «змеи» приемлемо рассматривать в качестве «полагаемого только в силу концептуального признавания» (тиб. *rtog pas btags tsam bzhang*). Прасангики все вещи полагают отсутствующими «со своей стороны», поэтому признают их «простыми именами» и проч. Однако обычные вещи, отмечает Кедруб Чже, имеют принципиальное отличие от «змеи»: их существование не опровергается эмпирическим верным познанием (праманой) [V], а в случае со «змеей» можно подойти поближе, осветить объект и убедиться, что это только веревка. То, что не опровергается верным познанием, называют достоверным. Достоверная же вещь полагается суще-

ствующей и способной выполнять функцию. Но при этом эмпирическое верное познание устанавливает соответствие явления вещи не самой вещи как таковой (ибо ее нет со своей стороны), а некой «основе явления» вещи (тиб. snang gzhi). Поэтому существование вещей определяется как условное и имеющее место только в плане относительном (тиб. kun rdzob tu, tha snyod du). Подобный подход трактуется как срединный – избегающий крайностей существования и несуществования [11, л. 200А; 15, л. 92А].

Итак, личность – это существующая условно дхарма, полагаемая «простым именем» и проч. В качестве существующего ее относят к категории элементов – «соединителей», не связанных с сознанием (санскр. випраюкта-санскара) [1, с. 151], ибо она устанавливается эмпирическим верным познанием, способна выполнять определенные функции, не обладает сама по себе признаками материального или психического и может иметь место в ситуации отсутствия сознания и психических элементов (в трансе «самыхита»). В качестве же существующего условно она квалифицируется как признаваемая в связи и по отношению к скандхам, что и определяет ее основные особенности.

В Сутре «Царь самадхи» сказано:

«Двое, именуемые существованием и несуществованием, – крайности.

Чистое и нечистое – это тоже крайности.

Поэтому мудрец, отвергнув крайности двух,

Совершенно не пребывает и в середине»
[12, л. 3Б].

Здесь имеется в виду то, что «срединность» и «не-срединность» тоже полагаются крайностями, «впадения» в которые должен избегать каждый желающий уяснить истинное положение дел. В соответствии с данным положением прасангики, устанавливаясь в срединности, стараются пребывать в ней «по способу непребывания» (тиб. mi gnas kyī tshul gyis gnas pa). Это в значительной

степени определяет тот специфический стиль философствования, который они демонстрируют, в частности, при установлении основных специфических особенностей личности.

Скандхи, как уже было сказано, служат «основой признавания» личности – тем, в связи с чем и по отношению к чему она признается. При этом личность трактуется как не являющаяся ни скандхами, ни чем-то иным, нежели скандхи. В соответствии с этим «способы явления» (тиб. snang tshul) личности и скандх полагаются совпадающими. Это означает, что скандхи и «Я» являются как нераздельные – подобно воде, влитой в воду, или смешанным вместе воде и молоку. Если бы Я являлось отдельно от скандх, то его можно было бы охарактеризовать как отличное от них, иное, нежели скандхи. Кроме того, тогда оно осознавалось бы и признавалось бы независимо от них. А это противоречит установленным характеристикам личности (не является иным, нежели скандхи, признается в связи и по отношению к ним) [11, л. 168].

Поскольку «Я» при явлении нераздельно со скандхами, то когда, например, сознание познает нечто, это означает, что познает личность. С этой точки зрения личность определяется как ощущающая, познающая, совершающая деяния, накапливающая карму, «вкушающая» кармические плоды. Прасангики избегают в данном случае оценивания отношения между личностью и скандхами посредством тех или иных видов категорий тождества и различия, ибо это может способствовать «застреванию» в срединности при рассмотрении такого важного вопроса, каковым является проблема личности, при решении которой даже малейшая ошибка чревата, как они полагают, серьезными последствиями. Однако анализ аналогичных прасангикических разработок других предметов приводит к мысли, что здесь речь идет о тождестве по сущности и отличии по «обратно тождественному».

Дхармы А и Б называются тождественными по сущности при выполнении следующего условия: если нечто является А, то с необходимостью является Б, и наоборот. В качестве «нечто» здесь может выступать дхарма – «общая основа» (тиб. *mtshun gzhi*) скандх и личности, которая и скандхами является, и личностью является. В качестве такой «основы» может выступать поток индивидуального существования. Действительно, он и потоком скандх является, и потоком личности является. Хотя прасангики, как уже было указано выше, и отвергают существование потока, но это отрицание, очевидно, относится только к его наличию благодаря сущности и проч., ибо они постоянно пользуются этим понятием, что свидетельствует о признании ими условного существования дхармы «поток» в относительном плане. Итак, поскольку подобный поток и скандхами является, и личностью является, то он служит той «сущностью», которая будет общей для них. С точки зрения этой сущности скандхи и личность оказываются тождественными.

Обратным (тиб. *log pa*) дхарме А буддийские философы называют то, что не является дхармой А. Например, стол, стул, столб и проч. будут обратными дхарме «кувшин». «Обратно тождественное» (санскр. *nivṛtti*; тиб. *ldog pa*) дхарме А – это обратное обратному дхарме А, то есть не являющееся не являющимся дхармой А. Так, представление о кувшине оценивается и воспринимается сознанием как не являющееся не являющимся кувшином. Сам кувшин тоже оказывается не являющимся не являющимся кувшином. Поэтому кувшин и представление о нем совпадают в том, что одинаково характеризуются как не являющиеся не являющимися кувшином, то есть как «обратно тождественные» кувшину [VI]. Скандхи – «основа признавания» личности, а личность – дхарма, признаваемая в связи и по отношению к ним. Таким образом, это две разные дхармы,

поэтому скандхи относятся к категории «обратное личности», а личность – к категории «обратное скандхам». При этом личность как обратное скандхам не может быть обратным обратному скандхам, а скандхи – обратным обратному личности. Поэтому их следует охарактеризовать как отличные по параметру «обратной тождественности».

Вследствие тождества по сущности личность всегда является в качестве нераздельной со скандхами и воспринимается (осознается) в связи с ними. В силу же различия по «обратно тождественному» он не совпадает со скандхами. При этом в результате тождества личность может рассматриваться как наделенная признаками скандх, а благодаря различию будет позволительным трактовать ее в качестве обладающей своими собственными признаками, отличными от имеющихся у скандх. Изложенное делает более понятным последующий анализ личности прасангиками.

Цонкапа пишет в «Море доказательств» (тиб. *rigs pa'i rgya mtsho*) – своем комментарии на «Основы мадхьямики» («Праджнямула») Нагарджуны: «Поэтому два – человек, употребляющий наименование, [думая:] «Я», и предмет, к которому относится [этот] термин, – не признаются равнозначными, признается, что тот человек является одной частью (тиб. *cha gcig*) того «Я» ... «Я» каждого существа [одного] потока – виды (тиб. *bye brag*) прежнего [Я]» [12, л. 169А].

Когда мы говорим, поясняет Чжамьян Шепа, например, о любимом ученике и родственнике Будды Ананде, который в той жизни был человеком, принадлежал к роду шакьев и варне кшатриев, а затем стал монахом и обрел положение святого срота-апаны, то очевидно, что он думал (и говорил) о себе: «Я человек. Я шакья. Я кшатрий. Я монах. Я срота-апана...». При этом оказывается, что имеется много «Я», относящихся к потоку той жизни Ананды. Это представляется возможным потому, что личность

признается в связи и по отношению к скандхам. Так, если личность осознает себя в связи с внутренней скандхой материального (своим телом), то определяет себя как человека. Когда он осознает себя в связи с целостной скандхой материального (включающей и внешние объекты) в плане родоплеменных отношений и общественного статуса, то определяет себя как шакью и кшатрия. А если сознает себя в связи с умом, то определяет себя как монаха и святого сротапану. Поскольку личность не является отличным от скандх, то может быть человеком, шакьей и проч. Но так как она не является тождественным скандхам, то будет оставаться одной и той же личностью. Подобная личность должна быть охарактеризована как «обладатель частей» – отдельных «Я» («Я» как человек, «Я» как шакья и проч.). Отношение между этими частями, по мнению Чжамьян Шепы, следует квалифицировать как тождество по сущности и различие по «обратно тождественному» [12, л. 167А]. Данную личность можно определить как дхарму «общая основа» всех этих частей, или видов, «Я».

Аналогичным образом рассматривается и личность в разных своих воплощениях. Полагают, что у личности имеется один поток существования. Когда же она последовательно рождается животным, человеком, богом и проч., то опять-таки мы имеем дело с разными частями, или видами, личности. Сама личность как таковая называется имеющей место с безначальности, а все эти ее части и виды – частными (тиб. *phyogs re ba*) личностями [Там же, л. 189А; VII]. При этом, раз личность не является отличной от скандх, приемлемо обладание ею признаками скандх (красивый, умный и проч.), рождение, пребывание и уничтожение. Если бы «Я» было отличным от изменчивых скандх, то оказалось бы чем-то неизменным, постоянным. И тогда все начинания, предпринимаемые ради обретения освобождения и проч., были бы

бессмысленными, ибо постоянное не может измениться, стать иным [11, л. 433]. Отсутствие отличия от скандх делает приемлемыми и такие утверждения: «Я сижу. Я иду. Я думаю. Я ощущаю...». А отрицание тождества со скандхами позволяет говорить об одной и той же перевоплощающейся личности и утверждать: «Мое тело. Мой ум ...».

Сознание, по мнению прасангикиков, может служить только второстепенным, преходящим (тиб. *gnas skabs pa*) и дублирующим носителем кармы, клеш и проч., ибо оно отсутствует в трансовом состоянии «самахита». Личность же наличествует и в этом состоянии в качестве признаваемой в связи и по отношению к мудрости, непосредственно ведающей абсолютное. Поэтому именно ее и следует признать главным носителем кармы, клеш и проч. Будет она иметь место и на уровне Будды в качестве признаваемого в связи и по отношению к трем Телам Будды – Дхармакае, Самбхогакае и Нирманакае и пяти совершенно чистым скандхам (нравственности, самадхи, праджни, полного освобождения, видения мудрости полного освобождения).

Махаянские философы полагают, что у каждого Будды имеется одна Самбхогакая, пребывающая на небесах Акаништха, и множество Нирманакай, явленных в низших («нечистых») мирах. При этом Самбхогакая и каждая из Нирманакай наделены своей собственной мудростью всеведения и проч., т. е. предстают и могут рассматриваться в качестве совершенно отдельных и самостоятельных личностей. В рамках концепции «Я» как постоянного, единичного и самостоятельного или идеи «Я» как независимой и существующей субстанционально личности подобные феномены представляются неприемлемыми, ибо один-единственный субъект, независимый от скандх, никоим образом не может оказаться несколькими личностями одновременно. В соответствии же с прасангикиковским подходом, каждый

из таких субъектов является личностью, признаваемой в связи и по отношению к своей собственной совокупности скандх. Поскольку «Я» не описывается как иное, нежели скандхи, то можно говорить об особой личности в каждом таком случае. Но поскольку «Я» не представляется и тождественной этим скандхам, то вполне допустимо наличие личности, общей для всех этих частных личностей, имеющих место одновременно.

Таким образом, действительное положение дел, по мнению буддийских философов, не сводится к формуле: только одна совокупность скандх – только одна личность (одновременно). Хотя в описанном случае имеется множество совокупностей скандх и множество соответствующих им личностей, одновременно с этим наличествует и некий сборный субъект, объединяющий их всех. С другой стороны, указывается случай, когда одна и та же личность предстает одновременно в связи с разными совокупностями скандх в одном и том же месте. Так, в Сутре «Тайны Тела Татхагаты» говорится, что Будда предстал перед окружающими его существами поразному: его внешний облик, размеры, положение тела и образ действий (сидит, стоит, ходит, проповедует, медитирует и проч.) определялись тем, каким именно они ожидали его увидеть, их признаваниями-представлениями о Будде, каким он, по их мнению, должен быть [VIII]. Итак, хотя личность и признается в связи и по отношению к скандхам, однако то, что она не определяется как тождественная или отличная от них, делает вполне приемлемыми два описанных случая.

В связи с изложенным возникает вопрос: почему неверное понимание личностью самой себя приводит к возникновению клеш, а правильное осмысление своего «Я» имеет результатом прекращение функционирования всех клеш?

Буддисты выделяют невежество, страсть и гнев (тиб. *gti mug 'dod chags zhe sdang*) в качестве ядра блока клеш

и называют их тремя ядами (тиб. *dug gsum*). При этом страсть и гнев (а также и все другие клешы), отмечает Цонкапа, имеют тот же объект, что и невежество, но отличаются способом его восприятия. Невежество воспринимает объект как имеющий место истинно, а страсть и гнев – как приятный и неприятный. Если бы объект не воспринимался как имеющий место истинно, то в отношении него не могли бы возникнуть страсть, гнев и другие клешы. Например, молодой человек видит во сне красивую женщину и испытывает к ней сильную страсть. Однако, как только он проснется и осознает, что красавица – только сон, не имеет места истинно, вся его страсть мгновенно «испаряется». Поэтому «все другие клешы «входят», опираясь на невежество, «входят» нераздельно с ним» [17, л. 106А], а в результате уничтожения невежества они исчезнут.

Сюда следует добавить, что необходимым условием возникновения клеш служит и восприятие личностью самой себя в качестве имеющей место истинно. Ведь если я не имею места «со своей стороны», то не имеет никакого смысла гневаться на причинившего «мне» вред, гордиться «собой» и проч. При этом прасангики полагают, что признание истинности наличия дхармы служит неперемным условием признания истинности наличия личности [XIX]. Так, Нагарджуна утверждает в «Ратна авали»:

Пока имеется принятие скандх [за имеющие место истинно],

[Будет] иметься в связи с ними и признание «Я» [личности как имеющей место истинно].

Если же имеется [такое] признание Я, то [возникает] деяние (и карма).

От деяния – рождение [13, л. 32].

Поэтому два признания «Я» – в отношении дхармы и личности – прасангики объединяют в один вид неведения (благо, это позволяет наличие у них одинакового «способа признавания»), которое

и называют корнем сансары – первым из двенадцати членов зависимого возникновения [18; X].

Если личность осознает себя в качестве отсутствующей «со своей стороны» – подобным «лишь простому имени», то как же при этом она оказывается способна совершать действия, признавать себя носителем кармы и проч.? Но личность в действительности является не только «лишь простым именем», но и существующим условно, которое не будет полностью отсутствовать, и в качестве такового может быть действующей, носителем кармы и др. Так, например, колесница – «только имя», но она еще и существующее условно в качестве признаваемого в связи и по отношению к ее частям. Такая колесница вполне может быть «носителем» людей и грузов. Хотя созданное человеком устройство (например, мельница) является «только именем», оно будет еще и существующим условно, и в качестве такового может действовать определенным образом (молоть зерно). Аналогично и личность: хотя она является «лишь простым именем», но в качестве существующего условно может действовать, быть носителем кармы и проч.

Правильно воспринимать себя личность оказывается способна только по избавлении от клеши неведения. А пока этого не произошло, прасангики рекомендуют стараться удерживать в обыденной жизни представление о себе как об «имени», способном функциониро-

вать, не занимаясь при этом детальным анализом сути проблемы, ибо это делает неэффективной практику задействия подобного представления [15, л. 91Б–92А].

Описанный подход к пониманию личности соответствует, по мнению прасангики, фундаментальному буддийскому принципу срединности, в соответствии с которым личность рассматривается в качестве не являющегося ни существующим, ни несуществующим. Поскольку не является существующим, то не порождает клеши. А поскольку не является несуществующим, то может действовать и проч. Подобный субъект может быть охарактеризован срединно и в другом отношении: фактически он оказывается не являющимся ни «Я», ни «не-Я». Это соответствует следующим словам из «Главы (тиб. *le'u*) Кашьяпа»: «Кашьяпа, «Я» – одна крайность, «не-Я» (или «отсутствие Я») – другая крайность. То, что является серединой двух этих, неуловимо, неопределимо...» [11, л. 195А].

Таким образом, в школе Гелук было выработано собственное понимание того, что такое «личность». Оно существенно отличалось как от интерпретаций этого понятия в школах индийского буддизма [5], так и тибетского, и базировалось на гелукпинской интерпретации учения мадхьямака-прасангики, легшей в основу всей сотериологической системы этой школы.

Примечания

I. Анализ проблем личности в учении махаянского буддизма см. также в: [7].

II. Крайность «прерывности» (*chad*) обычно рассматривается в паре с крайностью постоянства. Проповеданный Буддой «средний взгляд» характеризуется как единственно верный и «лишенный впадения в крайности». Под «прерывностью» обычно понимается отрицание посмертного существования индивида, а под «постоянством» – признание бессмертия души и проч.

III. В других школах, отмечает Кедруб Чже, «основа признавания» индивида считается существующей субстанционально. Это возможно, ибо, по мнению ватсипутриев, например, призываемая дхарма – кувшин – существует условно, а его «основа признавания» – атомы

– существуют субстанционально [15, л. 104Б, 119Б]. Это также является необходимым, ибо существующее условно предполагает существующее субстанционально – то, в связи с чем оно признается. Прасангики отрицают это, ибо не обнаруживают ничего существующего субстанционально, независимо [10, с. 224–226].

IV. С точки зрения принципа срединности абсолютное характеризуется как не являющееся ни отсутствующим, ни имеющим место истинно, а в плане принципа недвойственности оно оценивается как являющееся и не являющееся имеющим место истинно, или, иначе, как обладающее собственным бытием, которое не имеет места благодаря собственному бытию.

V. Прасангики выделяют два вида познания: 1) имеющее место при проведении строгого исследования в плане абсолютной истины, или конечном (mthar thug pa), которое ставит своей целью обнаружение существующего истинно, и 2) эмпирическое познание (thasnyad pa'i tshad ma), имеющее место при проведении строгого исследования в плане истины относительной. Так, например, при эмпирическом познании устанавливается, что благие деяния могут кармически породить приятное, а неблагие – неприятное. Конечно же исследование обнаруживает отсутствие истинности наличия у дхармы «рождения» [18, л. 42Б]. Достоверное (tshad mas grub, букв. «доказанное верным познанием», «имеющее место в силу [доказанности] верным познанием») – то, что не опровергается двумя этими видами познания. Так, например, зависимое возникновение вещей является достоверным, ибо, с одной стороны, не опровергается эмпирическим исследованием, устанавливающим причинное возникновение вещей, а с другой – не опровергается конечным исследованием (концептуальным и непосредственным), обнаруживающим отсутствие наличия истинности у вещей, что, в принципе, совместимо с их зависимым возникновением и даже служит необходимым условием этого (так как существующее истинно не зависит от другого и не возникает причинно) [4].

VI. Подробнее о категории «обратно тождественное» см. в: [2].

VII. Когда индивид, вспоминая себя в этой и прошлых жизнях, думает «Я», не выделяя каких-то особенностей, то это будет «просто Я» (nga tsam). А когда он при этом выделяет особенности (Я – бог, Я – человек, Я – кшатрий ...), то это будут частичные Я [11, л. 416Б–417А].

VIII. Кедруб Чже отмечает, что, согласно ряду текстов, Будда Шакьямуни одновременно являл обретение Нирваны, проповедь своего учения и прочее в миллиарде стандартных «четырёхматериковых областей мира», у которых синхронизированы фазы появления, пребывания, уничтожения и отсутствия [6, с. 12].

XIX. Прасангики считают, что когда индивид благодаря рождению получает скандхи, которые являются как имеющие место истинно, то это провоцирует восприятие им самого себя как имеющего место «со своей стороны». А когда скандхи – «основа признания» индивида – осознаются как не имеющие места истинно, то оказывается эфемерным и признаваемый в связи с ним индивид. Анатму дхармы, по мнению прасангиков, легче понять, чем анатму индивида. Однако реализовать непосредственное постижение анатмы легче в отношении индивида.

X. Подробнее о неведении и его функции см. в: [3].

Литература

1. Дзунба Кунчог Жигме Ванбо. Драгоценное ожерелье учений философских школ / пер. с тиб. – Улан-Удэ, 1998.
2. Донец А. М. Базовая система дхармических категорий буддийских философов Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 198 с.
3. Донец А. М. Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.
4. Донец А. М. Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.

5. Донец А. М., Нестеркин С. П. Учение о личности в тибетской схоластике // Вестник БНЦ СО РАН. – 2011. – №1. – С. 71–80.
6. Кедруб Чже. Основы буддийской тантры / пер. с тиб. и англ. – Шечен, 2000.
7. Нестеркин С. П. Личность в буддизме махаяны. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
8. dBu ma rtsa ba'i 'grel ba Buddhapālita (Комментарий Буддхапалиты на «Основы мадхьямики» Нагарджуны) – Ксил., 128 л. // The Asian Classics ... – # TD 3842.
9. dGe 'dun bstan dar. dBu ma la 'jug pa spyi don ... (Гедун Тендар. Общее исследование «Введения в мадхьямику» Чандракирти). – Ксил., 162 л. // The Asian Classics ... – # S 0021. – л. 57, 60.
10. Candrakīrti. Madhyamakāvatāra bhāṣiya nāma. – Bibliotheca Buddhica, IX. St.-Petersburg, 1912.
11. 'Jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje. dBu ma la 'jug pa'i mtha' dpyod ... (Чжамьян Шепа. Подробное исследование «Введения в мадхьямику»). – Ксил., 442 л.
12. 'Jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje. Grul mtha'i rnam bshad ... las thal rang gi skabs (Чжамьян Шепа. Воззрения философских школ. Раздел «Сватантрика и прасангика»). – Ксил., 240 л.
13. 'Jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje. rTen 'brel gyi mtha' dpyod ... (Чжамьян Шепа. Подробное исследование зависимого возникновения). – Ксил., 58 л.
14. Klu sgrub. dBu ma rtsa ba'i tshig le'ur byas pa shes rab ces bya ba bzhugs so (Нагарджуна. «Празжня». – Основы мадхьямики). – Ксил., 70 л.
15. mKhas grub rje. Zab mo stong pa nyid gyi de kho na nyid rab tu gsal bar byed pa'i bstan bcos skal bzang mig 'byed ces bya ba bzhugs so (Кедруб Чже. «Открывающий глаза счастливых». – Трактат, полностью разъясняющий истинную суть глубокой пустотности). – Ксил., 247 л.
16. Thuu bkvan. Grub mtha' bzhugs so (Туган. Религиозные системы). – 'Bras spungs blo gsal gling dhe mdzod khang, 1992.
17. Tsong kha pa. dBu ma la 'jug pa'i rnam bshad ... (Цонкапа. Комментарий на «Введение в мадхьямику» Чандракирти). – Ксил., 267 л. // The Asian Classics ... # 5408.
18. Tsong kha pa. Drang dang nges pa'i don rnam par 'byed pa ... (Цонкапа. Герменевтика). – Ксил., 114 л. // The Asian Classics ... # S 5396.

УДК 811.512.1+811.512.3

В. И. Рассадин

**О СООТНОШЕНИИ ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОСТАВЕ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ**

В данной статье проведен сравнительный анализ систем аффиксального словообразования старомонгольского и древнетюркского языков по всем грамматическим категориям знаменательных частей речи, где обнаружено в основном наличие типологического сходства.

Ключевые слова: сравнительный анализ, система аффиксального словообразования, старомонгольский язык, древнетюркский язык, типологическое сходство.

V. I. Rassadin

**ON THE CORRELATION OF TURKIC AND MONGOLIAN
WORD FORMATION ELEMENTS
WITHIN THE TURKO-MONGOLIAN LINGUISTIC UNITY**

The paper presents a comparative analysis of the derivational systems of the Old Mongolian and Ancient Turkic languages through all the categories of the notional words (nouns, adjectives, numerals, adverbs, verbs and proverbs), showing a mostly typological similarity.

Key words: comparative analysis, derivational system, Old Mongolian, Ancient Turkic, typological similarity.

Тюркские и монгольские языки, как известно, вместе с тунгусо-маньчжурскими давно уже считаются родственными и объединяются в одну так называемую группу «алтайских языков», названных так потому, что их формирование происходило якобы в обширной географической зоне Алтая. К этим языкам впоследствии стали причислять корейский и японский [11, с. 15].

В самом же алтайском языкознании, которое оформилось как самостоятельная отрасль общего сравнительно-исторического языкознания на подлинно научной основе лишь в XIX в. [4, с. 92], вопросы лексикостатики почти не разрабатаны, поэтому в исследованиях алтаистов не освещается хронология существования алтайской языковой общности и времени ее распада.

В алтаистических работах нет также единства взглядов на процесс распада алтайской общности. Так, Б. Я. Владимирцов [2, с. 47] считал, что протоалтайский язык сначала разделился на две ветви: на тюрко-монгольский язык-основу и на тунгусо-маньчжурский праязык. От тюрко-монгольского праязыка впоследствии образовались тюркский и монгольский языки-основы. Такого же мнения придерживался и Н. А. Баскаков [1; прил. 2].

Г. И. Рамstedт [11, с. 15] выделяет из алтайской языковой общности тунгусо-маньчжуро-монгольский праязык отдельно от тюркского и включает в число алтайских также и корейский язык.

Вслед за Г. И. Рамstedтом Н. Н. Поппе [10, с. 8] тоже делит алтайский язык-основу на две ветви: 1) на тюрко-мон-

голо-тунгусо-маньчжурскую языковую общность, которая впоследствии разделилась на прототюркский язык и монголо-тунгусо-маньчжурскую языковую общность; 2) на древнекорейский язык, из которого изолированно развился современный корейский язык. Древнекорейский язык первым выделился из алтайской языковой общности. Из монголо-тунгусо-маньчжурской языковой общности впоследствии через протомонгольский и прототунгусо-маньчжурский языки развились отдельно монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Как можно видеть, схемы распада алтайской языковой общности, предложенные Г. И. Рамstedтом и Н. Н. Поппе, принципиально отличаются от схем Б. Я. Владимирцова и Н. А. Баскакова, точку зрения которых разделял, кстати, и Г. Д. Санжеев [6]. Последние возводят тюркские и монгольские языки к одному тюрко-монгольскому праязыку. Это положение было принято в советской алтаистике, что стимулировало в свое время развитие, особенно в исторической тюркологии, специального направления исследований под названием «тюрко-монгольское языкознание», при этом активно велись поиски тюрко-монгольского праязыка. Вера в тюрко-монгольскую языковую генетическую общность базировалась на наличии очень большого количества лексических соответствий, особенно среди алтайских языков.

К совершенно иному пониманию процесса и результата развития алтайских языков пришел крупнейший алтаист XX в. В. Л. Котвич. В своей работе, обобщающей его алтаистические исследования, он пришел к выводу о том, что алтайские языки развивались в условиях взаимных контактов, вырабатывая типологически общие черты своего грамматического строя и взаимообогащаясь лексическими элементами [3, с. 352].

Поскольку тюркские и монгольские этносы контактируют вот уже многие тысячи лет на ограниченной территории

Центральной Азии, в их языках, само собой разумеется, накопилось определенное количество общих элементов, причем как в лексике, так и в грамматике. Подсчет В. Л. Котвича, произведенный им в процессе изучения взаимодействия алтайских языков, показал, что между тюркскими и монгольскими языками выработалось около 50 % общих элементов в грамматике и около 25 % в лексике [3, с. 351]. Это очень большие проценты сходства, нуждающиеся в уточнении.

Для выявления соотношения исконных монгольских и заимствованных тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности в целях окончательного установления реальности существования в прошлом тюрко-монгольского праязыка в рамках заявленной в данном проекте программы было проведено сравнительное исследование монгольских и тюркских систем аффиксального словообразования в области знаменательных частей речи – существительных, прилагательных, числительных, глаголов и наречий, а также местоимений, чтобы установить здесь наличие общих и разнотных элементов в аффиксальном словообразовании. Анализ был выполнен в аспекте предварительного исследования на материале современных монгольских языков, имеющих письменную форму и литературные языки – это халха-монгольский, бурятский и калмыцкий, а из архаичных форм языка привлекался старомонгольский письменный язык, имеющий наиболее древнюю грамматическую систему. В целях введения в научный оборот новых фактических материалов исследование в ряде случаев осуществлялось на базе недавно изученного своеобразного говора конкретного монгольского языка, с которым сравнивался материал из конкретного недавно открытого и описанного нами тюркского языка. В данном случае таким конкретным монголоязычным материалом послужил нижнеудинский говор бурятского язы-

ка, а из тюркских языков – тофаларский, восходящий к древнеуйгурскому языку и хорошо сохранивший его структуру. Привлекался также дренетюркский язык и ряд современных: из огузских языков – азербайджанский, из кыпчакских – татарский, поскольку их словообразовательные системы изучены в достаточной мере. Исследование проводилось на базе комплексного использования достаточно апробированных в отечественной и мировой науке методов и приемов – описание, интерпретация, интегрирование, структурно-лингвистический, сравнительно-исторический, этимологический. Проведенное сравнительное исследование систем аффиксального словообразования монгольских и тюркских языков позволило получить следующие результаты.

В области существительных были установлены аффиксальные словообразовательные модели, при помощи которых образуются и образовывались в прошлом имена существительные от именных и от глагольных основ в монгольских и тюркских языках (в данном очерке для сравнения были привлечены словообразовательные аффиксы старомонгольского [5; 7; 9] и древнетюркского [5; 8, s. 43–167] языков как самые архаичные). При этом для монгольских языков характерно использование следующих аффиксов:

1) от именных основ – аффиксы *-či* // *-čin*, *-liγ* // *-lig*, *-tan* // *-ten*, *-bči*, *-lang* // *-leng*, *-sun* // *-sün*, *-qai* // *-kei*;

2) от глагольных основ – аффиксы *-l*, *-lta* // *-lte*, *-lγ-a* // *-lge*, *-lang* // *-leng*, *-buri* // *-büri*, *-dal* // *-del*, *-m*, *-mži*, *-mal* // *-mel*, *-maγ* // *-meg*, *-r*, *-ri*, *-ši*, *-γ* // *-g*, *-γa* // *-ge*, *-γan* // *-gen*, *-γči* // *-gči*, *-γur* // *-gür*, *-γul* // *-gül*, *-ža* // *-že*, *-ča* // *-če*, *-dasun* // *-desün*, *-γasun* // *-gesün*, *-γadasun* // *-gedesün*, *-γaqai* // *-gekei*, *-laya* // *-lege*, *-γal* // *-gel*, *-γurγa* // *-gürge*, *-mta* // *-mte*.

Для тюркских языков характерны следующие аффиксы:

1) аффиксы, присоединяемые к именным основам, – *-č*, *-čaq* // *-čäk*, *-čī* //

-či, *-χan* // *-qan* // *-kän*, *-lay* // *-läg*, *-liγ* // *-lig* // *-luγ* // *-lüg*, *-liq* // *-lik* // *-luq* // *-lük*, *-m*, *-n*, *-q* // *-k*, *-qaq* // *-käk*, *-γaq* // *-gäk*, *-tam* // *-täm* // *-dam* // *-däm*, *-taš* // *-täš* // *-daš* // *-däš*, *-tuq* // *-tük* // *-tiq* // *-tik*, *-z*;

2) аффиксы, присоединяемые к глагольным основам, – *-a* // *-ä* // *-i* // *-i* // *-u* // *-ü*, *-γ* // *-g*, *-γač* // *-gäč* // *-qač* // *-käč*, *-γaq* // *-gäk*, *-qaq* // *-käk*, *-γu* // *-gü* // *-qu* // *-kü*, *-l*, *-m*, *-ma* // *-mä*, *-maq* // *-mäk*, *-mur* // *-mür*, *-n*, *-nč*, *-q* // *-k*, *-suq* // *-sük* // *-siq* // *-sik*, *-š*, *-t*.

Сравнение этих двух систем аффиксального словообразования имен существительных показывает, что оно происходит как в монгольских, так и в тюркских языках по типологически схожим агглютинативным моделям, обнаруживая в основном типологическое сходство. Из множества аффиксальных словообразовательных моделей выявилось лишь около десятка имеющих материальное сходство. Среди них некоторые присоединяются к именным основам, это аффиксы: монг. *-či* // *-čin* – др.-тюрк. *-čī* // *-či* (образующий имя деятеля, например, монг. *žiyasuči* ‘рыбак’ < *žiyasun* ‘рыба’ – др.-тюрк. *balıqči* ‘рыбак’ < *balıq* ‘рыба’), монг. *-liγ* // *-lig* – др.-тюрк. *-liγ* // *-lig*, *-liq* // *-lik* (образующий обобщенные абстрактные имена, например, монг. *tömrülig* ‘металл’ < *tömr* ‘железо’ – др.-тюрк. *tinliγ* ‘живое существо’ < *tin* ‘душа’), монг. *-lang* // *-leng* – др.-тюрк. *-lan* // *-len* (монг. *tariyalang* ‘пашня’ < *tariyan* ‘посевы’ – др.-тюрк. *sirtlan* ‘гиена’ < *sirt* ‘щетина на загривке’), другие присоединяются к глагольным основам, это аффиксы: монг. *-l* – др.-тюрк. *-l* (монг. *bodul* ‘дума’ < *bodu* = ‘думать’ – др.-тюрк. *qisil* ‘ущелье, теснина’ < *qis* = ‘сжимать с боков’), монг. *-m* – др.-тюрк. *-m* (монг. *alqum* ‘шаг’ < *alqu* = ‘шагать’ – др.-тюрк. *alim* ‘долг’ < *al* = ‘получать’), монг. *-γ* // *-g* – др.-тюрк. *-γ* // *-g*, *-q* // *-k* (монг. *buduy* ‘краска’ < *budu* = ‘красить’ – др.-тюрк. *boduy* ‘краска’ < *bodu* = ‘красить’, монг. *körüg* ‘портрет; изображение’ – др.-тюрк. *körk* // *körük* ‘образ, изображение’ < *kör* = ‘видеть; смотреть’), монг. *-ši* – др.-тюрк. *-š* (монг. *tüleši* ‘топливо’ < *tüle* = ‘топить

печь' – др.-тюрк. *ališ* 'подати, поборы' < *al* = 'получать'), монг. *-maγ* // *-meg* – др.-тюрк. *-maq* // *-māk* (монг. *qayilumaγ* 'плавка металла' < *qayil* = 'плавиться' – др.-тюрк. *uqmaq* 'понимание' < *uq* = 'понимать'), монг. *-mal* // *-mel* – др.-тюрк. *-mīš* // *-miš* (это причастие прошедшего времени, его ламбдаирующий вариант болгарского типа звучит как **-mīl* // *-mil*; монг. *urγūmal* 'растение' < *urγu* = 'расти' – др.-тюрк. *ösmiš* 'выросший' < *ös* = 'расти').

В области прилагательных были установлены аффиксальные словообразовательные модели, при помощи которых образуются и образовывались в прошлом в монгольских и тюркских языках имена прилагательные от именных и глагольных основ, а также от наречий. При этом для монгольских языков характерно использование следующих аффиксов:

1) от именных основ – аффиксы *-liγ* // *-lig*, *-rqay* // *-rkeγ* // *-rqau* // *-rkeü*, *-tai* // *-tei*, *-tu* // *-tü*, *-güi*, *-say* // *-seg*, *-či(n)*, *šiγ*, *-du* // *-dü*, *-bki*, *-nčir*, *-ki*, *-qai* // *-kei*, *-qan* // *-ken*, *-γčin* // *-gčin*, *-msay* // *-mseg*, *-btur* // *-btür*, *-bur* // *-bür*, *-šiγ* // *-šig*, *-dayu* // *-degüi*;

2) от глагольных основ – аффиксы *-mataγai* // *-metegei*, *-maqai* // *-mekei*, *-mayai* // *-megei*, *-mal* // *-mel*, *-ngqai* // *-ngkei*, *-qai* // *-kei*, *-γai* // *-gei*, *-γar* // *-ger* // *-γur* // *-gür*, *-ngγui* // *-nggüi*, *-γu* // *-güü* // *-u* // *-ü*, *-γun* // *-gün*, *-maγ* // *-meg*, *-qulang* // *-küleṅ*, *-ng*, *-day* // *-deg*, *-γ* // *-g*, *-γa* // *-ge* // *-ya* // *-ye*, *-ši-tai* // *-ši-tei*, *-ši ügei*, *-l-tai* // *-l-tei*, *-l- ügei*.

В тюркских языках используются следующие аффиксы:

1) образующие прилагательные от именных основ, *-liγ* // *-lig* // *-luγ* // *-lüg* // *-lay* // *-läg*, *-la* // *-lä*, *-qī* // *-ki*, *-η*, *-saq* // *-sāk*, *-siz* // *-siz*, *-siγ* // *-sig*;

2) образующие прилагательные от глагольных основ, *-γ* // *-g*, *-q* // *-k*, *-čaṅ* // *-čäṅ*, *-čaq* // *-čäk*, *-γa* // *-gä*, *-γu* // *-gü* // *-qu* // *-kü*, *-l*, *-la* // *-lä*, *-ma* // *-mä*, *-nčiy* // *-nčig*, *-u* // *-ü*.

Сравнение этих двух систем аффиксального словообразования имен при-

лагательных показывает, что сходство между ними в основном типологическое, как и в системах словообразования имен существительных. Из множества аффиксальных словообразовательных моделей у прилагательных выявилось лишь полтора десятка аффиксов, имеющих материальное сходство. При этом пять из них повторяются среди сходных аффиксов, участвующих в словообразовании имен существительных. Таким образом, среди аффиксальных словообразовательных моделей, выявленных у прилагательных монгольского языка, обнаружили материальное сходство с тюркскими только десять аффиксов. Некоторые из них присоединяются к именным основам – монг. *-liγ* // *-lig* – др.-тюрк. *-liγ* // *-lig* // *-luγ* // *-lüg* // *-lay* // *-läg* (выражает обладание каким-либо предметом или признаком, монг. *bayaturliγ* 'героический' < *bayatur* 'герой' – др.-тюрк. *ataliγ* 'имеющий отца' < *ata* 'отец'), монг. *-say* // *-seg* – др.-тюрк. *-saq* // *-sāk* (выражает желание чего-либо, желание иметь что-либо, монг. *miqasay* 'любитель мяса' < *miqan* 'мясо' – др.-тюрк. *etsäk* id. < *et* 'мясо'), монг. *-šiγ* // *-šig* – тюрк. *-siγ* // *-sig* (выражает ослабленность, неполноту качества, монг. *žalqayūšiγ* 'леноватый' < *žalqayū* 'ленивый' – др.-тюрк. *qizilsiy* 'красноватый' < *qizil* 'красный'), монг. *-ki* – др.-тюрк. *-qī* // *-ki* (выражает отношение предмета или лица к месту или времени или принадлежность кому-либо, монг. *endeki* 'здешний' < *ende* 'здесь' – др.-тюрк. *qışqī* 'зимний' < *qış* 'зима'), монг. *-mal* // *-mel* – др.-тюрк. *-mīš* // *-miš* (монг. *žasamal* 'исправленный, налаженный' < *žasa* = 'исправлять, налаживать' – др.-тюрк. *jasamiš* id. < *jasa* = id.; ламбдаирующий вариант тюркского аффикса звучит как **-mīl* // *-mil*, о чем говорилось выше), монг. *-maγ* // *-meg* – др.-тюрк. *-maq* // *-māk* (монг. *žorimaγ* 'смелый, целеустремлённый' < *žori* = 'стремиться' – др.-тюрк. *jorimaqsiz* 'неподвижный' < *jori* = 'ходить, передвигаться'), монг. *-γ* // *-g* – др.-тюрк. *-q* // *-k*, *-γ* // *-k* (монг. *seyireg* 'редкий' < *seyire* = 'разрезаться' – др.-тюрк. *sedrāk* 'редкий')

< *sedrā* = ‘редеть’, монг. *ariγ* ‘чистый’ – др.-тюрк. *ariγ* ‘чистый’ < *ari* = ‘быть чистым’).

В области глагола в монгольских и тюркских языках были установлены следующие аффиксальные словообразовательные модели, с помощью которых глаголы образовывались в прошлом и образуются сейчас от именных и глагольных основ. При этом для монгольских языков характерно использование следующих аффиксов:

1) образующие глагольные основы от именных основ *-l, -la // -le, -d, -da // -de, -ta // -te, -na // -ne, -r, -ra // -re, -s, -ši, -ši, -čila, -šiya, -rqa // -rke*;

2) образующие глагольные основы от звукоподражательных и образных слов *-čigina // -čigine, -gina // -gine // -kina // -kine, -gi, -kira // -kire, -balža, -lža*;

3) образующие глагольные основы от глагольных основ *-lda // -lde, -lγa // -lge, -lča // -lče, -ta // -te // -da // -de, -γa // -ge*.

В тюркских языках используются следующие аффиксы:

1) образующие глагольные основы от именных основ *-a // -ā // -ī // -i // -u // -ü, -d, -la // -lä, -q // -k, -qar // -kär // -γar // -gär, -qa // -kä // -γa // -gä, -r, -rqa // -rkä, -sa // -sä, -sī // -si, -sira // -sirä*;

2) образующие глагольные основы от изобразительных слов *-qir // -kir // -γir // -gir, -lda // -lde*;

3) образующие глагольные основы от глагольных основ *-γsa // -gsä, -msin // -msin, -ma // -mä, -sīq // -sik // -suq // -sük, -l, -n, -γur // -gür // -qur // -kür, -r, -t, -tur // -tür, -z, -š*.

Сравнение этих двух систем глагольного аффиксального словообразования показывает, что сходство между ними в основном типологическое, как и у прочих знаменательных частей речи. Из многих аффиксальных словообразовательных моделей глаголов только шесть обнаружили материальное сходство с таковыми тюркских языков. Это пока предварительный подсчет. Среди общих глаголь-

ных словообразовательных аффиксов можно назвать следующие: монг. *-l, -la // -le* – др.-тюрк. *-la // -le* (монг. *nerele* = ‘именовать’ < *nere* ‘имя’ – др.-тюрк. *bilä* = ‘точить, острить’ < *bi* ‘лезвие’), монг. *-da // -de* – др.-тюрк. *-d* (монг. *yekede* = ‘быть слишком большим’ < *yeke* ‘большой’ – др.-тюрк. *ulyad* = // *uluyad* = ‘расти, увеличиваться’ < *uluy* ‘большой’), монг. *-r // -ra // -re* – др.-тюрк. *-r* (монг. *dulayara* = ‘теплеть’ < *dulayan* ‘теплый’ – др.-тюрк. *qarar* = ‘потемнеть’ < *qara* ‘черный, темный’), монг. *-rqa // -rke* – др.-тюрк. *-rqa // -rkä* (монг. *soyurqa* = ‘соизволить’ < кит. *tsu* ‘божественный’ – др.-тюрк. *tsuyurqa* = *id.*), монг. *-ši, -šiya // -šiye* – др.-тюрк. *-sī // -si* (монг. *alayši* = ‘стать пегим’ < *alay* ‘пегий’, *berkešiye* = ‘считать трудным’ < *berke* ‘трудный’ – др.-тюрк. *suvsī* = ‘стать водянистым’ < *suv* ‘вода’), монг. *-kira // -kire* – др.-тюрк. *-qir // -kir* (монг. *arkira* = ‘рычать’ < *ar* – звукоподражание рыку – др.-тюрк. *ajqir* = ‘кричать’ < *aj* – звукоподражание крику).

Среди монгольских и тюркских имен числительных только два могут претендовать на материально сходные корни, это монгольский корень **qo-* в составе монгольских числительных *qoyar* ‘два’ и *qorin* ‘двадцать’, которые могут быть сопоставлены с тюркским корнем **qo-* в тюркском слове *qoş* ‘пара’, а также монгольский корень **dör(r)* в составе монгольских числительных *dörben* ‘четыре’ и *döčin* ‘сорок’, совпадающий с тюркским корнем **dör-* в составе тюркского числительного *dört* ‘четыре’. Остальные числительные не совпадают: ср. монг. *nigen* ‘один’, *γurban* ‘три’, *tabun* ‘пять’, *žirγuyan* ‘шесть’, *doluyan* ‘семь’, *naγıman* ‘восемь’, *yisün* ‘девять’, *arban* ‘десять’ – древнетюркские соответственно *bir* ‘один’, *iki* ‘два’, *üč* ‘три’, *beş* ‘пять’, *altı* ‘шесть’, *yeti* ‘семь’, *sekiz* ‘восемь’, *toquz* ‘девять’, *on* ‘десять’.

Монгольские и тюркские наречия не выявили между собой материального сходства, за исключением окончания *-de* в составе монгольских местоимен-

ных наречий *ende* 'здесь' и *tende* 'там', ср. древнетюркские *munda* 'здесь' и *anda* 'там'. В основном же наблюдается типологическое сходство.

Аналогичная картина выявляется и в системах монгольских и тюркских местоимений, в составе которых обнаруживаются разряды, соответствующие всем пяти знаменательным частям речи, включая местоименные наречия и местоименные глаголы, что дает веское основание отказаться признавать монгольские местоимения именными словами, назвав их указательными словами с заместительной функцией.

Таким образом, проведенный здесь сравнительный анализ систем аффик-

сального словообразования монгольского и древнетюркского языков по всем пяти знаменательным частям речи, включая и местоимения, показал в основном их типологическое сходство и обнаружил наличие совсем незначительного количества материальных схождений, что свидетельствует о самостоятельном формировании систем аффиксального словообразования монгольских и тюркских языков. Возможно предположить, что некоторые словообразовательные модели проникли в монгольский язык с древними тюркскими лексическими заимствованиями, что требует дополнительной проработки.

Литература

1. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1962.
2. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. – Л., 1929.
3. Котвич В. Исследование по алтайским языкам / пер. с польск. – М., 1962.
4. Насилов Д. М. Об алтайской языковой общности (к постановке проблемы) // Тюркологический сборник-1974. – М.: Наука ГРВЛ, 1978.
5. Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012.
6. Санжеев Г. Д. О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // Советская тюркология. – 1973. – № 6.
7. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. – Улаанбаатар, 1986.
8. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950.
9. Orčin čay-un mongyul kele. – Qökeqota, 1984.
10. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. T. 1. Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden, 1960.
11. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Bd. I. Lautgeschichte. – Helsinki, 1957.

УДК 811.512.3

С. М. Трофимова, В. И. Рассадин

АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
ОТ ИМЕННЫХ ОСНОВ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сравнительному исследованию аффиксального отыменного словообразования прилагательных монгольских языков. Анализ базируется на материале старомонгольского, халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков.

Ключевые слова: аффиксальный способ, отыменное словообразование, старомонгольский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык.

S. M. Trofimova, V. I. Rassadin

AFFIXAL DERIVATION OF ADJECTIVES
FROM NOMINAL BASES IN THE MONGOLIAN LANGUAGES

The article presents a comparative study of denominative affixed word formation of adjectives in the Mongolian languages. The analysis is based on the old Mongolian, Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk language.

Key words: affixal way, denominative word formation, old Mongolian language, Khalkha Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language.

Прилагательные в современных монгольских языках представляют собой самостоятельную часть речи, достаточно четко отграниченную семантически и морфологически от других знаменательных частей речи – существительных, наречий, глаголов, числительных и местоимений. Они имеют собственное формообразование и словообразование, хотя и делятся внутри себя на первообразные, т. е. непроеизводные, и производные, их обычно называют относительными, образованные от других частей речи различными способами, одним из которых является аффиксальный. Здесь хотелось бы подробнее рассмотреть аффиксальный способ отыменного словообразования прилагательных в сравнительном плане, привлекая для сравнения наряду со старомонгольским языком также современные монголь-

ские языки, имеющие письменную форму, – халха-монгольский, бурятский и калмыцкий. При этом мы использовали следующие источники: по старописьменному монгольскому языку – словарь О. Ковалевского [7], монографию Л. Болда [14], грамматику монгольского языка, изданную на старомонгольском языке в 1984 г. в Хухэ-Хото [15], по халха-монгольскому языку – грамматику монгольского языка Б. Х. Тодаевой [10], монографию М. Н. Орловской [8], большой академический словарь монгольского языка [1], по бурятскому языку – монографии У.-Ж. Ш. Дондукова [5], академическую грамматику бурятского языка [2], словарь бурятского языка К. М. Черемисова [12], по говорам бурятского языка – работу В. И. Рассадина [9], по калмыцкому языку – грамматику калмыцкого языка [3], словарь калмыцкого

ТРОФИМОВА Светлана Менкеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет». E-mail: trofimovasm@mail.ru.

РАССАДИН Валентин Иванович – доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет». E-mail: rassadin17@mail.ru.

языка [6], а также обобщающую монографию С. М. Трофимовой [11].

Исходя из источников, видно, что образование относительных прилагательных при помощи специальных аффиксов наблюдается от существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Рассмотрим ниже несколько подробнее отыменное аффиксальное словообразование.

Так, от основ имен существительных в монгольских языках прилагательные образуются при помощи следующих как продуктивных, так и не очень продуктивных аффиксов [Подробнее о них см.: 2, с. 109–126; 4, с. 71–97; 8, с. 72–75; 3, с. 137–139; 8, с. 91–95; 10, с. 76–83; 14, с. 263–271; 11, с. 252–255]:

стп.-м. *-rqay/-rkeg*, *-rqau/-rkeü*, х.-монг. *-рхаг/-рхэг/-рхог/-рхөг*, *-рхуу/-рхүү*, бур. *-рхаг/-рхэг/-рхог*, *-рхуу/-рхүү*, калм. *-рхг* – образует прилагательные со значением наличия чего-либо в избытке или склонность, пристрастие к чему-либо, например: стп.-м. *üsürkeg*, *üsürkeü*, х.-монг. *үсэрхэг*, *үсэрхүү*, бур. *үхэрхүү*, калм. *үсрхг* – волосатый (< *üsü*, *үс*, *үхэн*, *үсн* – волосы на голове человека); стп.-м. *čilaγurqay*, *čilaγurqau*, х.-монг. *чулуурхаг*, *чулуурхуу*, бур. *шулуурхаг*, *шулуурхуу*, калм. *чолурхг* – каменистый (< *čilaγun*, *чулуу*, *шулуун*, *чолун* – камень);

стп.-м. *-liγ/-lig*, х.-монг. *-лаг/-лэг/-лог/-лөг/-лиг*, бур. *-лаг*, *-лиг*, калм. *-лг/-льг* – образует прилагательные со значением обилия какого-либо качества сверх меры, полноту какого-либо качества, уподобление чему-нибудь, например: стп.-м. *üsülig*, х.-монг. *үслэг*, бур. *үһэлиг* – волосатый; стп.-м. *bayaturliγ*, х.-монг. *баатарлаг*, бур. *баатарлиг*, калм. *баатрлг* – героический (< *bayatur*, *баатар*, *баатр* – герой); стп.-м. *miqaliγ*, х.-монг. *махлаг*, бур. *махалаг*, *махалиг*, калм. *махльг* – мясистый (< *miqan*, *мах*, *мяхан*, *махн* – мясо);

стп.-м. *-tu/-tü*, х.-монг. *-т*, бур. *-та/-тэ/-то*, калм. *-т* (*-тэ*) – активно образует прилагательные со значением об-

ладания чем-либо, наличия чего-либо, например: стп.-м. *časutu*, х.-монг. *цаст*, бур. *саһата*, калм. *цаст* (*цастэ*) – снежный, заснеженный (< *časun*, *цас*, *саһан*, *цасн* – снег);

стп.-м. *-tai/-tei*, х.-монг. *-тай/-тэй/-той*, калм. *-та/-тэ* – активно образует адъективы со значением обладания чем-либо, напоминая тем самым предыдущий аффикс, с которым связан генетически, например: стп.-м. *üsitei*, х.-монг. *үстэй*, бур. *үһэтэй*, калм. *үстэ* – имеющий волосы; стп.-м. *časutai*, х.-монг. *цастай*, бур. *саһатай*, калм. *цаста* – снежный, заснеженный;

прилагательные со значением отсутствия признака или качества (антипод прилагательных с аффиксами обладания *-та...*, *-тай...*) образуются при помощи присоединения к основе соответствующего имени постпозитивно аффикса отрицания – для старомонгольского языка это *-güi*, восходящий к отрицательной частице *ügei* и употребляющийся наряду с этим аффиксом, для халха-монгольского языка характерен аффикс *-гүй* < *үгүй*, для бурятского языка – аффикс *-гүй* < *угы*, для калмыцкого языка характерно параллельное употребление отрицательного аффикса *-го* и полной формы отрицания *уга*, например: стп.-м. *küčün ügei*, *küčügüi*, х.-монг. *күчгүй*, бур. *хүсэгүй*, *хүшэгүй*, калм. *күчнго*, *күчн уга* – бес- сильный (< *küčün*, *хүч*, *хүсэн*–*хүшэн*, *күчн* – сила); стп.-м. *köl ügei*, *kölgüi*, х.-монг. *хөлгүй*, бур. *хүлгүй*, калм. *көлго*, *көл уга* – безногий (< *köl*, *хөл*, *хүл*, *көл* – нога);

стп.-м. *-saγ/-seg*, х.-монг. *-саг/-сэг/-сог/-сөг*, бур. *-һаг/-һэг/-һог*, калм. *-сг* – довольно редкий аффикс, образующий прилагательные от существительных со значением «желающий иметь какой-либо предмет; любящий употреблять какой-либо предмет», например: стп.-м. *miqasaγ*, х.-монг. *махсаг*, калм. *махсг* – любящий есть мясо (< *miqan*, *мах*, *махн* – мясо); стп.-м. *čaisaγ*, х.-монг. *цайсаг*, бур. *сайһаг*, калм. *цээсг* – любящий пить чай (< *čai*, *цай*, *сай*, *цэ* – чай); здесь можно

предположить, что образование прилагательного происходит при помощи аффикса -γ, -г от глагола: стп.-м. *tiqa-sa* =, х.-монг. *махса* =, калм. *махсъ* = – любить есть мясо; стп.-м. *čaisa*, х.-монг. *цайса*, калм. *цэесе* – любить пить чай.

В халхаском языке употребляется в том же значении аффикс -суу как вариант аффикса -саг..., например, стп.-м. *tiqasayu*, х.-монг. *махсуу* – любящий есть мясо, который тоже можно интерпретировать как отглагольное словообразование при помощи аффикса стп.-м. -γи, х.-монг. -уу от того же глагола *махса* – любить есть мясо.

В монгольских языках аффикс стп.-м. -čī(n), х.-монг. -ч(ин), бур. -ша(н)/-шэ(н)/-шо(н), калм. -ч (-чъ) образует производные основы прилагательных от существительных со значением «имеющий качество, присущее тому или иному лицу или живому существу», например: стп.-м. *tiqačīn*, х.-монг. *махчин*, бур. *мяхаша(н)*, калм. *махч* – хищный, плотоядный; стп.-м. *ažilčīn*, х.-монг. *ажилчин*, бур. *ажалиша(н)*, калм. *көдлмич* – трудящийся, трудолюбивый (< *ažil*, *ажил*, *ажал*, *көдлмиш* – труд). Имена прилагательные этого типа находятся на пути превращения в существительные, например, стп.-м. *ažilčī*, х.-монг. *ажилч*, бур. *ажалиша*, калм. *көдлмич* – работник, рабочий; стп.-м. *etčī*, х.-монг. *эмч*, бур. *эмшэ*, калм. *эмч* – врач (< *et*, *эм* – лекарство);

бур. -шуу/-шүү, калм. -шң/-шг/-шиг, выступающие в виде аффиксов, в старомонгольском в виде послелого *šiy*, в халхаском тоже в виде послелого *шиг* означают уподобление качества какому-либо предмету или лицу, например: бур. *модонишуу*, калм. *модниш* – похожий на дерево, древоподобный (< *модон*, *модн* – дерево), в старомонгольском и халхаском языках здесь употребляется послеложная конструкция: стп.-м. *modun šiy*, х.-монг. *мод шиг* – похожий на дерево;

стп.-м. -du/-dū, бур. -да/-дэ/-до, х.-монг. -д, калм. -д (-дъ) – омертвелый

аффикс, с помощью которого образованы единицы слов типа стп.-м. *amidu*, х.-монг. *амьд*, бур. *амида*, калм. *эмд* – живой, одушевленный (< *amin*, *амь*, *амин*, *эмн* – жизнь), стп.-м. *doudu*, х.-монг. *доод*, бур. *доодо*, калм. *дорд* – нижний (< **dou*, **доо* – пространство внизу, внутри); стп.-м. *degedū*, х.-монг. *дээд*, бур. *дээдэ*, калм. *деед* – верхний (< **dege*, **дээ* – пространство наверху);

стп.-м. -bki, х.-монг. -вхи, бур. -бхи – непродуктивный аффикс, образовавший единицы слов со значением неполноты качества, например: стп.-м. *usubki*, х.-монг. *усавхи*, бур. *уһабхи* – водянистый (< *usun*, *ус*, *уһан* – вода); бур. *саһабхи* – немного снежный (< *саһан* – снег);

стп.-м. -nčir, х.-монг. -нцар/-нцэр, бур. -нсар/-нсэр – непродуктивный аффикс, образовавший прилагательные со значением либо «уподобление тому, что выражено в основе», либо «имеющий склонность к тому, что выражено в основе», например: стп.-м. *qubančir*, х.-монг. *хуванцар* – пластмассовый (< *хув* – янтарь); бур. *ухаансар* – умный (< *ухаан* – ум); бур. *үгэнсэр* – разговорчивый (< *үгэ* – слово);

стп.-м. -ki, х.-монг. -х/-хъ, бур. -хи, калм. -к – очень продуктивный аффикс, образующий прилагательные от форм дательного-местного и родительного падежей существительных и местоимений, а также от наречий места и времени со значением местонахождения, времени, принадлежности, например: стп.-м. *ger-tü-ki*, х.-монг. *гэртэх*, бур. *гэртэхи*, *гэр соохи*, калм. *гертк* – домашний, находящийся в доме (< *ger*, *гэр*, *геп* – дом; юрта); стп.-м. *endeki*, х.-монг. *эндэх*, бур. *эндэхи*, калм. *эндк* – здешний (< *ende*, *энд*, *эндэ*, *энд* – здесь); стп.-м. *urduki*, х.-монг. *урдахъ*, бур. *урдахи* – южный; прежний (< *urdu*, *урд*, *урда* – на юге; прежде), калм. *урдк* – прежний (< *урд* – прежде); стп.-м. *manayiki*, х.-монг. *манайхъ*, бур. *манайхи*, калм. *манахс* – наши, нашенские (< *тапи*, *манай*, *манна* – наш).

Следует отметить, что некоторые аффиксы образуют прилагательные от основ прилагательных. Среди них выделяются нижеследующие:

стп.-м. *-qai/-kei*, х.-монг. *-хай/-хэй/-хой/-хий*, бур. *-хай/-хэй/-хой*, калм. *-ха/-хэ* – образовал в монгольских языках единичные слова типа стп.-м. *тауицаи*, х.-монг., бур. *муухай* – некрасивый (< *тауи*, *муу* – плохой), калм. *налха* – широкий (< *нал* – широкий), совпадает с аналогичным уменьшительным аффиксом имен существительных, например: стп.-м. *šibaуицаи*, х.-монг. *шувуухай*, бур. *шубуухай*, калм. *шрвуха* – птичка, пташка (< *šibaуиn*, *шувуу*, *шубуун*, *шовун* – птица) [подробнее об этом аффиксе см.: 4, с. 83–84; 8, с. 86; 14, с. 78–80];

стп.-м. *-qan/-ken*, х.-монг. *-хан/-хэн/-хон/-хөн*, бур. *-хан/-хэн/-хон*, калм. *-хн* – этот аффикс лишь иногда образует новые слова, прилагательные от прилагательных, например, стп.-м. *патqan*, х.-монг. *намхан* – низкий (< *пат*, *нам* – низкий), калм. *намхн* – тихий, спокойный (< *нам* – тихий, спокойный); стп.-м. *sayiqan*, х.-монг. *сайхан*, бур. *хайхан*, калм. *сээхн* – красивый (< *sayin*, *сайн*, *хайн*, *сэн* – хороший); стп.-м. *adaliqan*, х.-монг. *адилхан*, калм. *эдлхн* – подобный, похожий (< *adali*, *адил*, *эдл* – подобный, похожий); в основном же этот аффикс является формообразующим и создает диминутивы с уменьшительно-ласкательным значением, лишь иногда придает оттенок преувеличения признака [4, с. 84], однако в нижеудинском говоре бурятского языка данный аффикс, будучи присоединенным к основам прилагательных, не придает им ни уменьшительности, ни ласкательности, а как бы входит в состав основы, которая при этом сохраняет свое обычное значение, присущее первичным основам без этого *-кан...*, из материалов В. И. Рассадина по данному говору видно, что в нем эти основы употребляются преимущественно с данным аффиксом и почти не встречаются без него, например: бур.НУ *арюукан* – чистый – лит.-бур. *арюун* – id.; *залакан*

– прямой – лит.-бур. *залан* – id.; *намтаркан* – низкий – лит.-бур. *намтар* – id.; *окоркон* – короткий – лит.-бур. *охор* – id.; *нимэкэн* – тонкий – лит.-бур. *нимгэн* – id.; *тэкиэкэн* – плоский; ровный – лит.-бур. *тэгшэ* – id.; *бэлээкэн-бүлээкэн* – теплый – о жидкости – лит.-бур. *бүлээн* – id. и т. п. [9, с. 73–74]; здесь функция *-хан...* аналогична функции *-хай...* в случае со словом *муухай* – некрасивый < *муу* – плохой;

стп.-м. *-rqay/-rkeg*, *-rqau/-rkei*, х.-монг. *-рхаг/-рхэг/-рхог/-рхөг*, *-рхуу/-рхүү*, бур. *-рхаг/-рхэг/-рхог*, *-рхуу/-рхүү*, калм. *-рхг* – образует прилагательные от прилагательных со значением склонности, расположенности к какому-либо качеству, например: стп.-м. *yekerkeg*, *yekerkei*, х.-монг. *ихэрхэг*, *ихэрхүү*, бур. *ехэрхэг*, *ехэрхүү*, калм. *икрхг* – важный, надменный (< *yeke*, *их*, *ехэ*, *ик* – большой); стп.-м. *sayirqay*, х.-монг. *сайрхаг*, бур. *хайрхуу*, калм. *сээрхг* – высокомерный, надменный (< *sayin*, *сайн*, *хайн*, *сэн* – хороший);

стп.-м. *-γčin/-gčin*, х.-монг. *-гч(ин)*, бур. *-гша(н)/-гшэ(н)/-гшо(н)*, калм. *-гч(н)* – от названий цвета, масти животных образует названия масти самок этих животных, например: стп.-м. *boruγčin*, х.-монг. *борогч*, бур. *борогшо*, калм. *боргч* – серая (напр. *кобылица*); стп.-м. *bori*, х.-монг. *бор*, бур. *боро*, калм. *бор* – серый (напр. *жеребец*); стп.-м. *ulayayčin*, х.-монг. *улагч*, бур. *улаагша*, калм. *улагч* – рыжая (напр. *корова*); стп.-м. *ulayan*, х.-монг. *улаан*, бур. *улаан*, калм. *улан* – рыжий (напр. *бык*);

стп.-м. *-msay/-mseg*, х.-монг. *-мсэг/-мсэг/-мсог/-мсөг*, бур. *-мсэг/-мсэг/-мсог*, *-мхаг/-мхэг/-мхог* – образует прилагательные со значением склонности, пристрастия к какому-либо качеству или преобладания какого-либо качества, например: стп.-п. *yekemseg*, х.-монг. *ихэмсэг*, бур. *ехэмсэг* – надменный, высокомерный; стп.-м. *žalayumsay*, х.-монг. *залуумсаг*, бур. *залуумхаг* – моложавый (< *žalayu*, *залуу* – молодой);

стп.-м. *-btur/-btür*, х.-монг. *-втар/-втэр/-втор/-втөр*, бур. *-бтар/-бтэр/-бтор*, калм. *-втр* – довольно продуктивный аффикс, выражающий неполноту качества, например: стп.-м. *ulayabtur*, х.-монг. *улаавтар*, бур. *улаабтар*, калм. *улавтр* – красноватый (< *ulayan*, *улаан*, *улан* – красный); стп.-м. *qayicibturi*, х.-монг. *хуучивтар*, бур. *хуушабтар* – староватый (< *qayicin*, *хуучин*, *хуушан* – старый);

стп.-м. *-bur/-bür*, х.-монг. *-вар/-вэр/-вор/-вөр*, бур. *-бар/-бэр/-бор*, калм. *-вр* – данный аффикс образует прилагательные, выражающие ослабление, неполноту качества, напоминая предыдущий аффикс, например: стп.-м. *ulayabur*, х.-монг. *улаавар*, бур. *улабар*, калм. *улавр* – красноватый; бур. *хүйтэбэр*, калм. *киитэвр* – холодноватый (< *хүйтэн*, *киитн* – холодный); калм. *харвр* – черноватый (< *хар* – черный);

стп.-м. *-šiy/-šig*, х.-монг. *-шиг*, бур. *-шаг/-шэг/-шог/-шиг*, калм. *-иң/-ишг* – достаточно продуктивный аффикс, передающий неполноту качества, напоминая аффикс *-btur...*, например: стп.-м. *žalqayicīy*, х.-монг. *залхуушиг*, бур. *залхуушаг* – довольно ленивый (< *žalqay*, *залхуу* – ленивый); бур. *борошог* – сероватый (< *боро* – серый); калм. *эдлшиг* – довольно похожий, почти похожий (< *эдл* – похожий); калм. *цаһаниң* – беловатый (< *цаһан* – белый);

калм. *-вир*, *-ир* – аффикс придает производной основе прилагательного значение неполноты качества, приближение к тому качеству, которое выражено в производящей основе, что напоминает аффикс *-втр*, например: калм. *шарвир*, *шарир* – желтоватый (< *шар* – желтый), ср. *шарвтр* id.; калм. *хагсуир* – суховатый (< *хагсуу* – сухой);

стп.-м. *-dayu/-degüi*, х.-монг. *-дуу/-дүү* – довольно продуктивный аффикс, передающий ослабленность качества, аналогичен по значению аффиксу *-втар* и представлен только в старомонгольском и халха-монгольском языках, на-

пример: стп.-м. *borudayu*, х.-монг. *бордуу* – сероватый (< *бор* – серый); стп.-м. *könggendegüi*, х.-монг. *хөнгөндүү* – легковатый (< *könggen*, *хөнгөн* – легкий).

Однако кроме этих показателей в бурятских говорах удалось выявить и несколько специфических, которых, кстати, оказалось немного. Так, к ним относится бур.НУ аффикс *-сгаан/-сгээн/-сгоон*, присоединяемый к непроизводным основам прилагательных и придающий усиление их значения, например: бур.НУ *икэсгээн* – 1) большой, огромный; 2) взрослый – о человеке (< *икэ-йикэ-дикэ* – большой), *томосгоон* – большой, огромный (< *томо* – большой, крупный). Этот показатель бытует еще в эхирит-булагатском говоре, ср. например, эхир.-булаг. *йэхэсгээн* – взрослый (< *йэхэ* – большой), и отсутствует в восточных бурятских говорах и литературном бурятском языке. Таким образом, данный аффикс распространен в западнобурятском ареале.

Другим из этого рода аффиксов является бур.НУ *-згэд/-згээ*, образующий от основ прилагательных новые адъективы как с усиленным прежним значением, так и с совершенно другим. Например: бур.НУ *мууказгээ* – очень уж некрасивый < *муукээ* – некрасивый, *һээказгээ* – очень красивый < *һээн* – красивый, *һээзгээ* – веселый, шутливый < *һээн* – хороший, *эрээзгээ* – ситец < *эрээн* – пестрый. Здесь наблюдается лексикализация метафорического переноса значения «очень пестрый», т. е. ситец, поскольку ситцы обычно бывают очень пестрыми. В других бурятских говорах этот аффикс тоже встречается, хотя и очень редко. В качестве примера можно привести лит.-бур. *һайзгай* – спесивый, чванливый, надменный, высокомерный (< *һайн* – хороший) и булаг. *һайзгай* – важный, представительный, осанистый (тоже от булаг. *һайн* – хороший).

Единичные аффиксы наблюдаются и в других современных монгольских языках. Так, аффикс *-дуу/дүү* характерен для современного халха-монгольского язы-

ка, а аффикс *-вир, -ир* — для калмыцкого языка. Некоторые аффиксы не отмечены в калмыцком языке.

Таким образом, подводя итоги всему сказанному выше, следует отметить, что почти все приведенные здесь отыменные словообразовательные модели имен прилагательных носят общемонгольский характер, за исключением некоторых,

представляющих специфику либо халха-монгольского, либо калмыцкого, либо бурятского языка и его западных говоров. Общемонгольский характер отыменных словообразовательных моделей прилагательных свидетельствует о том, что данная часть речи сформировалась еще в эпоху общемонгольского праязыка как самостоятельная.

Сокращения языков, диалектов, говоров

булаг. — язык бурят булагатского племени.

бур. — бурятский язык.

бур.-лит. — бурятский литературный язык.

бур.НУ — нижеудинский говор бурятского языка.

калм. — калмыцкий язык.

стп.-м. — старописьменный монгольский язык.

х.-монг. — язык халха-монголов.

эхир.-булаг. — эхирит-булагатский говор бурятского языка.

Литература

1. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I–IV. — М., 2001–2002.
2. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. — М., 1962.
3. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. — Элиста, 1983.
4. Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. — Улан-Удэ, 1964.
5. Дондуков У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков. — Улан-Удэ, 1993.
6. Калмыцко-русский словарь. — М., 1977.
7. Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Т. I–III. — Казань, 1841–1849.
8. Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. — М., 1961.
9. Рассадин В. И. Становление говора нижеудинских бурят. — Улан-Удэ, 1999.
10. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. — М., 1951.
11. Трофимова С. М. Именные части речи в монгольских языках. — Улан-Удэ, 2001.
12. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М., 1973.
13. Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. — Улан-Удэ, 1962.
14. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. — Улаанбаатар, 1986.
15. Orčin čaγ-un mongγul kele. — Kökeqota, 1984.

УДК 821.512.36

М. П. Петрова

ОБРАЗ ГНЕВНОГО БОЖЕСТВА В ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ
Г. АЮУРЗАНЫ «ШҮГДЭН»

В статье анализируется творчество современного монгольского прозаика Г. Аюурзаны, работающего в жанре детектива, который использует материалы монгольского эпоса, экстраполируя события прошлого для описания преобразований современной Монголии.

Если предыдущие романы «Мираж», «Долг в десять снов», «Рожденные эхом» мы можем отнести к постмодернистским произведениям, то «Шаманская легенда» и «Шугдэн» – эпические полотна реалистического направления.

Ключевые слова: Г. Аюурзана, Шугдэн, гневное божество, современная монгольская литература.

M. P. Petrova

THE IMAGE OF WRATHFUL DEITY
IN THE DETECTIVE NOVEL “SHYGDEN” BY G. AYURZANA

In this article the author analyzes the work of G. Ayurzana, a contemporary Mongolian detective story writer. Ayurzana uses the material of the Mongolian heroic epic projecting past events into the present for the description of transformations in modern Mongolia.

If the previous novels “The Mirage”, “A Debt of Ten Dreams” and «Born by the Echo» can be related to postmodernist works, “The Shaman Legend” and “Shygdén” are epic stories belonging to the realistic genre.

Key words: G. Ayurzana, Shygdén, wrathful deity, modern Mongolian literature.

Современное геополитическое положение Республики Монголия между двумя мировыми державами – Россией и Китаем – вполне логично могло бы определить обращение монгольских авторов к так называемым кросс-культурным темам. Сегодня нет ни строгой политической цензуры, ни идеологического заказа на художественные произведения определенной направленности. Это большой плюс тех демократических преобразований, которые идут в Монголии с конца XX в. Интерес же читающей аудитории к такого рода темам заметен.

Одним из немногих авторов, которые в своих произведениях касаются различных аспектов жизни как северных, так и южных соседей халха-монголов,

является Гун-Аажавын Аюурзана. Он родился в 1970 г. в центре Баянхонгорского аймака МНР. Получил профессиональное литературное образование (Москва, Литературный Институт им. М. Горького, 1994), владеет несколькими иностранными языками, знаком с философией, теорией и историей литературы Европы, Америки и Азии. Член Союза монгольских писателей.

В 2010 г. завершается выход в свет тетралогии Г. Аюурзаны, в которую вошли романы «Мираж» («Илбэээрэг-лээ») [7], «Долг в десять снов» («Арван-зүүднийөр») [5], «Рожденные эхом» («Цуурайнаастөрөгсөд») [8] и «Шаманская легенда» («Бөөгийндомог») [6]. Эти произведения не только представляют новые течения и направления художе-

ственной словесности, но и дают панораму жизни современного человека в постоянно меняющемся мире.

Роман «Шаманская легенда» – «*Bөөгийн домог*» [6] представляет историю жизни нескольких поколений бурятских шаманов острова Ольхон на озере Байкал [3, с. 355].

В 2012 г. Г. Аюурзана публикует новый роман «Шугдэн» [9], действие которого разворачивается в нескольких провинциях современного Китая и районах автономного округа КНР Внутренняя Монголия. Время действия – наши дни. Главные герои романа офицер китайской полиции Сэржамц (монгол по национальности) и лама монастыря Гумбум в провинции Цинхай Саманд. На этот раз Г. Аюурзана выбирает для своего романа жанр детектива. Текст в своей линейной последовательности разделен на три повествовательных уровня: уровень Сэржамца, уровень Саманда и уровень гневного божества Шугдэна, имя которого и вынесено в заглавие произведения. Повествовательные уровни Сэржамца и Саманда, состоящие, в свою очередь, из нескольких смысловых отрезков, что называется «лежат на поверхности». Автор представляет героев, рассказывает историю их жизни, вводит читателя в их внутренний мир. Уровень же Шугдэна скрыт, лишь в 8 (всего 15) главе романа появляется его имя «*Гаржхөлөгдөсөндогшинсахиус*» («Гневное божество верхом на большой собаке тибетской породы»). Ни истории появления этого гневного духа, ни элементов ритуала в тексте романа не содержится. Но если мы обратимся к краткой истории Шугдэна, то позиция автора будет ясна.

Доктор наук в области истории и религии, американский исследователь Джордж Дрейфус в своей обширной статье «Дело Шугдэна: истоки раскола» [1] говорит о том, что возникновение практики поклонения Дордже Шугдэну уходит своими корнями в темный и кровавый эпизод в истории Тибета, связанный с преждевременной смертью тулку Дракпы Гьялцена (1618–1655). Он был

высокопоставленным ламой в традиции Гелуг и соперником Пятого Далай-ламы Наванга Лосанга Гьяцо (1617–1682). «Сторонники Дракпы Гьялцена заявляли, что он умер, будучи не в состоянии противостоять постоянным попыткам последователей Далай-ламы ослабить его влияние. Другие утверждали, что он был убит, находясь в заточении у премьер-министра. Есть также версия, что он добровольно принял смерть от удущья, чтобы стать гневным защитником традиции Гелуг» [Там же, с. 3]. Согласно традиционным буддийским представлениям, насильственная смерть ведет к перерождению людей в опасных духов, постоянно ищущих мщения. Переродившись свирепым духом Дордже Шугдэном, он обратил свой гнев в защиту чистоты доктрины гелугпинской традиции.

В наши дни Далай-лама XIV неоднократно предостерегал буддистов от следования практике Шугдэна и наложил на нее запрет [2].

Доктор философских наук профессор Е. А. Торчинов по этому поводу пишет следующее: «Некий гелугпинец Дордже Шугдэн даже совершил самоубийство, протестуя против отступления Далай-ламы от школьной чистоты Гелугпа. Легенда рассказывает, что, став после смерти божеством, Дордже Шугдэн даже дал клятву бороться с далай-ламами во имя чистоты гелугпинского учения. Некоторые тибетцы и сейчас объясняют включение Тибета в состав КНР и бегство Далай-ламы XIV происками Дордже Шугдэна. Поэтому Далай-лама XIV несколько лет тому назад запретил культ Дордже Шугдэна как антипатриотический и нечестивый, что вызвало протесты и даже волнения среди отдельных групп тибетских эмигрантов» [4].

Однако, несмотря на запрет, приверженцы и последователи культа Шугдэна имеются сегодня во многих буддийских монастырях Тибета – Гумбуме, Сэр-а, а также в Монголии – в монастыре Амарбаясгалант Селенгинского аймака, в монастыре Дэлгэр Чойрсомона Дэлгэр Цогт Среднеобийского аймака и в жен-

ском монастыре Тогсбаясалант в Улан-Баторе.

Зачин романного действия – убийство ламы происходит в монастыре Гумбум, что в провинции Цинхай в Китае, недалеко от озера Кукунор. Туда выезжает следственная бригада из центра провинции – города Синин. В составе этой бригады находится офицер, монгол по происхождению, Сэржамц со своей знаменитой собакой-ищейкой. Вскоре собака берет след, но неожиданно погибает по неизвестной причине. Следствие заходит в тупик и полицейская бригада возвращается в Синин. Это первый повествовательный отрезок уровня Сэржамца. Второй – рассказ о жизни героя в течение повествовательного времени – жена-монголка, дочь, работа, ужины с коллегами в ресторанах, увлечение фильмами сомнительного содержания.

Таким образом, автор показывает жизнь монгола в современном Китае, где ассимиляция происходит уже на ментальном уровне. Герой привык откликаться на китайское имя Жин Хай вместо того, которое дал ему лама.

Третий повествовательный отрезок этого уровня – путешествие Сэржамца в Ордос, где он принимает участие в церемонии поклонения Чингис-хану, встреча его с лидером протестного движения монголов Хучинтогсом, поездка на малую родину, в долину реки Эзнээ. Встретившись со своими родственниками, Сэржамц узнает много нового об истории своего рода, своей фамилии. Оказывается, его отец был участником национально-освободительного движения за независимость Внутренней Монголии под предводительством Дэ Вана (1902–1966). Пользуясь приемом внутреннего монолога, Г. Аюурзана показывает, как его герой вновь обретает самого себя. «Утром, когда он взошел на вершину горы и увидел оставленные там и сям лепешки конского аргала и следы множества копыт, он подумал, что может быть это и не сон вовсе был, а действительно здесь пронесся табун быстроногих скакунов. Посмотрев с вершины, где

было обо, увидел свою машину совсем маленькой, застрявшей в песке. ...Да, между жизнью и смертью промежутки совсем короткий» [8, х. 48].

Четвертый повествовательный отрезок – возвращение Сэржамца в Гумбум с целью выяснить причину гибели своей служебной собаки и частичное раскрытие тайны гибели молодого ламы. Здесь же он соприкасается с культом Шугдэна.

Второй повествовательный уровень – ламы Саманда – также состоит из нескольких отрезков: рассказ о появлении его в монастыре Гумбум в возрасте 9 лет вместе с другим мальчиком Дарамбалом, об их жизни и обучении, об их наставниках. Второй смысловой отрезок этого уровня – рассказ о том, что происходит с Самандом в ходе повествовательного времени. Здесь же – цепь таинственных совпадений: землетрясение в уезде Юйшу в Тибете, которое произошло 18 апреля 2010 г., внезапная потеря сознания, ухудшение состояния здоровья Саманда. Включение в художественное повествование реальных дат, имен, событий позволяет ему претендовать на достоверность.

В отдельный третий смысловой повествовательный отрезок необходимо выделить главу 10 под названием «*Ам-татхорынгүйдэл*» («Бег сладкого яда»), повествующую о тайной любви Саманда к Дулме, младшей сестре покойного, приехавшей за урной с пеплом своего старшего брата. «Словно бы всем своим сердцем он почувствовал исходящее от Дулмы тепло, но теперь все это было уже неважно, душа его действительно стала какой-то пустой и свободной. Того, что довелось погладить руку девушки, уже достаточно. Нечего больше желать или просить в этом мире. Для человека, принявшего обеты, главное – обрести чувство освобождения от любых причин душевного беспокойства. В благодарность он вновь сжал горячую руку девушки. Дулма левой ручкой тоже погладила его пальцы» [9, х. 216].

Необходимо отметить, что настоящее время повествования не позволяет

сюжету расслаиваться, способствует его целостности. Событийная сторона рассказа не выводится Г. Аюурзаной за рамки детективного жанра. Однако мистика, пронзая сюжет, входит во все повествовательные уровни романа: диалог души умершего ламы с Шугдэном, описания ночных ритуалов в Гумбуме и Сэра, посмертное письмо Саманда Сэржамцу, рассказ о портрете Мао Цзэдуна, заслуживающий, пожалуй, особого внимания. Во времена культурной революции в Гумбум внезапно прибыло коммунистическое начальство. Их целью была тотальная инспекция монастыря. В числе изображений буддийских божеств они с удовлетворением обнаружили портрет Мао Цзэдуна и зажженную перед ним лампаду. Однако – это выяснилось после их отъезда – под портретом вождя скрывалось каноническое изображение Дордже Шугдэна [9, х. 184–185].

Взаимодействие главных героев романа Сэржамца и Саманда в конечном итоге приводит к логическому завершению сюжета. На одном из деревьев вблизи входа в дом убитого они находят хитрое приспособление – резиновое лассо со следами черной краски. Вскоре обнаруживается и русский наган, из которого был произведен смертельный выстрел. Дарамбал не был убит, он покончил жизнь самоубийством, инсценировав убийство. В этот трагический момент на нем был

желтый головной убор, как у Шугдэна, а рядом бегал щенок большой белой тибетской собаки. Вспомним, что в соответствии с традиционными воззрениями последователей культа Шугдэна, в гневного мстительного духа перерождается только человек, подвергшийся убийству.

Но погибает и лама Саманд, отравленный своим другом при помощи медленнодействующего яда. Примерно в это же время в разных буддийских монастырях Тибета происходят загадочные убийства. Свидетелем одного из них в Лхасе становится полицейский Сэржамц.

Автор романа приводит читателя к логическому завершению событийной стороны повествования, как того и требует жанр детектива, – от следствия к причине. Однако чтобы постичь эту причину, читатель должен быть включен в культурологическую область буддизма.

Роман «Шугдэн» еще раз демонстрирует обращение Г. Аюурзаны к реалистическому направлению в современной монгольской литературе. Постмодернистская трилогия автора, роман «Шаманская легенда», а теперь и «Шугдэн», выпущенные за последнее десятилетие, стали значительным явлением не только региональной культурной жизни, но и точным выражением глубинных процессов, составляющих путь литературы Монголии первого десятилетия XXI в.

Литература

1. Дрейфус Д. Дело Шугдэна: истоки раскола. <http://dalailama.ru/messages/shugden/>.
2. Обращение Далай-ламы к тибетцам, пришедшим из Тибета, во время весенних учений 27 марта 2006 года. <http://dalailama.ru/messages/shugden/>.
3. Петрова М. П. Г. Аюурзана: от постмодернизма к реализму. Проблемы литератур Дальнего Востока // Материалы V Междунар. науч. конф. – СПб., 2012.
4. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. – СПб., 2000.
5. Аюурзана Г. Арванзүүднийер. – УБ., 2005.
6. Аюурзана Г. Бөөгийндомог. – УБ., 2010.
7. Аюурзана Г. Илбэээрэглээ. – УБ., 2003.
8. Аюурзана Г. Цуурайнаастөрөгсөд. – УБ., 2007.
9. Аюурзана Г. Шугдэн. – УБ., 2012.

УДК 94(517)

О. Батсайхан

**VIII БОГДО ЖАВЗАНДАМБА-ХУТУХТА –
РУКОВОДИТЕЛЬ И ОТЕЦ
МОНГОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1911 ГОДА**

В статье рассматривается особая роль Богдо Жавзандамбы-хутухты в завоевании Монголией независимости в результате Синьхайской революции 1911 г., человека, который после монгольской революции 1921 г. стал духовным и светским лидером Монголии.

Ключевые слова: Богдо Жавзандамба-хутухта, Монгольская национальная революция 1911 г., Китай, Россия, независимость, Богдо-хан, Богдо-гэгэн.

O. Batsaikhan

**THE 8TH BOGDO ZHAVZANDAMBA KHUTUKHTA:
LEADER AND MASTERMIND
OF THE MONGOLIAN NATIONAL REVOLUTION OF 1911**

The article considers a special role of Bogdo Zhavzandamba khutukhta in getting Mongolian independence in the course of the Xinhai Revolution of 1911. After the Mongolian Revolution of 1921 he became the spiritual and secular leader of Mongolia.

Key words: Bogdo Zhavzandamba khutukhta, Mongolian National Revolution of 1911, China, Russia, independence, Bogdo-khan, Bogdo-gegen.

Краткий обзор

Согласно указу, правовой документ Министерства по делам управления Внешней Монголии является общим юридическим руководством для правления Маньчжурской империи на территории Монголии и других народностей и действительным правовым актом, подтверждающим применение власти Министерством по делам управления Внешней Монголией. Данный правовой документ впервые был составлен во времена Энх Амгалан-хана и после множество раз подвергался корректировке путем внесения дополнений.

В этом правовом документе содержится особая тетрадь, именуемая Законом о делах ламства, которая состоит из пяти самостоятельных частей и 108 пунктов. Из этих 108 пунктов закона о ламстве 14 имеют прямое отношение

к Жавзандамба-хутухте. Другими словами, закон посвящен ламам Монголии маньчжурского периода. Во времена социализма писалось, что 45 % населения Монголии (более 100 тысяч) составляли ламы. Из исследования И. Майского узнаем, что на просторах Монголии без территории Внутренней Монголии было 2753 больших и малых храма. В общем, ставилась цель показать их как эксплуататоров простого народа.

В конце XIX – начале XX в. монгольское население в своей основе стало буддийским, и не было ни одного крупного социолога и ученого, который не исследовал и не объяснял бы истоки и содержание этой религии. И есть причина, по которой никто не обошел буддизм.

Буддизм объединяет человечество в единую нравственную систему, содержащую благородные и драгоценные понятия. В любой цивилизованной или неци-

визированной стране, у любой народности обязательно есть религия, причиной которой является постоянное стремление каждого человека, каждого общества найти ясное объяснение явлениям и процессам, которые находятся за пределами их собственных познаний. Это явственно прослеживается на примере буддийской религии, которая возрождается в постсоциалистические годы в Монголии.

29 декабря 1911 г. монголы освободились от маньчжурского господства, официально известили мир о своем самостоятельном независимом становлении и провозгласили Богдо Жавзандамбахутухту правителем-ханом Монгольского государства [14].

Нынешние монголы почти забыли VIII Богдо Жавзандамба-хутухту, который инициировал, возглавил и организовал это историческое событие. В период социализма его подвергали оскорблениям и называли желтым феодалом, слепым и т. д. Более того, о нем писали, что он оставался до последнего своего вдоха врагом монгольского народа.

Опираясь на источники в исторических архивах Монголии, России, Японии, воспоминания участников событий национальной революции 1911 г., рукописные материалы зарубежных и отечественных свидетелей тех событий (Магсархурц, маньчжуроведа Л. Дэндэва, Г. Навааннамжила и т. д.), я постараюсь по возможности объективно раскрыть предпосылки, развитие, кульминацию монгольской национальной революции 1911 г., а также осветить события последующего времени и привести оценки крупных ученых, данные вклада, внесенному в это крупное дело VIII Богдо Жавзандамба-хутухтой.

Предпосылки национальной революции 1911 г.

Известный российский дипломат Я. П. Шишмарев, который прожил в Монголии почти 50 лет, еще в 1895 г.

охарактеризовал монголов следующим образом: «Внутри монголов халхи и цахары находятся в оппозиции. Халхи считают себя лидерами среди других многих монгольских народностей. В 1691 г. халхи попали под власть Маньчжурской империи. Однако при возникновении любой опасности именно халхи способствуют объединению монголов и возглавляют эту борьбу. Тому имеется множество причин, но главной из них является то обстоятельство, что на земле Халха живет перерождение Авида Жавзандамбы, которому поклоняются все монголы и калмыки» [4]. Монголы помнят свою историю, они не забыли многовековую борьбу с китайцами за свою независимость. Об этом напоминают китайские словосочетания в отношении монголов (в источниках эпитеты «дарлагдагч, ялагдагч» толковались как «угнетенный, побежденный»).

Кроме Монголии хутухту признали и в Тибете. Тем не менее маньчжурский правитель не предоставил ему какие-либо полномочия, как бы ни было велико уважение к имени хутухты в Монголии. Поэтому тот оказывал влияние не напрямую. Но в то же время был человеком, который мог стать лидером не только в Монголии [2, ф. 1, оп. 1, д. 3292].

Летом 1893 г. после празднования по случаю подношения хошуна Долоон монгольские феодалы остались на собрании с VIII Богдо для обсуждения положения Монголии, которое осложнялось из-за повышения налогов по требованию Пекина [3, д. 575, л. 100].

В октябре 1904 г. хутухта Урги и монгольский амбань совместно со множеством монгольских феодалов написали в Пекин тайное донесение, в котором они обвиняли маньчжурского амбана Урги Дэ-линга по 11 пунктам. Из-за этого донесения Дэ-линг был освобожден от должности министра маньчжурского амбана Урги [3, д. 564, л. 1]. Об этом сообщил в свой центр консульский работник России В. Долбежев, который работал в Урге.

Послы и представители России, жившие в Урге и Пекине, очень ясно и образно обрисовывали в своих донесениях, сведениях, секретных телеграммах и многих других документах, адресованных Министерству иностранных дел Российской империи, реальное положение дел в Монголии. Например, в одном из них был описан настоящий облик Монголии того времени, где «маньчжурские правители и китайские чиновники в Монголии стараются силой все подчинить своей власти, а именно они пытаются притянуть к себе администрации феодалов, каждого влиятельного ламу и власть предержащих. Японцы под видом лам и китайских торговцев шатаются по Монголии, в основном вблизи к Китаю, не покидают Монголию и японские разведчики. В этом помогают им китайские торговцы» [3, д. 78, л. 5].

О том, как VIII Богдо Жавзандамба-хутухта стал руководителем монгольской национальной революции 1911 г.

В своем указе 1909 г. Богдо Жавзандамба-хутухта сообщает, что «сейчас в Монголии наступило время подумать, как укрепить религию и государство, защитить наши земли и найти способ, как жить долгое время спокойно и счастливо. Вы не только счастливо не будете жить, сидя сложа руки и лишившись всего этого, но будете терпеть различные страдания и не сможете владеть землями. И зная истину, я не могу не напомнить всем вам, что не будет пользы от того, что все монголы будут поклоняться восьми моим образам, и потому не сообщив то, о чем я знаю, не смогу просто спокойно сидеть... Об этом пусть хорошенько подумают ваши ноены и чиновники, и как только, так сразу же доложите мне» [Цит. по: 33].

Имеется множество сведений о тайном совете феодалов в Урге в июле 1911 г., который собирался «в доме Богдо, и он возглавлял эту встречу» [16], о чем со-

общает в своем послании правительству американское посольство, находившееся в Пекине.

21 октября 1911 г. прибывший в Ургу бурят Добданов в письме В. Котвичу написал о политической ситуации в Монголии: «Единственный шанс будущего Халхи находится в руках Богдохана. Его политическая мудрость пока еще неопределенная» [18, с. 70]. В другом письме Добданова из Верхнеудинска от 30 декабря 1911 г. Котвичу указывается на наличие информации о том, что после провозглашения независимости Монголии и возведения на трон императора Жавзандамба-хутухты начнется становление государства и правительства. Это воодушевляет народные массы, что рассматривается как особая помощь и поддержка в этом большом деле. Кроме того, получает титул вана и поощряется степенью отличия российский консул в Урге Г. Лавдовский [Там же, с. 92]. В этом письме подчеркивалось, что когда возвели на трон хана Богдо, его супруга Цагаан Дара-эхэ стала матерью-феей государства, наследником престола был провозглашен 12-летний победоносный лама [Там же]. Добданов о Богдо-хане: «Что касается хутухты, то его провозглашение ханом Монголии не было неожиданным событием. Он в течение многих лет и был таковым. Для того, чтобы представить себя перед всем миром, что станет ханом Монголии, он в течение многих лет постоянно, осторожно и вдумчиво готовился. И в целом такой переворот – это мудрое решение Хутухты, его государственная проницательность» [Там же]. Также Добданов в письме Котвичу отмечает, что «монгольская национальная революция нанесла правителям Маньчжурской империи мощный и тяжелый удар и тем самым оказала помощь и поддержку китайской революции. В действительности, оценивая данный факт, китайцы благодарны за это монголам, и вынуждены признать вновь возникшие обстоятельства» [Там же]. Я подчеркиваю этот аспект в надежде на

дальнейшее тщательное исследование Монгольской национальной революции 1911 г. как один из чрезвычайно важных и актуальных вопросов. Ибо не может рассматриваться революция в Монголии 1911 г. как единственный фактор, который дал понять им, что у них мало возможности противодействовать этому процессу.

21 июня 1933 г. оставил записи участник тех событий, гражданин Селенгинского аймака г. Алтанбулак бурят Дамбадугар Цыдыпов о том, как на трон взошел Богдо Жавзандамба. Он подробно описывал исторические события, которые происходили под знаменем установления независимого государства. Так, он сообщает, что в ходатайстве представителей Малого Государственного Хурала отмечается: «причина, по которой Богдо-хан был возведен ханом, такова, что нет другого способа, кроме как волеизъявления самого Богдо-хана стать ханом. Согласно общественному мнению, а также тому, что он будет править по предписанию правительства Российского государства, то, как известно из споров между российскими послами и чиновниками, на тот случай, если придет время, когда необходимо будет обособить государство Халха-Монголию, сложно назвать императором кого-то другого, кроме Богдо-хана. Если из четырех халхаских ханов необходимо будет возвести одного, то вечно один из них будет в заговоре с Китаем и в борьбе друг с другом, что станет препятствием для будущих дел, и потому, возможно, остерегаясь, возвели Богдо-хана» [19, с. 25].

Краткая биография VIII Богдо Жавзандамба-хутухты

VIII Богдо Жавзандамба Агваан Лувсан Чойжин Няндан Занванчиг Балсамбуу [21] родился в 1869 г. в Тибете, в семье зажиточного чиновника Гончигцэрэна, финансиста Далай-ламы. Он родился в осеннем месяце и каждый год в последний осенний месяц 8-го числа отмечался

радостный великий праздник императора Богдо, и монголы повсюду молились.

Находившийся в Урге консул Я. Шишмарев в информации от 25 июня 1871 г. Департаменту Азии Министерства иностранных дел России сообщал: «Монголия приняла радостное известие о недавнем выявлении хутухты в Тибете. Хутухту Урги выбрали из девяти мальчиков, из числа которых сначала были выбраны трое. После нескольких дней молебна и обрядов имени этих трех мальчиков запечатали в закрытой емкости, из которой Далай-лама вытянул одного. И им оказался ребенок из тибетской семьи, жившей неподалеку от Лхасы» [1, д. 575, л. 58]. В следующей информации консула от 24 марта 1873 г. сообщается о движении из Урги в Тибет группы представителей монгольских феодалов и лам для приглашения нового хутухты Урги – Жавзандамбы [Там же, л. 78].

VIII Богдо Жавзандамба-хутухта прибыл в Ургу утром 30 сентября 1874 г., и по этому случаю была устроена праздничная церемония [Там же, л. 81–82]. Слух о том, что приглашен Богдо Жавзандамба, увеличил население Урги в два раза, собралось большое число феодалов. В октябре 1874 г. в Урге приветствовали VIII Богдо Жавзандамба-хутухту, съехались ханы, ваны и гуны четырех халхаских аймаков и пожаловали к трону Богдо. Маньчжурский император присвоил ему титул и вверил Золотую грамоту и золотую печать.

Отмечается, что во время праздника подношения хошуна Долоон в августе 1890 г. Богдо был в стороне от ламского влияния и старался по возможности самостоятельно обустроить жизнь [Там же, л. 99–100]. Например, пишется, что он упрямился, путался с женщинами и появлялся пьяным на глазах многих. Но говорится и то, что монгольский народ и ламы пытались как можно вернее истолковать эти действия святого.

В 1893 г. Богдо Жавзандамбе исполнилось 25 лет. В летний месяц этого года отмечался праздник подношения хошу-

на Долоон, который проводится каждые три года. В этот раз праздник был посвящен юбилею хутухты Урги [1, д. 575, л. 99–100]. После праздника монгольские феодалы остались на собрание с Богдо, чтобы обсудить положение Монголии, которое осложняется из-за повышения налогов по требованию Пекина [Там же, л. 100].

Выявленный в 5-летнем возрасте, он вместе с отцом, матерью и братьями прибыл в Ургу, после чего вся его жизнь была связана с Монголией. Ему с детства преподавали тибетский и монгольский языки и письменность, а также обучали религии и восточным традициям. Он был единственным среди восьми воплощений Богдо со степенью гавжи, который возглавлял буддийскую религию в Монголии и был трижды провозглашен последним императором Монголии.

Много раз о нем писали как об основателе большого дела: «Другие влиятельные феодалы Монголии, такие как люди из окружения VIII Богдо – да-лама Цэрэнчимэд, Тушэту-хан, аймачный полководец, князь первой степени Ханддорж и другие решительно придерживающиеся идеи о том, что Монголию необходимо сделать независимой, довели до сведения Богдо этот вопрос весной 1911 г. Летом того же года, когда делали подношения многочисленные последователи, он пригласил всех ханов, феодалов и больших лам и издал указ о том, чтобы все изложили конкретно и ясно и известили о принятии или непринятии новой политики Маньчжурской империи» [22]. Тем самым именно Богдо Жавзандамба-хутухта стал тем, кто стоял у истоков большого дела и поддерживал монгольских ханов и феодалов. Но при тщательном изучении исторических событий удалось выявить и другие сведения. Так, Богдо Жавзандамба-хутухта еще в конце XIX в. тайно отправлял своего посла с политическими намерениями к российскому императору. Сначала в 1895 г. и потом, спустя 5 лет, Богдо-гэгэн снова

просил защиты у да-ламы Бадамдоржа и зайсана Цэрэн-Осора, отправив им отдельное письмо с подарком. Хотя российский исследователь Е. А. Белов полагает, что в российских архивах нет таких документов, тем не менее определенные материалы среди документов российского архива имеются. Российский император собственной рукой подписал документ об удовлетворении просьбы хутухты Урги (в документе – главы ламаизма) о выделении 30 тысяч золотыми.

В июне 1911 г. сайн-ноен Т. Намнансурэн в письме к Богдо упоминает, что новая маньчжурская политика в Халхе становится опасной. Ознакомившись с этим письмом, Богдо Жавзандамба в июле того же года издал указ о созыве на совет всех четырех аймачных ханов, ванов и ноенов Их-Хурэ [26].

Поскольку Богдо Жавзандамба-хутухта среди религиозных монголов был очень уважаемым человеком, знающим монгольский язык и письменность, то его плотно окружили сторонники движения за независимость народа: атташе гун Чагдаржав, сайн-ноен Намнансурэн, цинский ван Ханддорж, Да-лама Цэрэнчимэд, гун Хайсан и др. Еще в период расцвета социализма ученый Ш. Сандаг писал: «Под влиянием национально-освободительного движения монгольского народа – противника маньчжурского колониального строя, в нее были вовлечены монгольские феодалы, которые приняли участие в обособлении страны от маньчжурского влияния и становлении нового режима. Это движение от феодалов возглавил Жавзандамба-хутухта» [32].

Таким образом, в год белой свиньи развернулась монгольская национальная революция, а к середине зимы 9-го нового месяца, точнее 29 декабря 1911 г., Жавзандамба-хутухту возвели на трон императора Монголии. Этому способствовал ряд причин. Он не только был религиозным лидером, но стал самым уважаемым политическим деятелем. Действительно, в источниках не раз от-

мечалось, что мужество и твердые решения Богдо-гэгэна оказали чрезвычайную поддержку всем монголам, в том числе и феодалам, в революционном движении, принесшем свободу монголам. В зарубежных источниках отмечается, что не будь Богдо-гэгэн решительным, мужественным и последовательным, монголы давно стали бы китайскими рабами. Оценку исторических заслуг Богдо-гэгэна представил и находившийся в Урге российский консул В. Люба, говоря, что он чутьем чувствовал обстановку того времени, знал последнего маньчжурского амбана Сандоо как человека трусливого, робкого и нерешительного. Он расценивал Богдо-гэгэна как лидера, благодаря которому состоялся поворот в истории Монголии.

Поднимая вопрос о роли Богдо и о вкладе в события национальной революции 1911 г., ученый Т. Тумэрхулэг пишет: «Данное движение не было возглавлено Богдо лично, но и нет никакой причины отрицать, что точно он замыслил сделать страну самостоятельной и единой» [33].

Кроме того, поскольку первый Богдо Жавзандамба – Ундур-гэгэн Занабазар был сыном Тушэту-хана, который имел отношение к золотому роду чингисидов, то монголы рассматривали его перерождение как несомненную связь с золотым родом. После возведения на престол хана Монголии каждый год, в первый день белого месяца, Богдо Жавзандамба посещал ставку Автай Сайн-хана отца Гомбодоржа Тушэту-хана вместе с Эхэдакиней, зажигал огонь и тем самым демонстрировал сохранение государственных традиций Монголии. На это, как известно, влияли феодалы золотого рода, крупные чиновники страны, а также поддержка Богдо-хана как человека от природы сообразительного и восприимчивого. Поэтому оценка Навааннамжила в отношении Богдо-хана гласит, что «великий учитель всей Халхи – Жавзандамба лама», соответствует настоящему положению [29].

В 1920 г., обращаясь за помощью к России и другим крупным государствам, Богдо-хан оказал большую поддержку в восстановлении независимости Монголии. Богдо-хан с готовностью принял помощь от барона Унгерна, который освободил столицу Ургу от китайцев, и 25 февраля 1921 г. Богдо Жавзандамбу снова возвели на престол императора Монголии.

Богдо-хан отправил письмо с печатью Монгольской народной партии Советской России с просьбой о помощи. Также он поставил печать и на других письмах, которые отправил в Америку и Японию. Богдо-хан, таким образом, показал свою готовность принять помощь у любой внешней силы в борьбе за самостоятельное положение и независимость монгольской нации.

О Богдо в исследованиях по истории Монголии

После кончины 20 мая 1924 г. императора Богдо Президиум Центрального Комитета МНРП принял 3 июня 1924 г. решение об установлении республиканской власти в Монголии. Оценка этого события была представлена в первом томе «Истории Монгольской Народной Республики»: «Глава буддизма Монголии Жавзандамба-хутухта был возведен на престол императора и стал главой, который держал религию и государство... Благоприятной причиной для установления республики стал уход из жизни Богдо-гэгэна» [15].

В краткой истории монгольской революции, написанной Х. Чойбалсаном, Д. Лосолом и Г. Дэмидом, говорится: «Богдо – это человек, титул которого – «возвышающий веру и делающий счастливыми живущих». Это имя крупного буддийского ламы, которое ждали из поколения в поколение, оно почитается по всей Халхе и в него сильно верует большое число аратов. Потому он влез в государственные дела и не восприни-

мал позорный титул, постоянно следовал буддийским поучениям и возглавлял молебны. Он не только не ввел традицию убивать и эксплуатировать народ, но считал, что будет целесообразно, если милосердно относиться и к насекомым. Однако тот факт, что он не только не помог и не осчастливил народ, но и изводил по-всякому, на самом деле обоснованно отражал пустой титул и коварные достоинства хутухты Богдо» [35].

В пятом томе «Истории Монголии», изданном в 2003 г., о Богдо написано: «Глава буддизма в Монголии, 8-й Богдо Жавзандамба, освободившись от маньчжуро-китайского господства с начала национально-освободительного движения последовательно придерживался линии возрождения государственной независимости Монголии и стремился объединить монголов под флагом буддизма. Поэтому обстоятельства вынудили его отличиться на политической арене и стать императором Монголии и символом государства» [28]. Событиям после смерти Богдо даются следующие описание и оценка: «В то время, когда последовательно проходила подготовка к республиканскому строю в Монголии, 20 мая 1924 года скончался конституционный монарх Богдо-гэгэн. Утрата данного фактора, обуславливавшего взаимосвязь конституционного правительства с народной властью, ускорила процесс смены этой формы правления» [Там же].

В книге «Монголия XX века: места кочеваний» Баабар пишет о Богдо следующее: «В этот день во Внешней Монголии было свергнуто 220-летнее продолжительное господство китайской династии Цин, и «Многими возведенный» торжественно объявил Монголию независимой. На престол императора нового государства был возведен глубоко почитаемый многими монголами 41-летний тибетец с непривычно длинным именем Агванлувсанчойжиннямданзанванчигбалсамбуу, восьмое воплощение Богдо Жавзандамба-хутухты»

[10, с. 130]. Официально возведенный как «возвышающий веру, осчастливливающий многих, многими возведенный, император Монголии, сочетающий религиозную и государственную власть, солнечно-лучезарный, имеющий 10-тысячелетний возраст Богдо-хан», Жавзандамба ценился как «предводитель монгольского разума/мудрости» [Там же, с. 131]. И «не было никого, кто мог бы соперничать за престол императора».

Престол императора Монголии мог бы занять и самый близкий родственник из четырех халхаских ханов золотого рода Чингис-хана Тушээт-хан Дашням, однако его слова о том, что «если рассматривать тибетского происхождения Жавзандамбу, то я среди ханов святого рода Великого Чингиса являюсь старшим» [28], развеяли его мечту по ветру.

Если бы монгольские феодалы действительно в этом национальном движении были бы на стороне инициаторов, руководителей и исполнителей, то наверняка воплотили бы сказанное ханом рода Императора Чингиса в жизнь. Однако они не только не воплотили идею в жизнь, но даже и шли по пути, указанному Богдо Жавзандамба-хутухтой. И это как раз является выражением того, каким было влияние Богдо.

Еще в начале, когда в Монголии только разворачивалась национальная революция, было совершенно неясно, развернулась ли она под влиянием Богдо Жавзандамбы или же под влиянием последовавших за ним монгольских феодалов. Уже после начала этих процессов феодалы стали противодействовать политике императора Богдо-хана, который следовал государственной традиции и императорскому дому Монголии.

По поводу кончины Богдо Баабар пишет: «Советы подписали в Пекине свое одобрение суверенной власти Китая во Внешней Монголии и, возможно, в это время уже было принято решение о провозглашении Монгольской Республики. За 10 дней до подписания в Пекине

20 мая 1924 года в Нийслэл-Хурэ скончался VIII Богдо Жавзандамба-хутухта. Неясно, умер ли он из-за поспешности установления Монгольской Республики или вообще смерть, настигшая его именно в этот момент, чистая случайность» [10, с. 378].

Сегодня нет другой оценки деятельности Богдо, кроме той, которая представлена в истории МНРП: «В результате Монгольского народного национально-освободительного движения создано феодальное правительство, возглавляемое безмерно властвующим императором Богдо Жавзандамба-хутухтой, и Монголия провозглашена независимым государством. Народная революция успешно и глубоко развилась, в 1924 году устранили политическое господство феодального класса, произошло становление и укрепление новых народных органов власти, в Монголии в корне изменились социально-политическое положение и отношения между классами. Смена конституционной формы власти создала предпосылки для становления народной республики. В мае 1924 года скончался конституционный монарх Монголии Богдо Жавзандамба, и данный факт послужил возможностью для изменения действительности» [28].

В третьем издании Краткой истории МНРП (1985) написано, что утвержденный 1 ноября 1921 г. Договор присяги «стал жестким ударом для мероприятий феодалов во главе с Богдо, которые были против революции, и имел важное значение для укрепления новой народной власти» [Там же].

Но один из главных представителей крайне левых Ө. Бадрах опубликовал в 1932 г. книгу, в которой пишет: «Что касается 8-го воплощения Жавзандамба-хутухты, то его заслугой является сочетание руководства религией и государством, исторически значимое освобождение Монголии от китайского господства и установление автономии и народной власти. Это 8-е воплощение — последнее»

[36]. Однако в написанной позднее истории МНРП и истории МНР автор уже не смог дать столь высокую оценку Богдо, что объясняется влиянием идеологии.

Ранее оценку Богдо-хану дал Ц. Пунцагноров: «Если исследовать Богдо-гэгэна с точки зрения истории, то он был самым злейшим врагом и реакционером монгольского народа, дыхание которого замерло» [31, с. 105].

Монгольский ученый Ш. Сандаг в 1971 г. о Богдо-хане писал следующее: «Значение провозглашения национальной независимости Монголии в 1911 году и установления феодального Монгольского государства во главе с абсолютным монархом Богдо-ханом не было особенно изучено со всех сторон. Всеохватывающая оценка была дана деятельности политических деятелей того времени, и период 1911–1919 гг. определили как «автономный период» Монголии. Вместе с тем необходимо сказать, что эти вопросы небрежно упростили или обошли и завуалировали реальную действительность» [32, с. 25]. Несмотря на эти оценки, в монгольской историографии позднего периода этот вопрос получил дальнейшее развитие.

Далее ученый Ш. Сандаг отмечает: «провозглашение «автономии» в Монголии в 1911 г. раньше рассматривалось неоднозначно. Но новый подход в изучении того, что национальная независимость Монголии возродилась в форме империи Богдо-хана, совершенно не является заменой понятий. Последовавшая за этим мужественная борьба за национальную свободу и независимость монгольского народа была встречена враждебно реакционными силами. Вообще, то, каким образом решалась судьба монголов на тот момент истории, имело политическое значение. И если мы хотим найти научную истину, то нет иного пути как обмен мнениями светлых умов» [Там же].

В историческом сочинении «Монголия в XX веке», написанном в начале

1990-х гг., подчеркивается: «Невозможно молча обойти VIII Богдо Жавзандамбахутухту в вопросе о руководителе борьбы за независимость Монголии. Он хоть и был главой религии во Внешней Монголии, его почитали как буддийского учителя всей монгольской нации, верующей в буддизм. С конца XIX века, когда начали в Монголии внедрять «новую политику власти» империи Цин, которой оказали противодействие: внедрение этих мер считалось равнозначным утрате «коренных традиций монголов». Эти «коренные традиции» хоть и призваны защитить прежние, т. е. не допустить утраты монгольского хозяйства, языка и культуры, обычаев и традиций, национальных специфических особенностей и религии, но и более того, не упустить другим монгольские земли. И потому причина, по которой намеревались вернуть независимость Монголии, смогла получить горячую общественную поддержку. Понятно, что на Богдо-гэгэна по этой позиции оказывали влияние его придворные министры и близкие монголы» [36, с. 8]. Полагаю, что такие оценки деятельности Богдо-хана свидетельствуют об эволюции монгольской историографии.

Монгольский ученый Т. Төмөрхүлэг в 1990 г. писал: «В современной истории Монголии халхаский VIII Жавзандамбахутухта является одним из тех, кому перемывали косточки и порочили как борца с религией. Об этом гэгэне написано в книгах, если послушать стариков, то он был не беспомощным и глупым, а был бодрым и умным, не трусливым, а решительным, нетерпеливым и жил по своей воле» [33].

Корейский монголовед Ли Пен Ре в диссертации на тему «Исследование истории провозглашения национальной независимости Монголии в 1911 году», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук, дает следующую оценку деятельности Богдо: «Глава основной религии, в которую

верят практически все монголы, Богдо Жавзандамба стал во главе Монгольского государства. В период маньчжурской власти, во время единого сопротивления многие монголы разных местностей стали гражданами одной страны и у них появилась возможность верить. Для фактической реализации этого Монгольское государство должно было сыграть свою главную роль. Монгольские феодалы и высшее духовенство с самого начала провозгласили независимость Монголии и, намереваясь возвести Жавзандамбу либо главой государства, либо на престол императора, сочетающего власть над религией и государством, осуществили свой план. Другими словами, возведение его на престол хана не является совершенно чем-то неожиданным» [25].

Доктор С. Ичинноров в своем докладе на научной конференции, посвященной 120-летию сайнноен-хана Намнансурэна, отмечал: «Возведение VIII Богдо на ханство Монголии обусловлено большим влиянием его имени: во-первых, одним из первых инициаторов вопроса устранения господства Маньчжурской империи и установления независимости Монголии является Богдо-гэгэн. Во-вторых, он считается 8-м перерождением первого Богдо рода Чингисхана. В-третьих, при объединении монгольских народов среди большинства верующих он прослыл как живой Будда» [23]. На научной конференции «Национальная революция 1911 года и VIII Богдо Жавзандамбахутухта», организованной Монгольским госуниверситетом, в докладе академика Ж. Болдбаатара «Роль VIII Богдо Жавзандамба-хутухты в истории Монгольского государства» представлена следующая периодизация жизни и деятельности Богдо-гэгэна:

1. Детство и молодость и формирование взглядов хутухты (1870–1900).
2. Предводитель национально-освободительной революции (1900–1911).

3. Возведение на престол абсолютного монарха, сочетающего религиозную и государственную власть в Монголии (1911–1919).

4. Возведение на престол конституционного монарха Монголии (1921–1924).

Комментируя процесс возведения Богдо Жавзандамба-хутухты ханом Монголии в 1911 г., Болдбаатар отмечал: «Он является одним из первых предводителей событий национальной революции, как глава буддийской религии в Монголии он также принял участие в этой революции с позиций духовного предводителя большого числа верующих, он причислялся к Золотому роду как перерождение ундур-гэгэна Занабазара – потомка Чингис-хана» [17].

С 1911 г. VIII Богдо Жавзандамба-хутухта сочетал государственную и религиозную власть в Монголии, в период 1921–1924 гг. был провозглашен конституционным монархом, а не стало его 20 мая 1924 г. После кончины Богдо-хана в течение 21 дня в стране был объявлен траур. В это время лекари-ламы со специальным образованием мумифицировали тело Богдо солью и, украсив золотом и серебром, поднесли монастырю Гандан [11, р. 97].

3 апреля 1925 г. Народное правительство аннулировало администрацию Богдо и создало самостоятельную административную структуру. Вскоре на 4-м Большом собрании МНРП было принято решение конфисковать казну Богдо-хана и передать в ведение государства [27]. По статистическим данным 1924 г., из числа находящегося в ведении храмов скота (2 912 520 голов) непосредственно у Богдо Жавзандамбы было 902 тыс. голов.

Имеются сведения о том, что перевозили из дворца библиотеку, собранную самим Богдо-ханом, на нескольких десятках повозок. В ней были не только буддийские религиозные книги на тибетском и монгольском языках, но и мировая художественная литература. Было очень

много интересных сочинений, переведенных монголоведами, маньчжуроведами и китаистами, таких как «Письмо о мирной политике», «Грамота холодных гор», «Словарь маньчжуро-монгольских слов, написанный ханом», «История Танской империи», «Тетрадь трех государств» и т. д.

Кроме устных преданий среди монгольского народа о простой жизни Богдо, у монголов мало оставлено письменных фактов. Но работавший в Государственном центральном музее Дэндэв в своих воспоминаниях пишет: «Наступил 1911 год, и образовалась автономная Монголия. Когда VIII Богдо Жавзандамба стал ханом, появилось министерство, призванное помогать религии и государству, где я стал писарем. С тех пор я сочинял письма для отправки в разные стороны, вплоть до составления ходатайств к императору Богдо. Когда я стал работать на печатной машине, я издал сочинение Лайшин хубилгана. За издание этой книги Богдо наградил меня 20 серебряными тугриками» [38]. Возможно, это единственный сохранившийся документ, отражающий отношение Богдо к своим подчиненным.

Оценку вклада Богдо Жавзандамбана в становление независимости Монголии давали многие монгольские и зарубежные ученые. Еще 15 декабря 1913 г. в письме В. Котвичу Р. Бимбаев пишет: «Патриоты Монголии во главе с Богдо...» [18, с. 284]. Ученый Ш. Нацагдорж пишет: «Если из 8 приглашенных в Халху хутухт имя первого хутухты Ундур-гэгэна связано с утратой независимости Монголии, то его последний, восьмой преемник, имя которого Богдо, связано с борьбой за восстановление независимости Халхи. Однако те, кто добился обособления от маньчжуров и китайцев, были на самом деле не только Жавзандамба-хутухта, а также выше-названные четыре халхаских хана, но и имевшие в то время влияние в Монголии несколько лам, феодалов и некоторые

чиновники Внутренней Монголии. Это, например, ван Тушэтхановского аймака Ханддорж, приближенный к Богдо да-ламе Цэрэнчимэд, чиновник из Внутренней Монголии Хайсан и другие люди» [30]. Ученый Л. Жамсран подтвердил это словами: «Полностью обосновано» [20, с. 173]. Развивая эту идею, он пишет: «Выйдя из-под правления империи Цин, Богдо Жавзандамба-хутухта и монголы сыграли важную роль в национально-освободительном движении для восстановления независимости, а то, что он стал идеологом и политическим лидером, не только его инициатива и усилие. Существует толкование, что Ханддорж, Цэрэнчимэд, Чагдаржав и другие деятели в борьбе за восстановление независимости Монгольского государства привлекли его к себе и возвели для того, чтобы использовать его имя и уважение» [Там же, с. 176–177]. Действительно, если сравнить положение монгольских феодалов, находившихся в то время под влиянием маньчжуров, а также авторитетное и самостоятельное положение и влияние главы буддийской религии VIII Богдо Жавзандамбы, то видно, что у него было больше возможностей и условий инициировать движение национального масштаба, руководить им и его организовать. Помимо того, что Богдо сумел хорошо и дальновидно воспользоваться этой возможностью, он смог все время находиться на вершине борьбы за национальную независимость Монголии и стать ее лидером [13].

О Богдо в зарубежных трудах по истории

Чиновник по особым вопросам хабаровского генерал-губернатора, граф Альфред Кайзерлинг (1861–1939) в своих воспоминаниях [6] рассказывает интересную историю о Хутухте: «Урга располагается в местности, где находится резиденция Хутухты – живого Будды на Востоке. Какова роль Лхасы в

Тибете, такую же роль ожидали от Урги в Монголии. Хутухте выражали божественное почтение, подобное тому, какое выказывают Далай-ламе. Достигнув совершеннолетия, он направился во дворец в Пекине выразить почтение императору, а также ему необходимо было благословиться в местных буддийских храмах. Правительство Пекина боялось влияния совершеннолетних и самостоятельных хутухт, и потому, главным образом на обратном пути из Пекина в Ургу, благословившиеся хутухты неожиданно умирали, а на их место ставили перерожденцев. Как только этот хутухта достиг совершеннолетия, он тоже должен был направиться в Пекин, однако он не попал под давление Пекина и своего окружения и под разными предлогами откладывал путешествие. В Урге у него было мало опасностей, да и Пекин не решался его убить. Он благосклонно относился к России и надеялся на то, что Россия ему поможет в случае ухудшения отношений с Пекином. С целью укрепления дружбы между Россией и Монголией барон Корф командировал меня в Ургу». Когда он отправлялся в Ургу, Пандита Хамбо-лама Бурятия выразил желание отправиться туда вместе с ламами. Они прибыли в Ургу ламским уртоном. Кайзерлинг вспоминает: «Когда мы поднимались по лестнице, по обеим сторонам стояли в ряд лама. Наверху ждал нас красиво одетый по-тибетски молодой человек 18 лет. Он полный доверия поприветствовал нас и пригласил присесть. Я вручил ему частное приветствие от барона Корфа с украшенным вязью императорским именем, ставшим символом. Хутухта прошептал к львиному престолу из благородного тюфяка и посадил меня на диван на противоположной стороне. Нас напоили китайским чаем на золотом подносе. И между нами пошла теплая беседа. В это время я развернул подарок, специально привезенный хутухте, и решил поднести ему. Кроме того, что хутухте особенно понравился телефон, еще больше понрав-

вилась музыкальная шкатулка. Помимо того, что он посмотрел в действии телефон, хутухта очень обрадовался, когда завели музыкальную шкатулку. Хутухта прослушав одну короткую мелодию, звонко рассмеялся, сказав, что как будто лошадь скачет. Он велел своему ученику эту песню переложить на монгольский язык, но, в то же время, его душа жаждала слышать содержание песни и на родном языке».

Граф Альфред Кайзерлинг присутствовал на приеме у хутухты на следующий день, беседовал с ним о делах, играя в шахматы, о чем вспоминает: «Когда я сообщил, что я по заданию барона Корфа по вопросу необходимости сближения Монголии и России по торговому пути, все присутствующие там поддержали». Хутухта спросил, играет ли он в шахматы, и, более того, выразил желание сыграть. «В это время верующие по одному сзади подползали к хутухте и получали благословение, а Хутухта благословлял даже шахматными фигурами, которые держал в руках. В то же время он удивил меня тем, что напевал мелодию той музыки, которую услышал вчера. И так, под музыку вальса Штрауса, благословляя свой народ, он поставил моему королю шах и мат. Удовлетворенный встречей с хутухтой, я поблагодарил его за прием и отправился домой» [6]. Из этих воспоминаний можно вывести, насколько самостоятельным, свободным и дальновидным был Богдо Жавзандамба, как давно он вынашивал идею сблизиться с Россией. А его любовь к игре в шахматы лишь соответствующим образом дополняла его интеллектуальное развитие.

Приезжавший из Америки Ларсон отметил, что Богдо – доброжелательный человек. Временно поверенный из Франции де Панафие, находившийся в Санкт-Петербурге, на основе данных (информации) МИДа России 8 декабря 1911 г. предоставил сведения своему министру иностранных дел де Сельвту: «Сегодняшнюю Монголию возглавляет

высшее божество и учитель этой нации – Хутухта» [43, с. 158]. Французская газета «Франкфуртер цайтунг» в январском номере 10 за 1912 г. отмечала: «Причиной кризиса в Монголии является то, что китайские последние императоры не смогли скрыть свое недовольство Хутухтой – главой религии данной страны, для того, чтобы управлять делами своей страны. Хутухта обратился к России, и он же, как и тибетский Далай-лама, возглавил и повел за собой группу людей, которые были против полновластного положения Китая» [Там же, с. 172]. «Этот второй живой Будда, полагаясь на себя, подпитывает свою душу ложными идеями. Хутухта довольно преклонного возраста, и это человек, которому нравится алкоголь и другие удовольствия мира, не соответствующие религии» [Там же].

Однако американский исследователь Е. Т. Williams пишет о Богдо-хане следующее: «Хутухта является живым божеством третьего ранга после Далай-ламы и Эрдэнэ ванчин-ламы» [34] и приводит сведения о том, что в Тибете, Монголии и Китае в целом насчитывается 160 хутухт. В ведении хутухты из Урги находится 25 тысяч лам и 150 тысяч хуваракон.

Богдо-хан Жавзандамба-хутухта стремился объединить всех монголов в возрожденной независимой Монголии и поэтому своим указом призвал монголов Внутренней и Внешней Монголии объединиться и образовать единое государство. Из 49 хошунов Внутренней Монголии 38 изъявили готовность войти в состав Монголии [39]. Ф. Москвитин описывает это положение в письме В. Л. Котвичу от 19 марта 1912 г. следующим образом: «Вероятно, Вы хорошо знаете о том, что феодалы Внутренней Монголии стремятся к объединению с Халхой. Это объясняется их расчетом получить поддержку России посредством Хутухты. Однако наше правительство решило оказывать поддержку только Халхе. С другой стороны, им трудно дать отрицательный ответ Хутухте на его

призыв к объединению с Халхой. Чтобы выйти из создавшегося положения, необходимо поднять шумиху в прессе по монгольскому вопросу. России выгоднее иметь отношение с объединенной Монголией, нежели с малонаселенной Халхой. Кроме того, для монголов выгоднее быть объединенными под китайским протекторатом, нежели жить разрозненно» [18, с. 181]. Цыбен Жамцарано в письме В. Котвичу от 19 марта 1912 г. отмечает: «Надежда на объединение всех монголов держится за пазухой» [Там же, с. 192].

Описывая положение правительства Богдо-гэгэна после монгольской национальной революции 1911 г., И. Я. Коростовец пишет: «Среди членов правительства Урги от Пекина появились противники». «Сам Хутухта решительно стоит за установление дружеских отношений с Россией, с нашей стороны его поддерживают ван Ханд, Намсарай, Тушэту-хан и ван Далай» [8, с. 315].

Находясь в Монголии, И. Я. Коростовец несколько раз встречался с Богдо-ханом, а две встречи ярко описал в своем дневнике: впервые это произошло 28 сентября 1912 г., «Хутухта осознает всю важность для Монголии дружеских отношений с Россией»; «Двусторонние отношения важны для защиты независимого положения Монголии от притязаний других стран»; «Поэтому нашим министрам следует серьезно рассмотреть и не оттягивать обсуждение условий договора с вами» [7]. Следующая встреча Коростовца с Богдо-ханом прошла 28 апреля 1913 г. в очень искренней и дружеской атмосфере. Богдо-хан сказал тогда: «Я выражаю желание тесно сотрудничать с Россией и подтверждаю это своей деятельностью». Он благодарил российского императора за помощь и поддержку Монголии.

После этой встречи И. Я. Коростовец писал: «Я называл его император, потому что все монголы так его превозносят. Он человек с определенными взглядами,

со своим характером»; «Богдо возглавил народ и был в почете, его влияние и уважение среди народа велико, поскольку народ по-настоящему считает его хубилганом, и в этом и сильная, и слабая стороны» [Там же]. Коростовец отмечал, что Богдо-хан изначально был честным в вопросе установления отношений с Россией.

Оуэн Латтимор в своей книге «Кочевники и революционеры» констатировал: «Если говорить о том, чего же хотели монголы в 1911 году, то выходит, что они хотели полной независимости. Восстав против Маньчжурской империи, они связали Монголию и Китай, и эту связь пытались представить как искусственную» [24, с. 45]. О том, как после свержения маньчжурского правительства в 1911 г. возвели VIII Богдо Жавзандамбу, он писал следующее: «После свержения маньчжурского правительства, из-за зависти среди ванов и гунов никого из них невозможно было выдвинуть на главу государства. Поэтому эту роль возложили на главу государственной буддийской религии Жавзандамба-хутухту, или живого Будду Урги. Поскольку он тибетского происхождения, то у него ни с кем не было родственных связей из среды потомственных аристократов. Он был возведен на престол императора, и по древней традиции его стали называть «Многими возведенный», а период правления (летоисчисление — он тооллоо) — как историческое подтверждение признания. Хоть ламы и должны быть холостыми, однако более того, после приглашения его на пост главы государства его супруге дали титул дакини государства. Такое двойственное положение никого сильно не беспокоило, и это можно сравнивать с Европой времен Медичи» [24, с. 46]. Далее он пишет: «Монгол сможет прожить с оружием в руках, имея свой или скот других людей и преодолевая перевалы. Считалось, что лучше быть хоть и бедным, но свободным от рабства» [Там же, с. 45]. «Я постоянно думаю,

что марксистские авторы при изучении восстаний не до конца продумали различие между скотоводами, следующими за своим скотом, и земледельцами, привязанными к земле» [Там же, с. 48]. Он особенно отмечал, что идея изучения вопроса борьбы за национальную свободу и независимость монголов на самом деле достойна внимания.

В сочинении Оуэна Латтимора встречается один важный момент, имеющий непосредственную связь с современным монголоведением – это отношения между внешними и внутренними монголами, баргутами и бурятами. Он пишет: «Монголы сами, а также Богдо-гэгэн, придерживающиеся национальных взглядов Бурятии и Внутренней Монголии, остерегались объединения под лозунгом «Вся Монголия» [Там же, с. 50]. Поэтому «в течение многих столетий стало традицией думать о самих бурятах и внутренних монголах, что они «не совсем монголы» или, по меньшей мере, «немного другие монголы». И этими словами выражена идея монголов Внешней Монголии» [Там же]. Раскрывая причины такого положения дел, О. Латтимор пишет: «Маньчжуры захватили Внешнюю Монголию, следуя через Внутреннюю Монголию, и после присоединения к своей империи использовали войска Внутренней Монголии. После этого монголы Внешней Монголии стали постоянно опасаться, когда заходила речь об объединении с кем-либо извне, и бдительно относиться к идее объединения всей Монголии» [Там же].

Некоторые китайские ученые отзываются о национальной революции Монголии начала XX в. и ее предводителе Богдо-хане несколько мягче и душевнее. Так, Ургэдэй Тайбун пишет: «Никак нельзя не думать о государственной тенденции или, иначе, об изменении представлений Жавзандамба-хутухты в Халха-Монголии» [40]. «Государственные взгляды 8 образа Жавзандамба-хутухты стали формироваться с конца XIX века.

Влияние на общество «новой политики», утвержденной государством Цин в отношении Монголии, оказалось большим, и государственные воззрения Богдо-гэгэна стали подниматься на новую ступень». «... и если мы сейчас постараемся на один шаг вперед глубоко мыслить, то в то время Далай-лама эмигрирует, а то, что происходит, имеет особое значение для Жавзандамба-хутухты. Вслед за политическим ослаблением государства Цин обострилась ситуация с Далай-ламой, что Жавзандамба-хутухта глубоко осознал: что если он не продумает свой путь становления, то религия и государство, родные края и территории – все это непременно погибнет» [Там же, с. 56].

Однако ученый Ургэдэй Тайбун уклонился от оценки деятельности Богдо-хана и ограничился комментарием о том, что «монгольское национально-освободительное движение перешло на новую ступень, и провозглашение независимости Монголии стало результатом их собственного исторического развития и нового современного национального движения. Его основное направление – это возрождение Монгольского государства по образу империи Богдо-хана» [Там же, с. 318]. То есть, со стороны китайских ученых налицо проявление тенденции как можно более реалистично относиться к истории Монголии начала XX в. и биографии Богдо-хана.

Осознавая положение Монголии, ее администрации и законов в маньчжурский период, VIII Богдо Жавзандамба-хутухта заранее подготовил сценарий национальной революции 1911 г. и смог его успешно претворить в жизнь. Более того, без разрешения Богдо никто не мог сделать и шага, вплоть до того, что в 1911 г. даже сборы феодалов в Урге не проходили без благословения Богдо, о чем не раз отмечалось в документах. Когда в 1895 и 1900 гг. Богдо Жавзандамба-хутухта тайно отправлял в Россию послов, он совершенно не колебался и, более того, решил организовать в 1911 г. под видом про-

цесса подношения Богдо тайный совет феодалов. Вместе с четырьмя халхаскими ханами он написал письмо императору России и отправил тайно послов и представителей во главе с Ханддоржем, что является очередным показателем последовательных, непреклонных и решительных мыслей Богдо Жавзандамба-хутухты. Проживавший в Урге российский консул неоднократно отмечал решительность Богдо Жавзандамба-хутухты, ставшего опорой для монгольских феодалов.

С другой стороны, возможно, стоит особо отметить непосредственное влияние буддийской религии, которая использовалась когда-то для подавления гордого нрава монголов, а в начале XX в. целеустремленно объединяла монголов для борьбы за национальную независимость и сделала главу религии Богдо-гэгэна руководителем революции. После возведения на престол хана Монгольского государства Богдо Жавзандамба каждый год в первый день Белого месяца посещал вместе с матерью-дакиней ставку Автай сайн хана, отца Гомбодоржа Тушэт-хана и возжигал огонь, что, возможно, является показателем сохранения традиций Монгольского государства. Как известно, этому способствовали и феодалы Золотого рода, крупные чиновники государства, а Богдо-хан, возможно, это поддерживал, поскольку был человеком с рождения умным и восприимчивым.

Выводы

В 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости, что и стало началом новой эпохи в истории монголов. Возведение VIII Богдо Жавзандамба-хутухты на престол хана стало признаком становления самостоятельного государства монгольской нации и выражением уверенности и почтения большого числа монголов. С возведением Богдо Жавзандамба-хутухты на львиный престол императора

Монголии ему дали государственный титул Монгол и знаковое имя – титул «Многими возведенный», Их-Хурэ переименовали в Нийслэл-Хурэ, и, таким образом, началась новая история возрожденной Монголии на Азиатском континенте в начале XX в.

Итак, VIII Богдо Жавзандамба-хутухта стал человеком, который пришелся по душе большому числу монголов и обрел успех как один из инициаторов, а также организатор и руководитель национальной революции Монголии 1911 г.

Находившийся в Урге генеральный консул России В. Ф. Люба в январском сообщении 1912 г., направленном в С.-Петербург, отмечал: «Без какого-либо сомнения, роль предводителя процесса, который привел Монголию к сегодняшней свободе, принадлежит Хутухте. Если когда-то и будут писать историю последних лет Монголии, стоит отметить с благодарностью смелую и решительную инициативу VIII Богдо-гэгэна, самого бесстрашного и умного в истории, который отважился не только думать об этом, но и осуществил это дело. Несомненно, человеком, который возглавил это дело и обеспечил Монголию нынешней свободой, является Хутухта» [3; 1, д. 316]. И это в действительности отражает правду.

Если в 1911 г. Богдо Жавзандамба-хутухта смог стать высшим религиозным идиолом монгольской нации, то после национальной революции он стал настоящим религиозным и государственным руководителем и императором монголов. Он возродил монголов и стал отцом национальной революции. Полагаю, что это самое значительное историческое событие, произошедшее в жизни монголов за последние 300 лет. Думаю, что будет правильно, если рассматривать это событие как день возрождения очага государственности, установленной ранее монгольским императором Чингисом. Основной причиной успешности национальной революции 1911 г. является объединение всех монгольских родов

национальной идеей, сплочение вокруг главы буддийской религии ради одной единой цели, что привело к историческому успеху. Не будет лишним здесь сказать, что исторические события, которые происходили в течение XX столетия в Монголии после революции, имеют непосредственную связь с возрожденным в 1911 г. монгольским государством.

Национальная революция 1911 г. должна закономерно занять особое и важное место в жизни монголов, ибо она возродила монгольский очаг, заложила основу для дальнейшего существования и развития монгольской нации, национальных традиций, обычаев, культуры.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Китайский стол 143», оп. 491.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1, оп. 1, д. 3292.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 892, оп. 3, ед.хр. 127, л. 1.
4. Донесение русского консула в Урге Шишмарева о положении Монголии, июль 1885 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии Военно-ученого комитета Главного штаба. Вып. 22. – СПб., 1886. – С. 154–160.
5. *Единархова Н. Е.* Русский консул в Монголии. – Иркутск, 2001.
6. *Кайзерлинг А.* Воспоминания о русской службе. – М.: Академкнига, 2001.
7. *Коростовец И. Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии: август 1912 – май 1913 г. / сост. О. Батсайхан; ред. О. Батсайхан, О. Бакич, Н. Тацуо. – УБ., 2009.
8. *Коростовец И. Я.* От Чингис-хана до Советской республики / Отв. ред. О. Батсайхан; ред. Б. В. Базаров, В. Ц. Ганжуров. – УБ., 2004. – С. 315.
9. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства. – СПб., 1886.
10. *Баабар.* XX зууны Монгол: Нүүдэл суудал. – УБ., 1996. – 130 дахь тал.
11. *Barkmann U. B.* Geschichte der Mongolei. – Bonn, 1999. – P. 97.
12. *Бата Д.* Шашин, түүнийг Монголд зохицуулсан нь (1924–1997). – УБ., 1998. – 37 дахь тал.
13. *Батсайхан О.* Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богдо Жавзандамба хутагт. – УБ., 2008.
14. *Батсайхан О.* 1911 оны үндэсний хувьсгал ба Монголын сүүлчийн эзэн хаан Богдо Жавзандамба хутагт. – УБ., 2008.
15. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын Түүх, нэмж, засварласан гурав дахь хэвлэл. – УБ., 1984. – 392 дахь тал.
16. *Болд Р.* Монголын тусгаар тогтнолын талаарх АНУ-ын үзэл хандлага, байр суурь, бодлого (1910–1973): сэдэвт докторын диссертаци. – 2007. – 24 дэх тал.
17. *Болдбаатар Ж.* «Монгол Улсын түүхэнд Наймдугаар Богдо Живзундамба хутагтын гүйцэтгэсэн үүрэг» – МУИС-аас зохион байгуулсан «1911 оны үндэсний хувьсгал ба 19. Наймдугаар Богдо Жавзандамба хутагт» эрдэм шинжилгээний бага хуралд тавьсан илтгэл. 2007 оны 5 дугаар сарын 23.
18. В. Котвичийн хувийн архиваас олдсон Монголын түүхэнд хол Богдох зарим бичиг. Судлан хэвлүүлсэн акад. Б. Ширэндэв, эрхэлсэн акад. Ш. Нацагдорж. – УБ., 1972. – 284 дэх тал.
19. *Дэндэв Л.* XX зууны Монголын түүхийн эх сурвалж (1911–1921). – УБ., 2003. – 25 дахь тал.
20. *Жамсран Л.* Монгол чуудын сэргэн мандалтын эхэн. – УБ., 1992. – 173 дахь тал.

21. *Жамсран Л.* Шашин төрийн хослон баригч Богдо Жавзандамба хутагт хаан // Монголчуудын сэргэн мандалтын эхэн. – УБ., 1992. – 158–184 дэх тал.
22. *Иошинноров С., Цэрэндорж Г.* Жавзандамба Агваан лувсан чойжи ннямдан занван чигбал самбуу // Үнэн сонин. – 1990. – 6-дугаар сарны 16, дугаар 143.
23. *Ичинноров С.* Монгол улсын тусгаар тогтнол, сэргэн мандалтад анхны ерөнхий сайд Т. Намнансүрэнгийн эзлэх байр суурь – Богдо хаант Монгол Улсын анхны Ерөнхий сайд Сайн ноён хан Төгс Очирын Намнансүрэн. Мэндэлсний нь 120 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – УБ., 1998. – 8 дахь тал.
24. *Латтимор О.* Нүүдэлчид ба хувьсгалчид. – УБ., 1994. – 45 дахь тал.
25. *Ли Пен Ре* «1911 онд Монголын үндэсний тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан түүхийг нэхэн шинжлэхүй» түүхийн ухааны докторын зэрэг горилж бичсэн диссертации. – УБ., 1996.
26. *Лонжид З.* Богдо гэгээнтэн Орос улсаас хэдэн удаа тусламж хүссэн бэ. Монгол Улсын Их сургуулийн Нийгмийн шинжлэх ухааны сургуулийн Эрдэм шинжилгээний бичиг. Түүх 6. – УБ., 2007. – 70 дахь тал.
27. МАХН-ын дөрөвдүгээр их хурал. Баримт бичгийн эмхтгэл. – УБ., 1980.
28. Монгол Ардын Хувьсгалт Намын товч түүх. – УБ., 1985, нэмж засварласан гурав дахь хэвлэл, 85 дахь тал.
29. *Навааннамжил Г.* Гадаад Монголын автономит үеийн түүх, гар бичмэл. Улсын нийтийн номын сан, 81 дэх тал.
30. *Нацагдорж Ш.* Халхын түүх. – УБ., 1963. – 266–267 дахь тал.
31. *Пунцагноров Ц.* Монголын автономит үеийн түүх. – УБ., 1955. – 105 дахь тал.
32. *Сандаг Ш.* Монгол улс төрийн гадаад харилцаа. Тэргүүн дэвтэр. – УБ., 1971. – 274 дэх тал.
33. *Төмөрхүлэг Т.* Наймдугаар Жавзандамба хутагт ямар хүн байв. Утга зохиол урлаг, 1990 оны 4-дүгээр сарын 6-ны дугаар.
34. The American Journal of International Law. – Vol. 10. – № 4 (Oct., 1916). – P. 798–808.
35. *Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г.* Монгол Ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх. Хоёр дахь удаагийн хэвлэл. – УБ., 1979. – 25 дахь тал.
36. Хорьдугаар зууны Монгол // Түүхийн тойм. проф. М. Санждорж нарын бүтээл. – УБ., 1998, Эрдэм хэвлэлийн компани. – 8 дахь тал.
37. Өлзийтийн Бадрах. Намаас баруун бөөрөнхийчүүд лүгээ тэмцсэн амжилттай их тэмцлийн туршалга. Шинэ үсэгт буулгаж, хэвлэлд бэлтгэн, тайлбар хийсэн. Чунт. Болдбаатар, Сорон Сүхбаатар. – УБ., 2001. – 175 дахь тал.
38. Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал. – УБ., 1961. – 7 дахь тал.
39. Өргөдэй Тайван /Tai-Ping/. Үхэр жилийн үймээний гэрэл ба сүүдэр. Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 2006 он.
40. Өргөдэй Тайбун. Хорьдугаар зууны эхний Өвөр Монголын улс төрийн хувьсалтын түүх.
41. Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал. – УБ., 1961. – 7 дахь тал.
42. Өргөдэй Тайбун. Хорьдугаар зууны эхний Өвөр Монголын улс төрийн хувьсалтын түүх. Үхэр жилийн үймээний гэрэл ба сүүдэр. Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо. – 2006. – 9 дэх тал.
43. Франц болон бусад гадаад хэлээрх Монголын түүхийн холбогдолтой баримт бичгийн эмхтгэл // эмхтгэн орчуулсан Т. Төмөрхүлэг. – УБ., 2006. – 158 дахь тал.

УДК 94(517)

Ч. Дашдаваа

РОЛЬ БУРЯТСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В МОНГОЛИИ

Рассматривается роль бурятских демократов в монгольской революции, становлении системы буржуазно-демократической власти в 1921–1928 гг. Дается негативная оценка деятельности Исполкома Коминтерна, приведшая к «государственному перевороту» в Монголии.

Ключевые слова: Монголия, революция 1921 г., бурятские демократы, Монгольская народная партия, Коминтерн.

Ch. Dashdavaa

THE ROLE OF BURYAT FIGURES IN THE DEMOCRATIC TRANSFORMATIONS IN MONGOLIA

The article considers the role of Buryat democrats in the Mongolian revolution and in the making of a bourgeois-democratic power system in 1921–1928. The activity of the Executive Committee of the Comintern, which led to a "coup d'état" in Mongolia is negatively assessed.

Key words: Mongolia, the 1921 revolution, Buryat democrats, Mongolian Peoples' Party, Comintern.

В течение последних двух десятилетий были обстоятельно изучены вопросы участия бурятских национальных демократов в Монгольской революции 1921 г. и демократических преобразованиях новой Монголии. Тем не менее, вопросы характера монгольской революции и основных направлений и итогов буржуазно-демократических преобразований, которые были осуществлены в 1921–1928 гг., а также вопросы государственного переворота в Монголии, «монгольского коммунизма» и его последствий, участия бурятской национальной интеллигенции в монгольских делах остаются важнейшей проблемой, требующей углубленного исследования.

С того времени, когда представители Монгольской народной партии (МНП) прибыли в Советскую Россию с просьбой о предоставлении помощи в национально-освободительной борьбе монгольского народа, бурятские наци-

ональные демократы установили дружеские связи с ними и стали оказывать различную помощь и поддержку. Среди них были Цыбен Жамцарано, Цэдэн-Иш Дашбалын (Гочитский), Балмасу Цэрэнэй, Сандагдорж Жамбалон, Бадмажав Цэдэнэй, Элбэгдорж Ринчино, Эрдэни Батухан и др. Пятеро из них стали участниками первого съезда МНП в 1921 г. Бурятские демократы очень хорошо знали суть революционных событий в Монголии, поэтому Ц. Жамцарано и другие принимали самое активное участие в подготовке документов съезда МНП и определении задач буржуазно-демократической революции в Монголии.

Нужно подчеркнуть, что на рубеже 1910–1920-х гг. XX в. в Монголии сложились объективные условия для развертывания буржуазно-демократической революции. После победы национально-освободительного движения в 1911 г. и провозглашения независимости нача-

лось обновление в общественной жизни страны. Однако в целом они не были направлены на преодоление ее средневековых устоев. Перед монгольским обществом ставилась неотложная задача – проведение буржуазно-демократических преобразований, которые могли вывести страну из глубокого средневековья. Поэтому во введении к воззванию «Ко всем гражданам Внешней Монголии от Монгольской народной партии» подчеркивалось: «... В свете нынешней эпохи положение нашей Монголии выглядит подобно Европе несколько сотен лет тому назад, где цари и короли держали народ в положении рабов и довольствовались своими привилегиями и титулами. Было время, когда духовные и светские боролись между собой за власть. Время это в истории Европы называлось феодальной эпохой. Феодалы те были подобным нашим ванам и гунам. Нынешнее положение (нашей) Монголии почти одинаково выглядит тому средневековью» [6, с. 45–46]. В этой связи была поставлена цель изменить положение страны с учетом того, что «Монголию нельзя сравнивать с сильными и культурными государствами, где развит капитализм» [Там же, с. 46]. Поэтому МНП поставила перед собой задачу смены средневековых порядков и обычаев и осуществления буржуазно-демократических преобразований в стране.

В воззвании говорилось, что при осуществлении двух основных задач – утверждения власти народа и создания на этой основе государства «...партия будет действовать как партия отмены старых порядков» [Там же, с. 48]. Свое понимание роли партии в предстоящих преобразованиях (Бошгиг халах) руководство МНП четко сформулировало в «Письме ургинским товарищам»: «...бошиг является то, что установлено небом и землей. Поэтому первое, что вышло из них, не имеет над собою власти. И только впоследствии, когда Махасамади стал царем, впервые была нарушена власть

неба. Поэтому друг за другом выходили вторая и третья революционные партии, и смена старого и применение нового стали мировым порядком» [Там же, с. 76]. Под второй партией участники съезда подразумевали буржуазно-демократическую партию, а под третьей – коммунистическую. МНП относилась к второй партии. В том же письме сказано, что «при осуществлении поставленных задач в своей деятельности МНП намерена действовать как вторая партия», т. е. буржуазно-демократическая [Там же, с. 77]. Именно поэтому МНП выдвинула задачи буржуазно-демократической революции.

В связи с этим следует отметить, что коминтерновские работники не случайно отнесли МНП к буржуазной партии, что соответствовало политическому положению в стране. И, действительно, нельзя не учитывать, что большую часть монгольского населения представляли скотоводы, т. е. мелкая буржуазия. Монгольские скотоводы были такими же собственниками, какими были крестьяне в оседлой стране.

Говоря о типологии монгольской революции 1921 г., официальная марксистская историография Монголии представляла революцию 1921 г. как социалистическую. После перехода Монголии на путь демократического развития, т. е. после 1990-х гг., многие исследователи стали определять монгольскую революцию 1921 г. как национально-демократическую. Однако, на наш взгляд и это определение не может полностью раскрыть суть проблемы. Мы считаем, что революция 1921 г. в Монголии по своему характеру была буржуазно-демократической. Логическим продолжением этой революции было проведение реформ буржуазно-демократического характера, осуществленных во всех сферах общественной жизни Монголии с 1921 по 1928 г.

В результате реформы политической жизни общества было обеспече-

но равноправие всех граждан. В начале 1922 г. было отменено крепостное право. Государство обеспечивало право на свободу совести. Отношения между партией и правительством устанавливались на правовой основе. Для того, чтобы стал понятным тезис о демократическом характере политической жизни общества начала 20-х гг., сначала надо разобраться с устоявшимся утверждением о том, что III съезд МНП принял решение о некапиталистическом пути развития как генеральной линии партии. Надо сразу сказать, что это был миф, придуманный Э.-Д. Ринчино.

Следует отметить, что на съезде происходила ожесточенная борьба за лидерство в партии между С. Данзаном и Э.-Д. Ринчино, который объединился с Ц. Дамбадоржем. Э.-Д. Ринчино стремился укрепить свои позиции путем резкого изменения политики партии, но его попытка не увенчалась успехом. Съезд, председателем которого был С. Данзан, не принял его тезисы, где говорилось о том, что «конечная цель МНП – коммунизм, к этой цели партия идет, минуя стадию капиталистического развития» [5, с. 95].

Итоги работы III съезда позволяли С. Данзану и его сторонникам легко укрепить свою власть в партии, а после съезда – и власть в государстве. Оставались считанные часы до завершения съезда. В этих условиях Э.-Д. Ринчино и его сторонники встали на путь жесткого давления по отношению к своим политическим противникам. С помощью полномочного представителя Советской России они организовали арест С. Данзана и его единомышленников, которых сразу же казнили. После этого ими было сделано заявление, что С. Данзан и его сторонники являются врагами монгольской революции.

Говоря об Э.-Д. Ринчино, хотелось бы отметить, что утверждение японского профессора Футаки Хироши о том, что «Ринчино был архитектором новой Монголии» [2], к большому сожалению,

не соответствует действительности. Итоги первого Великого Народного хурала были естественным, закономерным результатом борьбы демократических сил самой Монголии. Великий народный хурал принял Конституцию страны, где Монголия объявлялась народной республикой, в которой высшая государственная власть принадлежит трудящемуся народу. Конституция предоставила гражданам Монголии равные права. Религия была объявлена добровольным делом верующих [1, с. 193].

Правда, по Конституции некоторые категории граждан лишались избирательных прав. Это было связано, прежде всего, с требованием буржуазно-демократических преобразований. Хорошо известно, что лишение избирательных прав по имущественному положению, полу и расовому признаку имело место в некоторых развитых странах Европы и Америки до 70-х гг. XX в. Поэтому Монгольская Конституция, несмотря на некоторые ограничения, все же обеспечивала избирательные права большинству граждан МНР.

Таким образом, в стране утвердилась демократическая власть, т. е. власть народа, которая осуществляла управление страной. Были созданы местные хуралы. Все это указывало на то, что в стране утвердилась представительная демократия.

В эти же годы в основном были решены задачи, связанные с формированием судебных органов. Были приняты меры, направленные на укрепление местных органов власти. И к концу 20-х гг. завершился процесс формирования новой политической системы в стране. Стали выполнять функции законодательной власти Великий и Малый народные хуралы, исполнительной – Правительство и его органы, судебной – Верховный суд и судебные учреждения. Эти буржуазно-демократические преобразования полностью соответствовали национальным интересам Монголии. На основе концепции документа «Основы экономической

политики» в стране формировалась система, которая способствовала экономическому подъему страны. Его основным показателем являлся рост поголовья скота. Если в 1924 г. поголовье скота в стране составляло 13,7 млн. голов, то в 1928 г. оно достигло 21,3 млн. Это было бесспорным успехом развития экономики Монголии. Лозунг «Обогащайтесь!» сыграл положительную роль в достижении социально-экономического прогресса страны и улучшении уровня жизни народа.

Крупные изменения произошли в духовной жизни общества. В 1926 г. был принят Закон об отделении церкви от государства, в соответствии с которым провозглашалась свобода вероисповедания. Формировался плюрализм.

Таким образом, в период 1921–1928 гг. в монгольском обществе произошли глубокие изменения. Во-первых, сформировалась новая политическая система в обществе и утвердилась форма представительной демократии, во-вторых, экономика страны ориентировалась на рыночные отношения, в-третьих, важным критерием последовательного развития Монголии по пути демократии явилось наличие плюрализма в обществе, т. е. в рассматриваемый период монгольское общество отличалось стабильностью как в политико-экономическом, так и в социально-психологическом отношении. Так, если экономический фактор стабилизации выразился в подъеме экономики страны и постепенном улучшении уровня материального благосостояния населения, то социально-психологический фактор определялся соблюдением членами общества норм и ценностей существующего строя.

Нужно подчеркнуть, что большинство бурятских национальных демократов не только поддерживали буржуазно-демократические преобразования в монгольском обществе, но и активно участвовали в их осуществлении. Эрденэ Батухан и Дугаржав Бадмын работали

министрами просвещения, Гочитский – председателем правления Монгольского кооператива, Даши Сампилон был советником Министерства народного хозяйства, Бадмажав Цэрэнэй стала одним из организаторов женского движения, Цогтбадмажапов работал в кооперативных и строительных организациях, а Цыбен Жамцарано был ученым секретарем Комитета наук Монголии. Ц. Жамцарано, Цогтбадмажапов, Цэдэн-Иш Гочитский в середине 1920-х гг. стали поданными Монгольского государства.

Заслуги бурятских деятелей чрезвычайно велики. Бурятские национальные демократы успешно трудились рука об руку с монголами на разных участках партийной, государственной, военной и хозяйственной деятельности. Оценка их деятельности и заслуг прекрасно иллюстрируют слова известного бурятского ученого Ш. Б. Чимитдоржиева: «Бурятских деятелей ценили в Монголии, прежде всего, за образованность, деловые качества, организаторские способности, преданность общему делу монгольских народов» [3].

Среди бурятской национальной интеллигенции были и коммунисты, такие как Амагаев, Нацов, Коняев и др., которые развернули активную деятельность по проведению в монгольскую жизнь решений Коминтерна и ВКП(б).

М. Амагаев, как представитель Коминтерна в Монголии, начал свою деятельность, направленную на большевизацию МНП, с образования левого крыла в партии, в результате чего в МНП возникли разногласия. ЦК партии считал, что разделение членов партии на городских и худонцев, т. е. на правых и левых, является вредным для укрепления единства партии. А что касается социалистического пути развития Монголии, то это дело будущего. Но ИККИ проигнорировал мнение руководства МНП и благодаря усилиям М. Амагаева Коминтерн инкриминировал монгольскому руководству правый уклон, отход от генеральной ли-

нии Коминтерна, проведение политики, направленной против Советского Союза.

Комиссия Коминтерна, в составе которой был М. Амагаев, на VII съезде МНРП непосредственно руководила свержением партийного и государственного руководства Монголии и приняла курс на построение социализма в Монголии. По своей сути это был «государственный переворот в Монголии», совершенный Коминтерном [4], переход от формировавшегося демократического облика власти к тоталитарному режиму, от защиты прав и интересов большинства граждан к господству только бедняцкой и батрацкой части общества, от формировавшихся рыночных экономических отношений к централизованной, плановой системе экономики, от идейного плюрализма к господству единственной революционной идеологии. Механизм утверждения тоталитарного режима от Коминтерна и ВКП(б) в Монголии включал как незаконные, насильственные методы, так и формально-демократические процедуры. «Государственный переворот в Монголии» явился переходом от эволюционного развития к революционному, т. е. от буржуазно-демократического преобразования к социалистическому строительству советского типа [Там же].

Таким образом, стало возможным непосредственное руководство со стороны Коминтерна строительством социализма в МНР. Уполномоченным представителем Коминтерна в Монголии был утвержден М. Амагаев.

За 3 года 6 месяцев (с конца 1928 г. до середины 1932 г.) была осуществлена конфискация имущества феодалов и монастырей, обобществлены средства производства путем коллективизации аратских хозяйств и ликвидации частных предпринимателей в сферах обслуживания, торговли и транспорта. Различные экономические и внеэкономические меры привели к ослаблению деятель-

ности иностранных фирм, введению государственной монополии на внешнюю торговлю страны. В пятилетний план были включены такие задачи, как переход аратских хозяйств к оседлости, выпуск средств производства внутри страны, обеспечение страны собственным хлебом за счет развития земледелия и т. д. Суть административных методов управления была доведена до абсурда. Важнейшие проблемы жизнеобеспечения страны стали решаться путем проведения различных кампаний, принудительных и насильственных мер.

Попытка Коминтерна осуществить строительство социализма в Монголии ввергла страну в глубокий кризис. Количество скота сократилось почти на 7 млн. голов. Страну охватил товарный голод, снизился уровень жизни народа, что привело к подрыву авторитета партии и государства среди народных масс. Социально-экономический кризис в короткий срок перерос в политический. Вооруженные восстания, в которых участвовали простые араты и ламы, охватили территории многих аймаков. Монголия находилась на пороге гражданской войны, и это означало, что стало необходимым изменение партийной и государственной политики.

Третий чрезвычайный пленум ЦК и ЦКК МНРП, состоявшийся в конце июня 1932 г., руководствуясь письмом ЦК ВКП(б), выявил политические ошибки МНРП и указал, что Монголия «может существовать лишь как буржуазно-демократическая республика нового типа». Партия, заявив об отказе от задачи построения социализма в Монголии, приняла целый ряд решений, направленных на выход страны из социально-экономического и политического кризиса и ввод страны в нормальное русло развития. Исторический процесс осуществления этих задач известен в истории Монголии под названием политики «нового поворота».

Литература

1. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. (Документы). – М., 1960.
2. Футаки Хироши. Элбэгдорж Ринчино гэж хэн бэ // Хэх толбо. – 1997. – 9-р сар. № 33.
3. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. – М., 1987.
4. Даидаваа Ч. Монгол дахь торийн эргэлт. – УБ., 2008.
5. Даидаваа Ч. Улаанту. – УБ., 2003.
6. МАХН-ын тогтоол, шийдвэр, баримт бичгууд. Т. 1. 1921–1928. – УБ., 1981.

УДК 94(517)+94(47)

Р. Болд

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ:
ПЕРЕСМОТР СТАТИСТИКИ

Доступ к архивам в результате демократизации общества позволил автору выявить новые – как российские, так и монгольские – статистические данные о событиях у р. Халхин-Гол.

Ключевые слова: боевые действия у р. Халхин-Гол, боевые потери сторон на р. Халхин-Гол, потери советских войск, потери японо-маньчжурских войск, потери японских самолетов, преувеличение японских потерь.

R. Bold

THE BATTLE OF KHALKHIN-GOL REVISITED:
REVISION OF THE STATISTICS

Access to archives as a result of democratization of the society gave the author a chance to unearth new Russian and Mongolian statistical data about the armed conflict on the river Khalkhin-Gol.

Key words: armed hostilities on the Khalkhin-Gol River, battle casualties of the combatants in the battle of Khalkhin-Gol, Soviet battle casualties, Japanese-Manchukuo battle casualties, Japanese air force combat losses, exaggeration of Japanese battle casualties.

Исследователи до сих пор пользуются разными, отличающимися друг от друга статистическими данными и фактами, характеризующими противоборствующие силы и средства участников боевых действий на р. Халхин-Гол, а также потери сторон. Это диктует необ-

ходимость приведения к единому знаменателю «множества исторических вопросов войны на Халхин-голе, ее итогов, последствий, ущерба сторон» [16]. Ученые Д. Гомбосурэн и С. Ганболд обстоятельно изучили и представили основную картину наличия живой силы, а также потерь

БОЛД Равдан – доктор исторических наук, посол Монголии в Австралии. Ранее последовательно занимал должности директора Главного разведывательного управления Монголии, посла Монголии в США, секретаря Совета национальной безопасности и директора Института стратегических исследований Монголии. E-mail: wash_mon_rb@yahoo.com.

Монгольской народно-революционной армии на Халхин-Голе [14].

С началом демократизации общества и благодаря большей доступности архивов в Российской Федерации вопросы о численности советских войск и их потерях становятся более определенными. Однако и советские, и современные российские историки, говоря о численности войск и потерях японской стороны, используют лишь собственные источники, между тем сведения российских источников сильно отличаются от японских. К тому же и в российской, и в японской историографии практически отсутствуют данные о живой силе и технике, а также о потерях войск Маньчжоу-Го, участвовавших в событиях у р. Халхин-Гол.

Для документального выяснения исторической правды очень важно, как отмечала исследователь Ч. Оюунчимэг, использование статистического метода, который она применяла при изучении боев у р. Халхин-Гол. Ч. Оюунчимэг отмечала, что источники противоборствующих сторон относительно соотношения сил и боевых потерь крайне противоречивы и очень мало возможностей их уточнить [15].

Майские бои

Советский исследователь С. Н. Шишкин в опубликованной в 1954 г. книге «Халхин-Гол» привел расчеты соотношения сил на май 1939 г.: у советско-монгольской стороны штыков – 668, всадников – 260, у японо-маньчжурской пехотинцев – 1676, всадников – 900. Таким образом, у японо-маньчжурской стороны преобладание в пехоте составило в 2,5 раза, в коннице – в 3,5 раза, по ПТО – почти в 2 раза [10, с. 16]. В сравнительных расчетах С. Н. Шишкин опирался только на советские источники и, очевидно, не имел возможности использовать монгольские источники. Участник боя 28 мая 1939 г. майор Быков, давая свидетельские показания на междуна-

родном военном суде в Токио, сообщил, что в его отряде было 1200 чел. и монгольская 6-я кавалерийская дивизия (далее КД) с 260 всадниками. Это дало основание С. Н. Шишкину рассматривать эти сведения как весь личный состав 6-й КД. Однако 260 всадников – это личный состав только одного полка 6-й КД. Он, учитывая личный состав отряда Быкова, в основном имел в виду подчиненный ему стрелково-пулеметный батальон, но не принял во внимание приданные ему артиллерийскую батарею, саперный взвод и броневзвод. А вот Д. Гомбосурэн эти три подразделения определил как 372 человека личного состава [13]. Российские и японские исследователи при определении советских сил и средств, участвовавших в майском бою, как правило, приводят данные из книги С. Н. Шишкина.

Академия наук СССР к 15-й годовщине победы в Великой Отечественной войне издала шесть томов «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», где впервые широко освещена история боевых действий у р. Халхин-Гол. Сведения о японских силах в майском бою совпадают с материалами С. Н. Шишкина. С 1974 г. под общей редакцией министра обороны СССР маршала А. Гречко начали выходить двенадцать томов «Истории Второй мировой войны», подготовленные советскими историками, где во втором томе описаны бои у Халхин-Гола под заголовком «Вооруженная защита государственных интересов СССР», в частности бой под Баянцагааном и майские бои.

Маршал Г. К. Жуков, опираясь на показания пленных японцев и баргутов, сделал вывод, что отряд под командованием полковника Ямагата, начавший майское наступление, насчитывал 1500–2000 чел. [1, ф. 37977, оп. 1, д. 51, л. 23]. По японским источникам, группировка Ямагата состояла из 64-го пехотного полка – 1058 чел., разведотряда Азума – 220 чел., транспортной части – 340 чел.,

других подразделений – 464 чел. – всего – 2082 чел. [Там же].

Таким образом, советские оценки в целом реальны. Войска Маньчжоу-Го, 8-й баргутский кавалерийский полк насчитывал 250 чел. [Там же, л. 14], 7-й кавалерийский полк – 250 чел., 1-й баргутский кавалерийский полк – 600 чел. [Там же, л. 22], т. е. всего 1100 чел. Если добавить к ним прибывшую 30 мая из г. Хайлар японскую подмогу – две роты и две артиллерийские батареи, то это дополнительно 336 чел. [Там же].

Таким образом, личный состав японо-маньчжурской стороны, не считая авиации, на 28–30 мая насчитывал 3,5 тыс. чел.

По утвержденному штатному расписанию личный состав 6-й КД должен был составлять 1756 чел., 17-й кавалерийский полк – 518 чел., 15-й кавалерийский полк – 551 чел., но только чуть больше половины получили пополнение.

Если учитывать, что части поддержки и обеспечения тоже не полностью укомплектованы, то 6-я кавдивизия в майском бою участвовала с личным составом около 1 тыс. чел. Доктор Д. Гомбосурэн писал, что личный состав 6-й кавдивизии в то время составлял 1257 чел. [13].

Есть основание считать, что уже на следующий день после японского наступления на рассвете 28 мая монголо-советские силы и средства обладали преимуществом [15]. Утром 28 мая личный состав сторон был примерно равен, а после полудня подоспел 149-й МСП, что сразу же дало весомое преимущество монголо-советской стороне.

С. Н. Шишкин писал, что 28–29 мая японская сторона понесла потери более 400 чел. [10, с. 18]. В «Истории Великой Отечественной войны» также говорится, что японцы потеряли убитыми в течение двух дней 400 солдат и офицеров [4, т. 1, с. 238]. Г. К. Жуков докладывал Б. Шапошникову 1 июня, что потери японцев и баргутов убитыми и ранены-

ми составили 300–400 чел. [1, ф. 37977, оп. 1, д. 37, л. 141]. А вот Чернышев сообщал Л. Мехлису в тот же день, что враг потерял не менее 500 чел., а из 25 пленных 13 были расстреляны бойцами Монгольской народно-революционной армии [Там же, л. 132]. Г. К. Жуков докладывал Б. Шапошникову 4 июня о потерях баргутских частей, составлявших до 250 убитых и раненых, а в целом 28–29 мая противник потерял убитыми и ранеными 511 чел. [Там же, л. 15]. Б. Шапошников 14 июня докладывал советскому Верховному главнокомандованию о результатах майской операции и сообщил, что во время боев погибли 111 советских бойцов, ранены – 176 чел., пропали без вести 18 чел., всего 305 чел., в 6-й кавалерийской дивизии Монгольской народно-революционной армии погибли 47 чел., ранены – 66, без вести пропали 6 – всего 119 чел., т. е. общие советско-монгольские потери составляли 424 чел. [1, ф. 33987, оп. 2, д. 1207, л. 12].

По японским источникам выходит, что группировка Ямагата за 28–29 мая имела потери в 64-м пехотном полку 118 чел., в отряде Азума – 139, в транспортной части – 24, в других подразделениях – 9 – всего 290 чел., из них убитыми – 159 чел., ранеными – 119, пропавшими без вести 12 чел. [18, р. 462]. Потери войск Маньчжоу-Го не ясны, но судя по оценке Г. К. Жукова, таковых было до 250 чел.

Таким образом, общие потери японских и маньчжурских войск составили 500–540 чел.

26 июня 1939 г. ТАСС наряду с опровержением заявлений ряда иностранных газет и японской печати, которые, начиная с 15 мая, утверждали, что «авиации и пехоте Монголии был нанесен значительный ущерб», впервые сообщило, что 28–29 мая японо-маньчжурская армия потеряла более 400 чел., в то время как среди личного состава Монгольской народно-революционной армии насчитывалось 70 раненых и 40 убитых.

Таким образом, в боях 28–29 мая у советско-монгольских войск потери были куда меньше, нежели у японо-маньчжурских.

Боевые действия в июле

С. Н. Шишкин, определяя соотношение сил на 2 июня 1939 г., сообщает, что у советско-монгольской стороны было 1100 штыков, 1000 сабель, 86 орудий калибра выше 76 мм, 23 ПТО, 186 танков, 266 бронемашин, а у японцев было 20 тысяч пехотинцев, 4700 сабель, 170 единиц артиллерии, включая 98 ПТО, 130 танков, 250 самолетов, т. е. вражеских сил по пехоте и артиллерии было больше в 2 раза, по коннице и ПТО – в 2–4 раза [10, с. 23]. Историк отметил, что японцы в этой боевой операции использовали лишь 80 танков [Там же, с. 24].

Советский историк Г. Н. Севостьянов в 1957 г. писал, что по состоянию на 1 июля у японской стороны из 37999 чел. личного состава пехота и кавалеристы насчитывали 21998 чел., имелось 186 артиллерийских установок, 124 ПТО, 135 танков, 10 бронемашин, 225 самолетов; у советско-монгольских войск было 12541 чел. личного состава, 86 единиц артиллерии, 23 ПТО, 186 танков и 266 броневиков [9, с. 66].

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» говорится, что перед боем у Баянцагаана у японцев было 38 тыс. бойцов, 310 артиллерийских орудий, 145 танков и бронемашин, 225 са-

молетов; у советско-монгольской стороны – 12500 чел., 109 артиллерийских орудий, 186 танков, 266 бронемашин, 82 самолета [4, т. 1, с. 238]. Японские силы и средства, сосредоточенные перед боем у Баянцагаана, одинаково отражены как во втором томе «Истории Второй мировой войны», так и в первом томе «Истории Великой Отечественной войны» [4, т. 2, с. 216]. При наступлении у Баянцагаана у японской стороны было 13 пехотных батальонов, 112 ПТО, 5 инженерных рот, 400 автомашин, 70 танков и 180 самолетов [22].

Г. К. Жуков в своих мемуарах писал, что у Баянцагаана враг сосредоточил 10 тыс. бойцов пехоты, 100 артиллерийских орудий, до 60 ПТО. У советской стороны было около 1000 пехотинцев [3, с. 161].

Группировка генерала Кобаяши, перешедшая вброд Халхин-Гол, состояла из 3 пехотных полков (9 батальонов) и артиллерийского полка – всего около 8 тыс. чел. [21, р. 342], что в целом совпадает с оценками Г. К. Жукова. На восточном берегу р. Халхин-Гол находилась группировка генерала Ясуока, состоявшая из танковой группы (1600 чел.), 64-го пехотного полка (без одного батальона), одного пехотного батальона, 28-го пехотного полка из 7-й пехотной дивизии, одной батареи из 13-го артиллерийского полка и инженерного полка – всего 7 тыс. чел. [21, р. 289]. Это показывает, что оценка С. Н. Шишкина (20 тыс. чел.) близка к этим данным [10, с. 23].

Соотношение боевых сил в мае 1939 г.

Страна	Личный состав	Всего	Потери	Всего
СССР	1200	4188	305	424
	1731			
МНР	1257		119	
Япония	2082	3518	290	540
	336			
Маньчжоу-Го	1100		До 250	

Бои в августе 1939 г.

С. Н. Шишкин, сравнивая личный состав сторон перед сражением 20 августа 1939 г., не использовал некоторые количественные показатели. Он отметил, что у советско-монгольских войск было 35 батальонов пехоты, 20 кавалерийских эскадронов, артиллерии разного калибра – 502 единицы, танков – 498, бронемашин – 346, самолетов – 581 (истребителей – 346, бомбардировщиков – 181, тяжелых бомбардировщиков – 23). У японской стороны было 25 батальонов пехоты, 17 кавалерийских эскадронов, 277 артиллерийских орудий, 120 танков, 450 самолетов (истребителей – 252, бомбардировщиков – 144, тяжелых бомбардировщиков – 54). Отсюда историк делает вывод, что советско-монгольская сторона имела преимущество по всем показателям, а по пехоте – в 1,5 раза [Там же, с. 37].

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» говорится, что японская сторона, готовясь к новому наступлению, сосредоточила группировку из 75 тыс. чел., 500 артиллерийских орудий, 182 танков, 300–350 самолетов. Хотя японцы планировали начать наступление 24 августа, советская сторона сумела подтянуть подкрепление, что обеспечило преобладание в пехоте в 1,5 раза. Помимо этого советская сторона добила перевеса в артиллерии в 2 раза, по количеству пулеметов – в 1,7 раза, по танкам – в 4 раза, по самолетам – в 1,6 раза: всего было задействовано 515 самолетов [4, т. 1, с. 240].

Из приведенных данных видно, что хотя советские историки, и пишут о 75-тысячной группировке японцев, но говорить о полуторакратном преобладании над ними в пехоте не приходится [Там же].

В «Истории Второй мировой войны» приводятся данные о японских силах и средствах, соответствующие материалам «Истории Великой Отечественной войны» [Там же, т. 2, с. 216].

Силы и средства советско-монгольской стороны составляли 57 тыс. чел., 498 танков, 385 бронемашин, 542 артиллерийских орудия и миномета, 515 самолетов [Там же, с. 217]. Советский военный историк М. В. Новиков соотношение сил противоборствующих сторон определил как 57 тыс. советских солдат и офицеров, 634 артиллерийских орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин, 515 самолетов, а японскую группировку – в 55 тыс. чел. личного состава, 300 артиллерийских орудий, 135 танков и 350 самолетов [7]. Военный историк Вартанов также определял численность 6-й армии Японии в количестве 55 тыс. чел. [2, с. 68]. По состоянию на 20 августа 1939 г. советские сухопутные силы с учетом стрелковых, вспомогательных и обеспечивающих частей и подразделений насчитывали более 52 тыс. чел. На вооружении находились 58 минометов, 162 артиллерийских орудия калибра 76 мм, 130 единиц калибра от 76 до 152 мм и 180 единиц 45 мм ПТО, 87 зениток калибра 76 мм, 438 танков и 385 бронемашин [1, д. 32113, оп. 1, д. 31, л. 87].

Судя по японским источникам, в мае–сентябре 1939 г. Квантунская армия вовлекла в события Халхин-Гола около 75700 чел., но советские и российские источники говорят, что такое количество войск было сосредоточено для наступления к 24 августа. К примеру, в этот период в 23-й пехотной дивизии было 14 тыс. чел., в 7-й пехотной дивизии – 10 тыс. чел., в особой пограничной части – около 5 тыс. чел., в Хайларском гарнизоне – 3 тыс. чел., в 1-й, 2-й и 4-й пехотных дивизиях всего 25 тыс. чел., в авиации – 3 тыс. чел., в двух полках тяжелой артиллерии – 2,5 тыс. чел., в танковом соединении – 1600 чел., в частях противовоздушной обороны – 3,5 тыс. чел.; все они каким-либо образом принимали участие в халхин-гольских событиях или во вспомогательных операциях [25, р. 494]. Из этого видно, что 1-я, 2-я и 4-я пехотные дивизии в начале сентября

прибыли в район Халхин-Гола; танковое соединение участвовало в сражении под Баянцаганом и 26 июля вернулось на исходные позиции вглубь Маньчжурии; авиация и части противовоздушной обороны располагались по ту сторону границы и в Хайларе; Хайларский гарнизон и личный состав особой пограничной части с середины июля направлялись для восполнения сил в 23-ю пехотную дивизию; из 7-й пехотной дивизии в боях принимала участие лишь половина личного состава, 23-я пехотная дивизия после 2 июля потерпела существенный урон, что в целом говорит о том, что наутро 20 августа японская группировка не могла насчитывать 75 тыс. чел. Вряд ли соответствовало действительности и то, что по состоянию на 20 августа советско-монгольские войска, состоявшие из 57 тыс. чел., начали наступление и окружили японо-маньчжурские силы, состоявшие из 55 или 75 тыс. чел. Если исходить из того, что у советской стороны было преимущество в пехоте в 1,5 раза, то это означает, что японцы тогда имели только одну усиленную дивизию.

Боевые потери

Советские потери. Комкор Г. К. Жуков, член военного совета Никишев, начальник штаба Гастилевич 15 ноября 1939 г. направили рапорт начальнику Генерального штаба Красной Армии Б. Шапошникову о результатах халхингольской операции. В конце главы «Августовская операция» данного доклада было указано, что в ходе операции боевые потери советских войск составили убитыми – 1570, ранеными – 7583, пропавшими без вести – 131, всего – 9284 чел. [1, д. 32113, оп. 1, д. 2, л. 27].

Начальник штаба 1-й армейской группы Богданов сообщал К. Ворошилову и Б. Шапошникову, что только за 20 августа северная и центральная группировки понесли потери в количестве 670 чел., из них 102 чел.

– убитыми, а по южной группировке делается уточнение [Там же, д. 60, л. 83]. Богданов в депеше, отправленной 22-го августа, сообщал, что по состоянию на 21 августа потери составили 1009 чел., из них убитыми – 149, ранеными – 859, пропавшими без вести – 17, но в эти данные не вошли сведения о потерях 9-й мббр. [Там же, л. 104]. Г. К. Жуков и Никишев сообщали в Москву, что с 20 по 22 августа на советской стороне насчитывалось 546 убитых, 3637 раненых, 28 без вести пропавших [Там же, л. 122]. Эти данные говорят о том, что в первые дни наступления 1-я армейская группировка ежедневно в среднем теряла более 1300 чел., и можно предположить, что за десять дней наступления каждый день выбывало из строя по тысяче человек.

Во время японского контрнаступления с 24 по 26 августа шли ожесточенные бои, сражения продолжались до 28 августа, а 30 августа наступило затишье, поэтому в вышеуказанном докладе руководство 1-й армейской группировки сообщало о потерях лишь наступательной августовской операции.

В советских и российских публикациях данные о советских потерях в боевых действиях у Халхин-Гола после Второй мировой войны неоднократно изменялись. Во время состоявшегося в 1946 г. в Токио международного военного трибунала по Дальнему Востоку приводилась цифра в 9,5 тыс. погибших в период боевых действий у р. Халхин-Гол.

С. Н. Шишкин приводит факты из доклада Г. К. Жукова от 15 ноября 1939 г. о том, что советско-монгольские потери в ходе халхингольской операции составили 9284 чел. [10, с. 56]. В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» говорится, что советско-монгольские потери убитыми и ранеными составили 9824 чел. [4, т. 1, с. 244].

Таким образом, советская сторона, говоря о всех потерях во время халхингольских сражений, оперировала данными лишь периода наступательной

августовской операции. Однако во втором томе «Истории Второй мировой войны» указывается цифра советско-монгольских потерь убитыми и ранеными в 18,5 тыс. чел. Особо отмечалось, что 76 % раненых вернулись в строй [4, т. 2, с. 219].

Первый отдел Генерального штаба Красной Армии (РККА) 25 августа выдал вариант справки о советских потерях на Халхин-Голе в период с 19 мая по 23 августа 1939 г. По сообщению 1-й армейской группировки, было убито и ранено 10014 чел., а по данным Б. Штерна, убитых и раненых было 11941 чел. [1, ф. 33987, оп. 3, д. 1207, л. 48]. Еще в одном справочном материале, подготовленном после окончания боевых действий, советские боевые потери составляли 2413 убитыми, 10020 ранеными, вернулись из японского плена 88 чел., передано японцами трупов – 308 [8].

После открытия российских архивов ученые выяснили, что во время боев у р. Халхин-Гол безвозвратные потери составили 9703 чел. (убитых – 6472, умерших от ран – 1152, пропавших без вести – 2028), санитарные потери – 15952 (раненых – 15251, больных – 701); общие потери составили 25655 чел [8].

Если не считать потерь в августовской операции из 9284 человек, указанных в докладе Г. К. Жукова, а также более подробные данные о майских боях, то надо исходить из того, что советская сторона со 2 июля до начала августовского наступления потеряла около 16 тыс. чел. Из 4860 чел. личного состава Монгольской народно-революционной армии, участвовавших в боевых действиях [1, ф. 37977, оп. 1, д. 101, л. 17], по исследованиям, сделанным монгольскими историками, были убиты, ранены и пропали без вести 895 чел., а вместе с потерями пограничников – 990 чел. [12].

Потери японо-маньчжурских войск. 5-е отделение 1-го отдела Генерального штаба РККА 25 августа 1939 г. провело расчет военных потерь Японии и Маньчжурии на р. Халхин-Гол с мая до

23 августа. По неполным данным, военные потери японцев составили 3254 убитых и 6400 раненых. Потери маньчжурских войск за этот период, также по неполным данным, составили около тысячи убитыми [1, ф. 33987, оп. 1, д. 1207, л. 51].

Генеральный штаб РККА сделал подсчет потерь японской стороны в период с 15 мая по 15 сентября. ТАСС опубликовало данные о 3300 убитых, к тому же считалось, что потери в окружении должны составить не менее 15 тыс. чел., т. е. всего убитых – 18300 чел., раненых – 3500, захваченных в плен – 556 (на самом деле захвачено в плен 464 чел., из них передано обратно 88), при обмене трупами было передано 6281 тело. Японское командование 3 октября признало, что всего убитыми, ранеными и больными потери составили 18 тыс. чел., тогда как советская сторона давала цифру приблизительно в 29085 чел. Однако командование 1-й армейской группировки подсчитало, что с 1 июля японские потери составили убитыми 18868 чел., ранеными – 25900, всего 44768 чел., при этом не подсчитывались потери до 1 июля. Если считать, что 20 % японских раненых, или 5180 чел., остались в Хайларе и не вошли в число перевезенных по железной дороге, да еще на территории МНР осталось 3–4 тыс. не переданных японцам трупов, то можно заключить, что в июле–августе японские потери составили 52–55 тыс. чел., из них – 23–25 тыс. убитых [1, ф. 32113, оп. 1, д. 2, л. 28]. Судя по этому докладу, если не считать переданные японской стороне 6281 труп, все остальные потери определялись по приблизительным агентурным данным, ссылавшимся на количество гробов, якобы перевезенных из Хайлара поездами, что не является статистикой, опирающейся на факты. К примеру, потери японской стороны на 15 июля составили: погибших – 1014 чел., раненых – 1200 чел. Не вошли в подсчет якобы отправленные четыре санитарных поезда с ранеными из Хайлара.

24 июля был отправлен один санитарный поезд с примерно 300 ранеными. С 25 по 31 июля убитых было 900 чел., раненых – 1400, 24–29 августа убитых – 10 тыс., раненых – 20 тыс. 22 июля в Хайларе насчитали 500 гробов с убитыми. Поэтому приведенные в докладе Жукова цифры потерь японцев в 52–55 тыс. чел. были взяты с потолка и требовали пересмотра, что в докладе отмечало армейское руководство. Окружение и разгром японской 23-й пехотной дивизии советская сторона считала уничтожением всего личного состава дивизии – «десяти тысяч человек».

С. Н. Шишкин, говоря о японских потерях, приводит данные из доклада Жукова, и пишет, что только в июле и августе японцы потеряли убитыми 18868 чел., ранеными – 25900 чел., всего за май–сентябрь общие потери составили 52–55 тыс. чел., из них 25 тыс. убитыми [10, с. 56].

Г. Н. Севастьянов пишет, что за время наступления советско-монгольских войск только с 20 по 30 августа японская сторона потеряла убитыми и ранеными 33 тыс. чел., был сбит 241 самолет и уничтожены 177 артиллерийских орудий [9, с. 81].

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» цифры японских потерь схожи с данными С. Н. Шишкина [4, т. 1, с. 244]. Во втором томе «Истории Второй мировой войны» приведены данные о 61 тыс. погибших, раненых и плененных японцах [5, т. 2, с. 219] и говорится, что за три дня сражений у Баянцагаана японская сторона потеряла 10 тыс., а за четыре дня после 8 июля – 5,5 тыс. чел. [Там же, с. 216]. Другие источники говорят, что группировка генерала Кобаяши, перешедшая вброд р. Халхин-Гол, за два дня боев после этого потеряла 800 из 8 тыс. чел. [21, р. 342].

Представитель Военного министерства Японии 3 октября 1939 г. на совещании губернаторов страны говорил о 18 тысячах убитых, раненых и боль-

ных в боевых действиях у Номонхана, о том, что бои были катастрофическими. В японской газете «Асахи» это сообщение было опубликовано полностью, а в редакционной статье наряду с благодарностью за предоставление открытой и достоверной информации был задан вопрос: «Почему молчали, когда четыре месяца японские солдаты голыми руками воевали с механизированными советскими силами?» Японская общественность была крайне подавлена такими фактами, особенно с учетом более спокойной картины войны с Китаем. Газета «Нью Йорк таймс» писала, что «Токио признал поражение под Номонханом» [30]. Военный министр Хата, совершая в конце 1939 г. поездку по Маньчжурии, подтвердил ранее приводившиеся данные о потерях, конкретизируя, что 8 тыс. погибли, 8800 – ранены, 1200 – заболели [21, р. 914]. В то время 1700 раненых уже вернулись в строй, а около 6 тыс. продолжали лечение в 50 местных госпиталях [Там же, р. 1157]. Военное министерство так открыто объявляло о потерях потому, что созданное 30 августа 1939 г. новое правительство во главе с генералом Абе критически относилось к политике предыдущего правительства, отправило в отставку 4 сентября командующего Квантунской армией Уэда и показало демонстрацией потерь неуспехи в халхин-гольских событиях.

По данным бюро медицины 6А, за четыре месяца боев, в которых принимало участие 59 тыс. чел., из них 7696 погибли, 8647 были ранены, 1021 пропали без вести, заболели – 2350, всего – 19714 чел. составили потери личного состава [Там же, р. 915–916]. Однако по сведениям штаба Квантунской армии в боевых действиях участвовало 75738 чел., погибли – 8629 чел., ранены – 9087 чел., т. е. потери составили 17716 чел. [Там же, р. 1123]. Армия Маньчжоу-Го потеряла в халхин-гольских сражениях 2895 чел.

Потери личного состава сторон-участников боевых действий у р. Халхин-Гол

Потери	советские	монголы	японцы	маньчжуры
Убиты	6472	280	7696	—
Скончались от ран	1152	—	—	—
Пропали без вести	2028	32	1021	—
Ранены	15251	678	8647	—
Заболели	701	—	2350	—
Всего	25655	990	19714	2985
Всего	26645		22699	

Информационная война

С начала мая 1939 г. информационный центр Квантунской армии по СМИ Маньчжоу-Го начал передавать сообщения, что монгольские войска нарушают границу Маньчжоу-Го, провоцируют конфликты. Начали печататься ноты протеста правительства Маньчжурии правительству МНР.

Неудачное участие советской военной авиации в мае 1939 г. в воздушных боях стало для Квантунской армии предлогом для публикации сообщений, что силами Японии и Маньчжурии якобы нанесен значительный ущерб советско-монгольским частям, и эти сообщения оказались в центре внимания прессы разных стран мира. Не только Квантунская армия, но и ТАСС на первых порах сообщало об этих событиях как о военном конфликте между МНР и Маньчжоу-Го. Результатом этой «информационной войны» стали военно-воздушные потери сторон.

Газета «Нью-Йорк таймс» 24 мая 1939 г. передала из Харбина, что Внешняя Монголия и Маньчжоу-Го сосредоточили на границе значительные силы, что конница Внешней Монголии попыталась вторгнуться на японские позиции в Маньчжурии. 24-го вечером 7 самолетов Внешней Монголии нарушили воздушную границу Маньчжурии, вышедший им навстречу один маньчжурский самолет сбил два монгольских самолета, а остальных обратил в бегство. На сле-

дующий день пять самолетов Внешней Монголии атаковали посты Маньчжоу-Го и за три минуты два из них были сбиты. Во время третьей воздушной атаки монголов тремя маньчжурскими перехватчиками было сбито еще три вражеских самолета. В японской прессе, тем не менее, этому конфликту между Монголией и Маньчжурией особого внимания не придавалось, видимо, считали, что он не распространится без вмешательства правительств СССР и Японии. Корреспондент газеты «Иомери» в Харбине писал, что обстановка не накалена, называя ситуацию провокационным действием Советов, встревоженных контрреволюционным движением во Внешней Монголии [20].

Штаб Квантунской армии сообщал: «18 японских самолетов вели воздушный бой со 150 самолетами Внешней Монголии. Было сбито 49 монгольских и потеряно 4 японских самолета. Это говорит о непрофессиональности монгольских летчиков и отсталости советской техники» [27]. «Начиная с 22 июня было сбито 62 советско-монгольских самолета, вражеские самолеты 17 и 24 июня 6 раз нарушили маньчжурскую границу и стало ясно, что в этих операциях явно участвовали советские летчики»; «19 июня Правительство Маньчжоу-Го выразило протест Советскому Союзу»; «Советско-монгольская сторона совершает нападение, чтобы взять реванш за поражение 29 мая» [24]; «Японские самолеты вели бой с 200 монгольскими самолетами и за 40 минут сбили 98, а сами потеряли 3 са-

молета»; «Японские самолеты атаковали монгольскую военно-воздушную базу в Тамсаге и уничтожили 30 самолетов. За это время было уничтожено 250 вражеских самолетов, из них 104 в Тамсаге» [26] – эти и другие сведения активно распространялись в печати, где сообщалось, что «к 8 августа с учетом сбитых 7 августа 47 самолетов общие советско-монгольские авиапотери достигли 862 самолетов и приближаются к тысяче» [29, р. 1374]. В американской печати говорилось, что «воюющие стороны, опережая друг друга, передают противоречащие данные о сбитых самолетах. Монгольская сторона через Москву рапортует о победе, но по сравнению с японскими реляциями все выглядит скромнее». Один американский специалист, комментируя сведения японской стороны о 200 самолетах в Тамсаге, заявил, что даже под Нью-Йорком невозможно одновременно сосредоточить 200 самолетов, что говорить о Тамсаге?» [26].

В американской прессе приводились следующие расчеты авиапотерь с учетом информации из СССР, Японии и Маньчжурии [Там же].

Авиапотери	По расчетам Москвы		По расчетам Токио	
	японцы	монголы	японцы	монголы
До 26 июня	59	23	8	131
26 июня	25	3	–	–
27 июня	7	6	3	120
Всего	91	32	11	251

Даже Президент США Ф. Рузвельт, встречаясь 30 июня 1939 г. с советским посланником А. Уманским, заявил, что не верит японской пропаганде о якобы нанесенном значительном уроне советским войскам у Халхин-Гола. ТАСС 6 июля сообщало, что «руководитель бюро печати Квантунской армии Кавахара опубликовал пустопорожние хвалебные материалы о якобы успехах

японских военно-воздушных сил, за что был снят с должности, а на его место назначен полковник Вато». В восьми сообщениях ТАСС, начиная с 26 июня по 1 сентября 1939 г., относительно боев на р. Халхин-Гол сообщается о 589 сбитых японских и маньчжурских самолетах и о 102 советско-монгольских.

Японское агентство «Домей Цусин» сообщало, что в столкновениях на границе Маньчжурии и Внешней Монголии 1340 советских самолетов были уничтожены в воздухе и 30 на земле, японская же сторона потеряла 138 самолетов. В ответ ТАСС 10 июля 1940 г. сообщило, что японских и маньчжурских самолетов было сбито 660, а советских и монгольских – 143 [11, с. 516]. Согласно расчетам первой армейской группировки, было потеряно 207 боевых и 43 небоевых своих самолетов [1, ф. 32113, оп. 1, д. 2, л. 94], а японских – 646 [Там же, л. 95]. Эти данные получены от командования ВВС корпуса и донесений летного состава [Там же]. По действовавшему в Красной Армии порядку сообщения о сбитом вражеском самолете регистрировались на основании устного заявления летчика,

каких-либо дополнительных подтверждений не требовалось. Лишь с началом Второй мировой войны стали использовать сообщения наземных наблюдателей, специально назначенных групп, уточняли номера сбитого самолета, доставляли части самолета с заводским номером и таким образом документировали ущерб, нанесенный врагу [23, р. 64].

В первом томе «Истории Великой Отечественной войны» впервые были указаны реальные советские потери в 207 самолетов [4, т. 1, с. 244].

Исследователи из Японии, России и других стран в последнее время специально изучают подробности воздушных сражений на Халхин-Голе, что позволяет уточнить потери сторон. Они признают уничтожение 646 японских самолетов завышенным в 4 раза, а уничтожение 1260 советских самолетов – в 6 раз: «нельзя уничтожить самолетов больше, чем их было на самом деле» [6, с. 42–43].

Э. Сэкигава на основании изучения японских архивных материалов и бесед с японскими летчиками-участниками боев сделал выводы, что японские воздушные потери составили 88 самолетов сбитыми, 74 получили повреждения в бою (всего 162), были восстановлены 220, всего 382 [28, р. 73]. Хотя японские летчики признали, что по вине пропаганды советские потери были завышены, они, тем не менее, считают, что советская сторона потеряла не меньше 400 самолетов [Там же]. Российские исследователи данных Секигавы не опровергают, но подчеркивают необходимость более детальных уточнений [6, с. 42]. Советская сторона лишь в первые 10 дней августа получила весомое преимущество в воздухе, советские летчики признавали и мастерство японцев, и их высокий моральный дух. Японцы в воздухе брали не числом, а умением [6, с. 42–43]. Поэтому есть основание считать, что данные о потерях японцев в 660 самолетов скорее всего не соответствуют действительности.

Выводы

То, что советская сторона скрывала свои потери на Халхин-Голе, связано

с закрытым социально-политическим информационным устройством страны, когда под предлогом военной тайны скрывались потери в войнах и вооруженных конфликтах.

В докладе руководства первой армейской группы об итогах халхин-гольской военной операции приведены полные данные о потерях советской стороны лишь в августовском наступлении. Рассредоточение раненых по госпиталям Забайкальского военного округа, а также противоречия между Жуковым и Штерном, связанные со структурой управления войсками, – все это, может быть, не дало возможности составить на тот момент реальные сведения о потерях. Наряду с этим командование первой армейской группировки значительно завысило данные о японских потерях. За прошедший период такая тенденция завышения может быть объяснена идеологическими причинами. Использованные до сих пор данные о том, что на 20 августа японцы сосредоточили группировку в 75 тыс. человек, а также о том, что в боевых действиях у Халхин-Гола их потери составили 61 тыс. чел. и 660 самолетов, – не соответствуют реальной действительности. На самом деле в этих боях потеря личного состава советско-монгольских войск было больше, чем у японцев, и это понятно, если учесть, что первые были наступающей стороной, большое число военнослужащих имели плохую подготовку и были брошены в бой, так как руководство 57-го корпуса стремилось достичь победы «любой ценой». Политическое значение победы было крайне важным, поэтому советские реальные потери остались в тени, а преувеличение потерь побежденной стороны по сию пору выдавалась за правду.

Литература

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВА), ф. 37977, оп. 1, д. 51, л. 23.
2. *Вартанов В. Н.* В помощь изучающим военную историю // Военно-исторический журнал. – Сентябрь 1989. – С. 68.
3. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. – М., 1969.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. I. – М., 1960.
5. История Второй мировой войны. Т. II. – М., 1974. – С. 216.
6. *Кондратьев В.* Халхин-Гол. Война в воздухе. – М., 2002. – С. 42–43.
7. *Новиков М. В.* Победа на Халхин-Голе. – М.: Политиздат, 1971.
8. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил: стат. исслед. / под общ. ред. ген.-полк. Г. Ф. Грифощеева. – М.: Олма-Пресс, 2001.
9. *Севостьянов Г. Н.* Военное и дипломатическое поражение японцев в период событий у реки Халхин-Гол // Вопросы истории. – 1957. – № 8.
10. *Шишкин С. Н.* Халхин-Гол. – М., 1954.
11. *Шишов А. В.* Россия и Япония. – М., 2000. – С. 516.
12. *Ганболд С.* Халхын голын дайн, МАХЦ-ийн хүн хүчний хохирол. т. 107–109, БХЯ-ны эрдэм шинжилгээний хүрээлэн. Халхын голын дайн: түүхэн үнэний эрэлд. – УБ., 1995.
13. *Гомбосүрэн Д.* Халхын голын дайн ба МАХЦ-ийн байлдааны тухай дахин өгүүлэх нь. Т. 15–16. БХЯ-ны эрдэм шинжилгээний хүрээлэн // Халхын голындайн: түүхэн үнэний эрэлд. – УБ., 1995.
14. *Гомбосүрэн Д.* Халхын голын дайн ба МАХЦ-ийн байлдааны тухай дахин өгүүлэх нь // БХЭШХ Эрдэм шинжилгээний бага хурлуудын эмхтгэл. Т. 6–27. – УБ., 2006. – № 2.
15. *Оюунчимэг Ч.* Халхын голын дайны түүхийн зарим асуудлыг цэргийн статистик аргын үүднээс шинжлэх нь –БХЭШХ // Эрдэм шинжилгээний бага хурлуудын эмхтгэл. Т. 93. – УБ., 2006. – № 2.
16. *Хишигт Н.* Монгол Оросын орчин үеийн түүх бичлэгт Халхын голын дайны асуудал тусгагдсан нь // БХЭШХ.
17. Эрдэм шинжилгээний бага хурлуудын эмхтгэл. Т. 40. – УБ., 2006. – № 2.
18. BBSS, SS 180. – Vol. 27. – P. 462.
19. Boeicho Boeikenshusho SenshiShitsu (BBSS), Senshi sosho (ss). – Tokyo: Asagumo Shinbunsha, 1969. – Vol. 27. – P. 462.
20. Clash occurs on Manchuo Borders. Japanese report Dogfights started by Soviet Outer Mongolian Forces easy Victory is claimed // New York Times. 8 May, 1939.
21. Coox. Nomonhan. – Vol. 1. – P. 289.
22. Japanese Studies on Manchuria Vol.XI Part 3 Book B Prelude to Nomonhan Incident. – P. 262.
23. *Kotelnikov V.* Air War Over Khalkhin Gol: The Nomonhan Incident. Sam Publications. – UK, 2010. – P. 64
24. Manchukuo Lists 3 plane victories: 62 Soviet Mongolia shot // New York Times. 25 June 1939.
25. *Masahiro M.* Nomonhan no shito: dai nana shidan senki. – Sapporo: Hokkai Times, 1965. – P. 494.
26. New Air Triumth Reported in Tokyo // New York Times. 28 June 1939.
27. New Mongol Defeat Reported by Tokyo // New York Times. 24 June 1939.
28. Sekigava Eichiro. Undeclared Air War // Air Entusiast. July 1973. – P. 73.
29. Soviet Air Loss Now 862. // Manchuria. August 15. – P. 1374.
30. Tokyo Admits Defeat by Soviets; Calls Mongol Battle ‘Disastrous // New York Times. 4 Oct. 1939.

УДК 323.3-055.22

С. С. Цыпилова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
МОНГОЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В 90-е гг. XX в.

На основе изучения исторической литературы и правовых актов рассмотрены аспекты социально-экономического положения монгольских женщин в переходный период развития страны. Экономические, политические реформы, социальная напряженность в обществе оказали негативное влияние на положение монгольских женщин. Правительство Монголии пыталось реализовать программы, направленные на улучшение условий жизни женщин. Однако ввиду ограниченности материальных средств для их реализации, они не имели полностью успешных результатов. Также монгольское общество столкнулось с новыми для него «женскими» проблемами: насилие в семье, торговля женщинами и детьми, проституция.

Ключевые слова: женщина в Монголии, переходный период в Монголии, насилие в семье, уровень образования монгольской женщины, монгольская семья.

S. S. Tsypilova

THE SOCIO-ECONOMIC POSITION
OF MONGOLIAN WOMEN IN THE 1990-s

The article is based on the study of historical literature and legislation and deals with aspects of socio-economic status of Mongolian women during the transition period. Economic and political reforms and social tension in the society affected the position of Mongolian women. The Mongolian government was trying to implement programs aimed at improving the status of women. However, due to limited financial resources for their implementation, they were not quite successful. Mongolian society encountered new “female” problems, such as domestic violence, trafficking in women and children and prostitution.

Key words: woman in Mongolia, transition period in Mongolia, domestic violence, education level of a Mongolian woman, Mongolian family.

Последние полтора – два десятилетия XX в. в истории монгольской государственности и жизни общества, как, впрочем, и в истории других бывших социалистических государств, занимают важное место. На этот период приходится попытки реформировать плановую экономику страны в соответствии с требованиями нового времени, сохраняя при этом действующую политическую систему. Хотя показатели развития народного хозяйства на протяжении 80-х гг. XX в. демонстрировали положительную динамику, этих темпов для ре-

шения экономических проблем было недостаточно. В 1986–1987 гг. сократился рост производства сельскохозяйственной продукции, грузооборота транспорта, а также импорта при стагнации экспорта, ухудшалась динамика привлечения инвестиций [1, с. 325]. Наряду с этим падал уровень жизни населения. Экономика МНР по-прежнему носила экстенсивный сырьевой характер.

Расширение международных связей с другими государствами, развитие туризма предоставили монгольским гражданам возможность познакомиться

с достижениями западной демократии, сопоставить собственный уровень жизни с уровнем других стран, перенять опыт быстроразвивающихся стран. К началу 1990-х гг. проблемы экономического характера, назревание в монгольском обществе недовольства низким уровнем демократии и множество других причин в совокупности привели к кризису политической системы. Ряд событий, произошедших в марте 1990 г. и получивших название «новой демократической революции» [1, с. 319], ознаменовали собой переход к строительству гражданского демократического общества со свободной рыночной экономикой.

Становление новой демократической формы правления в Монголии привело к необходимости разработки нового Основного закона страны – Конституции, принятой 13 февраля 1992 г. На конституционном уровне закреплялся принцип равенства всех перед законом и судом, каждый человек объявлялся субъектом права. При этом особо подчеркивалось равенство в правах женщины с мужчиной в политической, экономической, общественной, культурной жизни, в семейных отношениях. Изменилось отношение к браку. Если прежде брак между молодыми людьми основывался на договоренности между семьями и имел в основном экономический смысл, то согласно Конституции, «...брак между совершеннолетними мужчиной и женщиной основывается на равноправных, добровольных отношениях между ними...» [2, с. 176].

Переход к рыночной экономике, ликвидация государственных субсидий, разрушение системы дошкольных и внешкольных учреждений негативно сказались на положении женщин. Юридически они пользовались равными с мужчинами правами во всех сферах деятельности, но фактически существовала дискриминация в отношении женщин. Формирующийся рынок труда не принимал женщину как профессионала.

Частные компании неохотно принимали женщин на работу, ссылаясь на то, что они часто берут больничные, уходят в отпуск по беременности.

В начале 1990-х гг. была проведена массовая приватизация скота и частичная приватизация государственных предприятий, что создало возможность для развития мелкого и среднего бизнеса. Однако в сельской местности во время приватизации многие женщины, возглавлявшие семью, не получили соответствующую долю домашнего скота.

После распада объединений, колхозов, приватизации скота, техники и оборудования свыше 20 тыс. женщин-специалистов остались без работы [3, с. 73]. Согласно Пенсионному кодексу 1990 г., женщинам, имеющим 4-х и более детей, назначалась пенсия. В итоге многие женщины трудоспособного возраста оставались без работы. В 1994 г. доля женщин трудоспособного возраста от общего числа женщин, вышедших на пенсию, составила 55,88 % (около 20 тыс. человек) [3, с. 74].

По данным проведенного исследования, в г. Улан-Баторе в 1997 г. 30–35 % работающего городского населения составили женщины, из них 63 % работали в ларьках типа «бистро», 51,3 % занимались уличной торговлей, 47,5 % – рыночной торговлей [3, с. 73]. В переходный период малым и средним бизнесом стала заниматься только ограниченная часть женщин, это было связано с недостаточным знанием основ бизнеса, финансового дела, трудностями при получении кредита, увеличением домашних обязанностей.

В целом уровень безработицы среди женщин на протяжении 1992–1998 гг. оставался значительно выше, чем среди мужчин, а пик уровня женской безработицы, впрочем как и мужской, пришелся на 1994 год. Женщины массово устраивались на неофициальные работы, что также не обеспечивало их стабильным заработком. По данным на 1998 г.,

36 % населения имели низкий уровень дохода [3, с. 79]. В основном страдали от бедности дети-сироты, пожилые люди, женщины, возглавлявшие семью, инвалиды, многодетные семьи, безработные сельские семьи, не имеющие подсобного хозяйства.

В соответствии с Законом о социальном благосостоянии, утвержденным в 1995 г., было принято решение о материальной поддержке малоимущих семей, стариков, инвалидов в связи с инфляцией, что явилось большой материальной поддержкой для них.

В марте 1996 г. Правительством Монголии была принята программа по улучшению положения женщин в обществе и условий их труда, которая включала в себя такие положения, как:

- женщины и развитие экономики;
- условия жизни сельских женщин;
- женщины и здравоохранение;
- женщины и семья;
- женщины против насилия, их права и свободы и т. д.

Данная программа должна была реализовываться в три этапа: 1) 1996–2000 гг.; 2) 2001–2010 гг.; 3) 2011–2020 гг.

Для контроля реализации программы в 1996 г. был создан Национальный совет по вопросам женщин, который впоследствии возглавил министр здравоохранения. Была организована работа по вопросам женщин в 21 аймаке, привлекались к участию и органы местной власти. Однако на симпозиуме в июне 1999 г. было отмечено, что задачи программы на первоначальном этапе не могут целиком реализоваться в связи с недостаточностью бюджетных средств [5], тем не менее утверждение данной программы было большим прогрессом в направлении улучшения жизни монгольских женщин.

Переход Монголии к демократии и рыночной экономике сопровождался обострением ряда социальных проблем, в т. ч. ухудшением ситуации в сфере образования. В 1991–1996 гг. расходы на обучение одного человека снизились на 53 %,

уровень охвата обучением городских и сельских детей снижался. Все чаще отчислялись из школ мальчики. Так, если в 1997 г. из 68200 детей, поступивших в школу, ровно половину составляли девочки, то число переведенных в 9-й класс девочек составило 61,3 %, а в 10-й класс – 64,1 % [3, с. 81]. В целом снижался уровень грамотности населения: если в социалистический период письменностью владели 98 % мужчин и 95 % женщин, то в переходный период процент грамотного населения снизился до 87 %. В 1996 г. из 48435 детей школьного возраста, бросивших школу, 42,6 % составляли девочки и 57,4 % – мальчики, около 80 % из них пошли работать в сферу сельского хозяйства и животноводства [3, с. 81]. На начальном этапе переходного периода снизилось количество обучающихся студентов в вузах, но к 1997 г. вдвое увеличилось число вузов, появились коммерческие вузы, а количество студентов составило 50900 чел.

75 % от общего числа всех занятых в отрасли образования составили женщины, но руководящие должности занимали в основном мужчины. Например, в 1997/98 учебном году должности директора общеобразовательной школы занимали 18,3 % женщин, а доля женщин среди учителей начальных классов составила 91,1 % [3, с. 82].

Наблюдалось ухудшение ситуации и в области здравоохранения и социального обеспечения. В социалистический период все затраты, связанные с беременностью, рождением детей, оплачивались государством, но с уменьшением государственного бюджета в 90-е гг. XX в. медицинское обслуживание матерей и младенцев ухудшилось, у новорожденных наблюдались анемия, истощение, слабость. За 1990–1994 гг. вдвое увеличился уровень смертности среди женщин-матерей, 49,3 % таких случаев отмечены среди женщин-скотоводов [3, с. 85].

В годы социализма женщины в сельской местности хотя бы дважды в год проходили медицинский осмотр у со-

монного врача, сдавали анализы. В переходный период контроль за состоянием здоровья женщин был утрачен. В сельской местности они продолжали вести домашнее хозяйство, занимались уходом за скотом, заботились о детях и пожилых людях. При такой загруженности женщины просто не обращали внимания на свое здоровье и практически не посещали врача. Тысячи женщин, работающих в городе в сфере обслуживания, занятых на производстве и в иных сферах, не были вовлечены в систему социального медицинского страхования, поэтому возможность получить медицинское обслуживание была ограниченной.

С 1990 по 1996 г. резко сократилось количество детей, посещающих детские сады и ясли – с 97,2 до 68 тыс. чел. соответственно. Также сократилось количество дошкольных учреждений, всего лишь 20 % детей дошкольного возраста могли их посещать. Многим матерям пришлось оставить работу и заниматься воспитанием детей, что приводило к отдалению от общественной жизни.

В переходный период коэффициент роста населения снизился с 4,6 % в 1989 г. до 2,4 % в 1998 г. Снижение уровня рождаемости было связано с экономическим кризисом, уменьшением социальной защиты со стороны государства, а также с повышением уровня знаний и информированности женщин о способах контрацепции. В период с 1990 по 2000 г. общий коэффициент вступления в брак уменьшился на 47 % (с 16,9 до 9), а средний возраст женщин, вступивших в брак, составил 23,7 года [3, с. 85].

С 1995 по 1998 г. число женщин, возглавлявших семью (без мужей), увеличилось на 27 %, т. е. составило 10 % от общего количества семей. Причинами такого положения стало большое количество бракоразводных процессов, уменьшение средней продолжительности жизни мужчин. По данным переписи населения 2000 г., 97,4 тыс. чел. оказались вдовами или вдовцами, причем женщин среди них было в 3,6 раза больше, чем мужчин.

В период с 1993 по 1997 г. 3/5 расторгших брак оказались молодыми людьми, прожившими совместно около 6 лет. По данным исследования, проведенного школой социологии МонГУ в 2000 г., основной причиной разводов явились: потеря доверия – 54 %, финансовые трудности – 47,3 %, насилие в семье – 41,3 %. В результате разводов больше всего страдали женщины и дети, около 70 % семей, расторгших брак, имели детей в возрасте до 15 лет [3, с. 86]. По Семейному кодексу, в случае беременности женщины или тяжелой болезни полагалось развод запрещать, либо решался вопрос, с кем из родителей останется ребенок. При установлении размера пособия учитывался возраст ребенка, моральное состояние родителей, экономические условия. Как правило, после расторжения браков детей оставляли на воспитание матерям, отцы должны были материально обеспечивать детей. Согласно законодательству, женщины, оставшиеся после развода с детьми на попечении, имели право оставлять за собой квартиру. В действительности же многие женщины ввиду своей беспомощности не могли оформить детские пособия, немало женщин оказались выгнанными из дома и совсем без жилья.

Обычным стало отдельное проживание супругов без официального развода, в основном из-за детей и необходимости сохранения репутации семьи.

В конце XX в. распространилась практика совместного проживания, в особенности среди городской молодежи, студентов, проживающих вдали от дома. Доля семей, проживающих совместно без регистрации брака, составляла 12,8 % от общего числа семей. Средний возраст женщин, состоявших в гражданском браке, составлял 20–24 года, мужчин – 25–29 лет. Ввиду отсутствия в Семейном кодексе раздела или положений, которые бы регулировали отношения семей проживающих без регистрации брака, дети, рожденные в таком браке, имели те же права, что и дети,

рожденные в законном браке. Однако женщины имели ограниченную возможность получить часть совместно нажитого имущества.

В 90-х гг. XX в. многие молодые женщины вынуждены были жить в одиночестве, распространились случаи вступления в брак с иностранными гражданами. Во многом это объяснялось численным преобладанием женщин.

Экономическое, социальное неблагополучие переходного периода в монгольском обществе породило такие «женские» проблемы, как насилие в семье, торговля женщинами и детьми, проституция. По официальным данным, в 1997 г. в милиции было зарегистрировано 1000 девушек, торгующих собой. В 1998 г. был принят закон по борьбе с проституцией, однако это не привело к снижению ее уровня.

Согласно данным исследования, проведенного в 1996–1998 гг. учебным исследовательским центром МонГУ среди 3000–5000 человек из 21 аймака, следовало, что в каждой пятой семье имело место насилие, 1/3 часть женщин страдали от какой-либо формы насилия, 1/10 часть женщин страдали от побоев со стороны мужа. Многие женщины держали в тайне факт домашнего насилия из страха испортить репутацию семьи или вследствие недостаточного знания собственных прав. У женщин, подвергшихся домашнему насилию, снижался интерес к работе, уверенность в себе, уровень участия в общественной жизни. Профилактические меры по защите женщин от насилия оставались мало-результативными. Основная работа по борьбе с насилием в семье проводилась общественными организациями при поддержке государства. Например, в 1995 г. был основан Национальный центр против насилия с пятью приютами для жен-

щин и их детей, который играет ведущую роль в соблюдении прав женщин [4]. Интересен тот факт, что изначально правительственные чиновники не считали насилие в семье проблемой, характерной для монгольского общества. К концу XX в. в Монголии еще не был принят специальный закон против насилия в семье, который бы защищал женщин и детей.

Таким образом, кризис социалистической модели развития страны и переход к рыночной экономике породили для монгольских женщин как новые возможности, так и новые проблемы. Неквалифицированные женщины, матери-одиночки, многодетные матери, женщины, живущие в отдаленных сельских районах, и женщины-инвалиды оказались в крайне уязвимом положении. Высокий уровень безработицы и бедности среди женщин, дискриминация при трудоустройстве, резкое снижение качества медицинского обслуживания, насилие в семье – это далеко не полный список проблем, с которыми столкнулись монгольские женщины в переходный период. Если прежде государство полностью обеспечивало им социальную поддержку и защиту, то теперь его роль значительно уменьшилась и принимаемые им меры по улучшению ситуации не достигали необходимого результата. Но есть и положительные тенденции. Женщины понемногу вовлекаются в малый и средний бизнес. Принимаются пробные программы по улучшению условий кредитования. Высокую долю студентов высших учебных заведений составляют женщины, это дает последним надежду на карьерный рост до руководящих должностей в экономике, здравоохранении, образовании, а также в правительстве, а следовательно и на решение проблем, с которыми сталкиваются монгольские женщины.

Литература

1. История Монголии, XX век [Текст] / редкол.: Г. С. Яскина (отв. ред.) [и др.]. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.
2. Монгол Улсын Үндсэн хуулиуд 1924, 1940, 1960, 1992 [Текст]. – Улаанбаатар, 2007. – 198 с.
3. *Цэцэгжаргал Ц.* Монголын эмэгтэйдүүд XX зуунд: хувьсал, өөрчлөлт [Текст]. – Улаанбаатар, 2009. – 147 с.
4. Hirschhoff Paula Mongolian Women: Undaunted by Adversity [Электронный ресурс] / Paula Hirschhoff. Режим доступа: <http://www.globalfundforwomen.org/impact/news/45/1540>.
5. *Worden Robert L., Savada Andrea Matles.* Mongolia: A Country Study [Электронный ресурс] / Robert L. Worden, Andrea Matles Savada. – Washington: GPO for the Library of Congress, 1989. Режим доступа: <http://countrystudies.us/mongolia>.

УДК 323.1(510)

И. Р. Гарри

ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС: REPRESENTATION FIGHT

В статье рассматриваются три парадигмы тибетского вопроса: китайская, тибетская и западная. Показывается, что в основе главных парадигм тибетского вопроса лежит конфликт по поводу статуса Тибета по отношению к Китаю, выражающийся в разных формах, однако наиболее ожесточенно – в борьбе за право представительства (representation fight), или, иначе говоря, идеологической борьбе за право представлять тибетский народ и его историю.

Ключевые слова: Тибет, Китай, тибетский вопрос, представительство.

I. R. Garri

THE TIBETAN QUESTION: REPRESENTATION FIGHT

The paper analyses three paradigms of the Tibetan question: Chinese, Tibetan and Western. It argues that the core of the main paradigms of the Tibetan question is a conflict concerning the status of Tibet vis-à-vis China manifested in various forms but the most violently in the representation fight for the Tibetan people and the history of Tibet.

Key words: Tibet, China, Tibetan question, representation fight.

Тибет занимает в Китайской Народной Республике и в мире особое место. Одним из доказательств его уникальности является существование так называемого тибетского вопроса, существующего в нескольких парадигмах, в зависимости от чего его трактовка может меняться кардинальным образом. В китайской парадигме тибетский вопрос считается измышлением сепаратистски настроенной тибетской диаспоры и враждебных Китаю сил, в тибетской – проблемой исторического и политического статуса Тибета. Существуют также парадигмы тибетского вопроса как «политики реального» (Realpolitik) или проблемы прав человека, экзотической страны мистической духовности (Шангрила) или, наоборот, страны, где распространены деградированные формы буддизма. В основе главных парадигм тибетского вопроса лежит конфликт по поводу статуса Тибета по отношению к Китаю, выражающийся в разных формах, одна-

ко наиболее ожесточенно – в борьбе за право представительства (representation fight), или, иначе говоря, в идеологической борьбе за право представлять тибетский народ и его историю. Главные оппоненты в этой борьбе – правительство КНР и тибетская диаспора в лице Его Святейшества Далай-ламы XIV и его правительства в изгнании.

Китайская парадигма. Китайская парадигма тибетского вопроса существует на трех уровнях: официальном, интеллектуальном и массовом. Можно сказать, что для всех трех уровней характерно понимание Тибета как части Китая, однако когда дело касается более частных вопросов истории, культуры, религии, то существуют различные трактовки. Скажем, ученые-исследователи не столь категоричны, как официальный Пекин, в утверждении о том, что Тибет являлся частью Китая начиная с династии Юань (1279–1368). Среди трех уровней основополагающим является официаль-

ный, основанный на концепции единого Китая, которым на протяжении тысячелетий правили сменяющиеся династии различных этносов единой семьи народов Китая. В отношении Тибета утверждается, что начиная с правления династии Юань Тибет всегда находился в той или иной формальной зависимости от центрального правительства. Понимание Тибета как части Китая в новейшее время было унаследовано от Цинской империи Китаем республиканским, а от него перешло к Китаю коммунистическому. В период существования Китайской республики (1911–1949) контроль над Тибетом был утрачен, и только в 1951 г. на основании письменного соглашения из 17 пунктов Тибет вновь «вернулся в лоно единой семьи китайских народов».

Построение образа «китайского Тибета» (*Zhongguo Xizang*), как, впрочем, и «независимого Тибета», в видении диаспоры основывается на упрощенных символах, с помощью которых обосновывается утверждение о том, что Тибет является частью Китая. Согласно официальной пропаганде, старый Тибет был воплощением жестокого режима крепостников, а народно-освободительная армия Китая освободила Тибет и принесла тибетскому народу счастье и процветание.

В целях пропаганды официальной точки зрения в СМИ КНР было запущено огромное количество теле- и радиопрограмм, большими тиражами издаются популярные статьи и книги, в которых освещаются проблемы Тибета. Ни одна национальность Китая не имела такого внимания со стороны государства. Результатом кампании стал большой интерес к Тибету со стороны этнических китайцев, о чем свидетельствует, в частности, туристический поток, хлынувший в Тибет, далеко превзошедший по количеству зарубежный. В КНР создана сеть научно-исследовательских центров, нацеленных на изучение Тибета, организованы конференции и симпозиумы, на которые приглашаются зарубежные уче-

ные, а китайские тибетологи, в свою очередь, принимают участие в зарубежных конференциях. Надо сказать, что кампания приносит свои плоды, и официальный образ «китайского Тибета» принимается в целом по всей стране.

Что же касается внешней контрпропаганды китайского правительства, то трудно не отметить ее изрядную некомпетентность. Беспреданное повторение тезиса «Тибет является частью Китая», поношение Далай-ламы и его «клики», изображение старого Тибета в виде общества с изуверскими обычаями, непомерное восхваление деяний партии и правительства – все это вкупе с орфографическими ошибками вызывает у внешней аудитории обратную задуманной цели реакцию. Особое отторжение вызывают нападки на Далай-ламу, пользующегося огромной популярностью в мире.

Таким образом, символами политического мифотворчества Китая можно назвать изображение старого Тибета в виде «ада на земле», объединительную и цивилизаторскую миссию Китая, освобождение тибетских масс от крепостного ига, развитие и прогресс современного Тибета. Эти символы по сей день формируют образ Тибета в китайском представлении. Однако наметившаяся тенденция непредвзятого исследования тибетских проблем позволяет надеяться на постепенное изменение этого стереотипа.

Тибетская парадигма. В 1959 г., после антикитайского тибетского восстания за рубежи своей страны бежали около 100 тыс. тибетцев. В число беженцев вошли Далай-лама и его семейство, правительство Тибета, аристократия и высшие монашеские круги, т. е. весь цвет тибетской элиты. Благодаря их усилиям мир узнал о тибетцах и их борьбе за свободу и независимость, которая вызвала искреннюю симпатию к тибетскому вопросу и большой интерес к культуре и религии Тибета. Можно сказать, что эти работы объединяют в целом такие мощные символы, как представление старого Тибета в виде гармоничного общества,

где процветала религия, между высшими и низшими царило согласие, а экономика была самодостаточной для удовлетворения нужд населения; незаконный характер китайского вторжения; уничтожение религии и традиционного уклада жизни; справедливая борьба тибетского народа за свободу и независимость.

Попытаемся суммировать основные тезисы тибетской парадигмы:

Статус Тибета. Тибет на протяжении своей 2-тысячелетней истории был независимым государством. Во времена династии Юань (1279–1368) (монголов) и Цин (1644–1911) (маньчжуров) между ламами-правителями Тибета с одной стороны и монгольскими ханами и маньчжурскими императорами с другой – сложились уникальные отношения духовного наставника и светского покровителя, которые полностью утратили свою значимость с падением династии Цин. Подчеркивается также, что данные отношения имели место между тибетцами и монголами/маньчжурами, и поэтому китайское правительство не вправе утверждать свою власть над Тибетом, основываясь на этих отношениях. После провозглашения Далай-ламой XIII независимости Тибета в 1912 г. и участия Тибета как равного представителя в тройственной (Китай, Англия, Тибет) конференции в Симле 1913–1914 гг. и вплоть до 1951 г. Тибет был полностью независимым государством. Поэтому с тибетской точки зрения введение войск народно-освободительной армии Китая в Тибет в 1951 г. является актом агрессии и незаконной оккупацией Тибета.

Результаты китайской оккупации. Центральная тибетская администрация и Тибетский молодежный конгресс осуждают национальную политику китайского правительства, целью которой, по их мнению, была насильственная ассимиляция тибетского народа, а конкретным результатом – геноцид, сравнимый с нацистским истреблением евреев.

Современное положение. Резкая критика проводимой политики центрального

правительства КНР. По мнению диаспоры, проводимая политика благоприятствует китайскому государству и ханьским мигрантам, в то время как тибетцы маргинализуются, ухудшается окружающая среда Тибета, исчезает тибетский образ жизни, религия и культура тибетского народа постепенно сходят на нет.

Разрешение тибетского вопроса. В первые 20 лет эмиграции (1959–1979) достижение независимости Тибета считалось главной целью в кругах тибетской эмиграции. В настоящее время мнения существенно разделились. В то время как Центральная тибетская администрация стала придерживаться плана «срединного пути», который заключается в обретении полноценной автономии в рамках КНР, Тибетский молодежный конгресс, многие члены тибетского парламента и другие представители тибетской диаспоры не оставляют цели достижения независимости Тибета. По их мнению, независимость возможна, так как КНР может распасться, как Советский Союз, из-за экономических и социальных проблем. Тактикой Дхарамсалы на настоящий момент является поддержание кампании интернационализации тибетского вопроса посредством обвинений Китая в нарушении прав человека, с тем чтобы добиться поддержки Запада и заставить Китай быть более сговорчивым во время переговоров.

Таким образом, можно сказать, что построение образа «независимого Тибета» тибетской диаспорой также основано на упрощенных символах – старый Тибет как идеальная страна (Шангрила), незаконная оккупация, геноцид, репрессии, насильственная ассимиляция, справедливая борьба за права человека, за свободу и независимость. Симпатии огромного большинства людей в мире лежат на стороне этого образа Тибета. Однако, по нашему мнению, этот стереотип так же, как китайский, построен на политическом мифотворчестве и отрицании истории.

Тибетский вопрос на Западе

Как видно, битва представлений между Китаем и тибетской диаспорой, или борьба за право представлять интересы Тибета, очень ожесточенная. Причем обе стороны упорно настаивают на своем видении проблемы. Кто же выигрывает в этой битве? На первый взгляд кажется, что тибетская сторона, поскольку ее аргументы выглядят сильнее, Пекин держит оборонительную позицию, Далай-лама пользуется в мире огромным авторитетом, награждение Его Святейшества Нобелевской премией и Золотой медалью Конгресса США – свидетельство признания в мире справедливости борьбы тибетского народа. В этой борьбе сам Запад – не посторонний зритель, а теперь уже ее непосредственный участник, а также главное действующее лицо в определении проблемы. Однако большинство на Западе и в мире не учитывают, что за этой идеологической битвой лежит «реальный» вопрос и «реальная» политика, которые в конечном итоге и определяют сущность проблемы. Реальный же вопрос состоит в том, что Тибет находится в составе КНР, и ни одна страна мира не признает тибетское правительство в изгнании в качестве представителя тибетского народа. А реальная политика состоит в том, что тибетский вопрос используется Западом в борьбе с Китаем, в котором он видит потенциальную угрозу сложившемуся миропорядку.

Можно сказать, что позиция тибетской диаспоры и ее сторонников, в основе которой лежат такие понятия, как право наций на самоопределение и права человека, относится к пространству «идеального», не учитывающего реальную совокупность всех факторов. В противовес «идеальному» существует так называемый «реальный вопрос», или понимание мира как глобального порядка, в котором господствуют доминирующие силы, одни ценности имеют привилегии над другими, реализм довлеет над идеа-

лизмом, имеющие государственность – над теми, у кого ее нет.

История сино-тибетского диалога насчитывает более 1400 лет. Массовые волнения в Тибете, ужасные самосожжения последних лет свидетельствуют о том, что в сино-тибетских отношениях наступил очередной кризис. Новое руководство КНР должно понимать, что продолжение политики, следствием которой становятся насилие и вражда, не служит долгосрочным интересам государства. Главным ключом для разрешения тибетского вопроса является скорейшее нахождение компромисса в переговорном процессе между Пекином и Дхарамсалай. Все надежды тибетцев на самоопределение, возрождение своей религии и культуры связываются с личностью Далай-ламы, но время не на его стороне, что придает тибетскому вопросу еще большую остроту. Прагматически настроенные тибетцы понимают, что у них нет шансов борьбы на равных с «Китаем-драконом» и что жизнь шести миллионов тибетцев не может быть использована как разменная монета в политической борьбе. Несомненно поэтому, что в интересах Далай-ламы, Тибета и тибетцев, Китая и китайцев скорейшее нахождение срединного пути разрешения тибетского вопроса для блага всех заинтересованных сторон.

Тибетский вопрос в России

Казалось бы, тибетский вопрос имеет мало отношения к российской действительности. Однако нам представляется, что это не так. Тибет и его столица Лхаса – места, которые, несмотря на свою отдаленность, всегда манили к себе россиян. Всем известны подвиги неутомимых исследователей Внутренней Азии Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, Г. Н. Потанина, Ю. Н. Рериха. Не будет преувеличением сказать, что их великие открытия были вдохновлены стремлением попасть в заветную столицу далай-

лам, которое, к сожалению, так и не было осуществлено. Тибет особо близок российским буддистам – бурятам, калмыкам и тувинцам. В конце XVII в. монгольские и тибетские монахи привнесли на окраины Российской империи буддийскую религию, а бурятские ученые Г. Цыбиков и Б. Барадин стали пионерами изучения в России этого отдаленного края. В настоящее время Тибет приобрел для России еще и другое значение: отношение к Тибету стало своего рода проверкой политической воли российского руководства.

В 2008 г. мне довелось стать свидетелем вручения Золотой медали Конгресса США Его Святейшеству Далай-ламе XIV, правда, не из залы Ротонды Капитолия, а с экрана на западном склоне капитолийского холма, где по торжественному случаю собралось огромное количество тибетцев и друзей Тибета. После окончания церемонии Далай-лама спустился в сопровождении киноактера Ричарда Гира, официальных лиц американского истеблишмента и тибетского правительства в изгнании и обратился к собравшимся с небольшой речью. Было отродно видеть, как почитают и уважают Его Святейшество в Америке, как гордятся тибетцы своим лидером и как благодарны они поддержке, которую получают в западном мире.

У нас же – совершенно иная ситуация. Китай является нашим соседом и

стратегическим партнером, чем и обуславливается специфическое отношение правительства России к тибетскому вопросу, выражающееся, в частности, в многократных отказах МИД России предоставить въездную визу Далай-ламе XIV. Сама я по специальности китаист, и Китай для меня – почти что родная страна. Однако подобная позиция правительства России вызывает недоумение и у меня: получается, что интересы стратегического партнерства с Китаем для правительства важнее самочувствия собственных граждан-буддистов, лишенных возможности встретиться с иерархом своей буддийской традиции. В конце концов буддизм и на деле является, и официально признается одной из традиционных религий нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. Думается, что проблема эта – отнюдь не второстепенная, она весьма остра и актуальна. Кроме того, китайский опыт разрешения тибетского вопроса весьма немаловажен для нашей страны, так как проблема ее единства стоит не менее остро, чем в Китае. А потому хотелось бы, чтобы власти все-таки обратили на это свое внимание.

Хочется надеяться и на другое: работы ученых, в т. ч. и эта статья, смогут оказаться полезными в деле установления истинного добрососедства и партнерства между народами России и Китая.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-01-00086.

УДК 533.9

Б. Д. Цыдыпов**МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОСТАВНЫХ КАТОДНЫХ УЗЛОВ СИЛЬНОТОЧНЫХ ПЛАЗМЕННЫХ СИСТЕМ**

Решена нелинейная тепловая задача для составных катодных узлов сильноточных плазменных устройств. Подробно исследовано тепловое состояние катодных узлов в зависимости от внешних параметров генераторов низкотемпературной плазмы. Проанализировано влияние джоулева тепловыделения, лучистой и конвективной составляющих теплообмена на энергобаланс электродов различной геометрии.

Ключевые слова: тепловая задача, катодный узел, энергообмен, генератор низкотемпературной плазмы.

B. D. Tsydygov**MATHEMATICAL MODELING OF THERMAL STATE FOR COMPOSITE CATHODE ASSEMBLIES OF HIGH-CURRENT PLASMA SYSTEMS**

A nonlinear thermal problem is solved for composite cathode assemblies of high-current plasma devices. The thermal state of cathode assemblies depending on external parameters of the plasma device has been considered in detail. The effect of Joule heat generation and radiant and convective heat exchange components on the energy balance of electrodes with different geometries has been analyzed.

Key words: problem of heat, cathode assembly, energy transfer, generators of low-temperature plasma.

Введение

В различных областях науки и техники широко используются сильноточные плазменные системы (СПС). Это генераторы низкотемпературной плазмы в физико-химических исследованиях, высокотемпературных технологиях, плазменной металлургии и сварочном производстве, ускорители плазмы и ионные инжекторы в плазмодинамике и плазмооптике, ракетно-космической и вакуумной технике, источники высокоинтенсивного излучения для задач квантовой электроники, радиационного нагрева летательных аппаратов при имитации входа в плотные слои атмосферы и др. [6; 11; 20].

Дальнейшее их внедрение и применение в инновационных технологиях выдвигают задачи совершенствования существующих и создания новых типов плазменных устройств, отвечающих комплексу повышенных требований к надежности, КПД и работоспособности. Решение этих задач тесно связано с проблемой повышения ресурса электродов и, в особенности, катодов – элементов, находящихся в непосредственном контакте с плазмой разряда в экстремальных условиях по уровням тепловых потоков, радиационных излучений, температур и плотностей тока [4]. Применительно к генераторам низкотемпературной плазмы задача усложняется тем,

что требуется оптимизация термического состояния не только катода, но и всего катодного узла, представляющего сложную конструкцию в тепловом поле большой интенсивности (10^3 – 10^5 Вт/см²). Конструирование и разработка таких электродных структур опирается в основном на результаты экспериментальных исследований (см. обзоры в [7; 20]), оптимизация их теплофизических параметров является трудоемким и дорогостоящим процессом. В связи с этим особую актуальность приобретают разработка и развитие расчетно-теоретических методов исследования и оптимизации тепловых режимов катодных узлов СПС. Данная задача предусматривает многопараметрическую оптимизацию токовой нагрузки, геометрических размеров и тепло-электрофизических параметров материалов конструкций, рода и свойств плазмообразующей среды.

В качестве катодных узлов СПС ввиду конструктивной простоты и многофункциональности эксплуатационных характеристик наиболее работоспособными показали себя составные конструкции, состоящие из центрального стержневого электрода-вставки I из тугоплавкого металла (например, из чистого монокристаллического или легированного вольфрама), запрессованного в медный цилиндрический корпус катодного узла-обойму II (рис. 1) [6; 7; 20].

Теоретический подход к решению тепловой задачи для стержневых термоэмиссионных катодов изложен в [5; 10; 18; 19; 21; 22; 24]. В этих работах теплофизическое состояние катода рассматривается в отдельности, без учета влияния массивной охлаждаемой обоймы, что ограничивает практическую значимость и область применения их результатов.

Впервые двумерная тепловая задача для катодного узла в целом рассмотрена в [8]. Авторами на основе численного расчета и анализа температурных полей, а также распределения механических напряжений в системе показано, что механизм разрушения катода в значительной степени обусловлен неоднородностью тепловых потоков внутри электродного узла. Обсуждается возможность ухудшения теплоотвода из-за нарушения теплового контакта при расслоении металлов в местах их соедине-

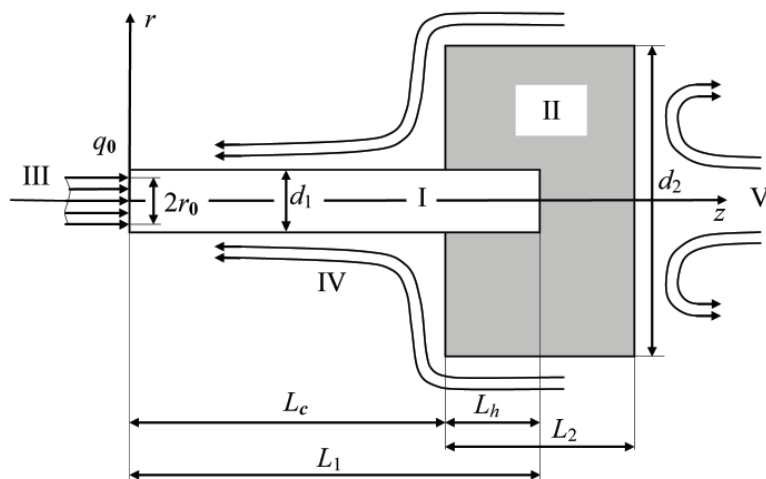

Рис. 1. Составной катодный узел плазменных устройств. I — катод (вставка), II — корпус узла (обойма), III — плазма разряда, IV — плазмообразующий газ, V — теплоотвод (жидкость)

ний и зоне трещин в первоначально сплошной структуре. Однако в работе не учтен ряд важных для термического режима факторов, таких как нелинейность граничных условий задачи ввиду излучения и теплообмена с плазмообразующим газом, зависимости тепло- и электрофизических характеристик материалов от температуры, распределения тока и джоулева тепловыделения в объеме электрода.

В данной работе тепловая задача решена с учетом вышеперечисленных составляющих энергообмена и исследовано теплофизическое состояние катодных узлов с произвольными значениями длины вылета катода из обоймы L_c в широком диапазоне рабочих токов.

Математическая постановка задачи

Рассмотрим обобщенный теоретический подход на примере типичного составного катодного узла СПС, представленного на рисунке 1. Исследование термического состояния катодного узла состоит в решении уравнения нестационарной теплопроводности с нелинейными граничными условиями с учетом основных видов радиационного и термического энергообмена электродной системы с внешней средой,

$$c\rho^m \frac{\partial T}{\partial t} = \text{div}(\lambda \text{grad } T) + q_V, \quad (1)$$

где T – температура, c – удельная теплоемкость, ρ^m – плотность материала, λ – коэффициент теплопроводности, q_V – объемная плотность внутренних источников и стоков, обусловленных различного рода физико-химическими процессами выделения и поглощения энергии.

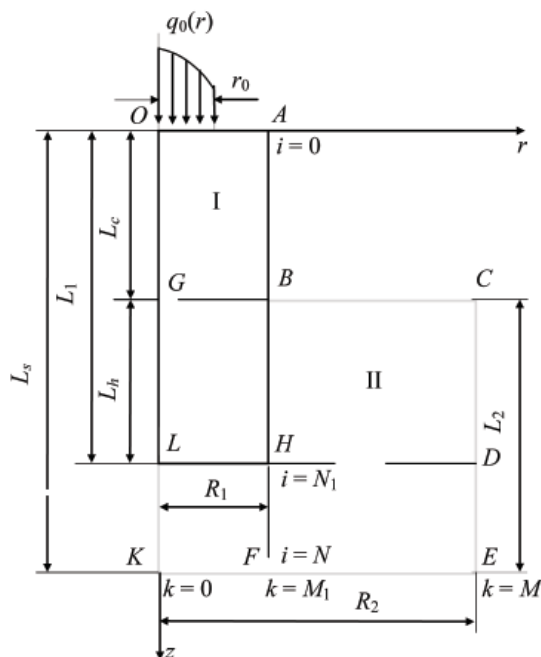

Рис. 2. Расчетная модель катодного узла. I – катод (вставка), II – корпус узла (обойма)

На рисунке 2 показана полуплоскость осевого сечения расчетной модели типичного осесимметричного катодного узла плазменных устройств, составленного из двух соосно сопряженных элементов с различными физико-механическими свойствами. Длина вылета катода из обоймы варьируется от $L_c = 0$ (заделка заподлицо) до $L_c / d_j \gg 1$ (длинный катод). В [14] показано, что при анализе энергообмена для таких электродных узлов в источниковом составляющем q_v уравнения (1) определяющим является вклад джоулевой диссипации энергии. Поэтому температурное поле в осесимметричном катодном узле находится совместным решением уравнения (1) в виде:

$$c_k \rho_k^m \frac{\partial T_k}{\partial t} = \frac{1}{r} \frac{\partial}{\partial r} \left[r \lambda_k(T_k) \frac{\partial T_k}{\partial r} \right] + \frac{\partial}{\partial z} \left[\lambda_k(T_k) \frac{\partial T_k}{\partial z} \right] + j_k^2 / \sigma_k(T_k), \quad (2)$$

и уравнения непрерывности тока

$$\frac{1}{r} \frac{\partial}{\partial r} \left[r \sigma_k(T_k) \frac{\partial U_k}{\partial r} \right] + \frac{\partial}{\partial z} \left[\sigma_k(T_k) \frac{\partial U_k}{\partial z} \right] = 0, \quad (3)$$

$$j_k = (j_r^2 + j_z^2)^{1/2}, \quad j_r = -\sigma_k(T_k) \partial U_k / \partial r, \quad j_z = -\sigma_k(T_k) \partial U_k / \partial z$$

для вставки ($k = 1$) и обоймы ($k = 2$).

В начальный момент времени $t = 0$ на катодный узел подается токовая нагрузка для зажигания дугового разряда. При этом на рабочий торец стержневого термоэмиссионного катода ($z = 0$) в пределах круга радиуса r_0 поступает осесимметричный тепловой поток, моделирующий термическое воздействие плазмы разряда: $q_0 = F(r)$, где $F(r)$ – в общем случае известная функция, r и z – цилиндрические координаты. Под влиянием теплового потока q_0 и джоулева тепловыделения во вставке начинается нагрев катодного узла с исходной температуры $T_{1,2} = T_0$. Динамика данного процесса в любой момент времени описывается уравнениями (2), (3). Поскольку $\tau_\lambda \gg \tau_\epsilon$ ($\tau_\lambda, \tau_\epsilon$ – соответственно характерные времена тепловых и электрических процессов), уравнение (3) записывается в стационарной форме.

Граничные условия к уравнению (2) поставлены следующим образом:

1) на рабочем торце катода (поверхность OA) реализуются теплоперенос из плазмы дугового разряда, теплообмен с газовой средой и излучение по закону Стефана-Больцмана

$$\lambda_1(T_1) \frac{\partial T_1(r, 0)}{\partial z} = \begin{cases} -q_0, & 0 \leq r \leq r_0 \\ \alpha_g(T_1 - T_g) + \epsilon_1(T_1) \sigma_B(T_1^4 - T_g^4), & r_0 < r \leq R_1 \end{cases}$$

2) на горячем торце корпуса узла (BC) происходит теплообмен с газом

$$\lambda_2(T_2) \partial T_2(r, L_c) / \partial z = \alpha_g(T_2 - T_g), \quad R_1 < r \leq R_2$$

- 3) холодный торец (KE) охлаждается жидкостью

$$\lambda_2(T_2)\partial T_2(r, L_s)/\partial z = -\alpha_f(T_2 - T_f), \quad 0 \leq r \leq R_2$$

- 4) на внешней цилиндрической поверхности катода (AB) – конвективный теплообмен и излучение по закону Стефана-Больцмана, ободу (CE) – теплоотдача газу

$$\lambda_1(T_1)\partial T_1(R_1, z)/\partial r = -\alpha_g(T_1 - T_g) - \varepsilon_1(T_1)\sigma_B(T_1^4 - T_g^4), \quad 0 \leq z < L_c$$

$$\lambda_2(T_2)\partial T_2(R_2, z)/\partial r = -\alpha_g(T_2 - T_g), \quad L_c \leq z \leq L_s$$

- 5) на оси симметрии катодного узла (OK) радиальный тепловой поток равен нулю

$$\partial T_{1,2}(0, z)/\partial r = 0, \quad 0 \leq z \leq L_s.$$

Уравнение (3) решается для катода с граничными условиями:

- 1) на рабочем торце (OA)

$$\sigma_1(T_1)\frac{\partial U_1(r, 0)}{\partial z} = \begin{cases} -I/\pi r_0^2, & 0 \leq r \leq r_0 \\ 0, & r_0 < r \leq R_1 \end{cases}$$

- 2) на холодном торце (LH)

$$U_1(r, L_1) = 0, \quad 0 \leq r \leq R_1$$

- 3) на внешней цилиндрической поверхности (AB)

$$\partial U_1(R_1, z)/\partial r = 0, \quad 0 \leq z < L_c$$

- 4) на внутренней цилиндрической поверхности (BH)

$$U_1(R_1, z) = 0, \quad L_c \leq z \leq L_1$$

- 5) на оси катода (OL)

$$\partial U_1(0, z)/\partial r = 0, \quad 0 \leq z \leq L_1.$$

В уравнениях и граничных условиях приняты следующие обозначения:

U_k – потенциал электрического поля, $\sigma_k(T_k)$ – удельная электрическая проводимость, I – разрядный ток, j_k – плотность тока, σ_B – постоянная Стефана-Больцмана, $\varepsilon_k(T_k)$ – интегральная излучательная способность, α_g, α_f – коэффициенты теплоотдачи газу и жидкости, T_g, T_f – температуры газа и жидкости. Отметим особенности поставленной задачи.

1. Система уравнений (2) и (3) нелинейна, т. к. коэффициенты $\lambda_k(T_k)$, $\varepsilon_k(T_k)$ и $\sigma_k(T_k)$ являются нелинейными функциями температуры. Поскольку зависимости $\lambda_k(T_k)$ и $\varepsilon_k(T_k)$ слабые в практических расчетах ими можно пренебречь. Важен учет функции $\sigma_k(T_k)$. Например, для вольфрамового электрода при изменении температуры от 300 до 3660 К σ_1 уменьшается примерно в 20 раз, $\lambda_1 - 1,4$ раза, а ε_1 увеличивается в 2 раза [1].

2. Граничные условия задачи нелинейны – при высоких температурах, реализующихся в термоэмиссионном режиме, вклад лучистой компоненты в энергообмене на внешней поверхности катода становится определяющим фактором [5].

3. Удельный тепловой поток q_0 и радиус пятна r_0 находятся из эксперимента или же из совместного решения замкнутой системы уравнений, описывающих катодные и прикатодные процессы СПС [14]. Граничное условие при $r = r_0$ соответствует случаю, когда q_0 и r_0 определяются из экспериментальных данных кондуктивного теплового потока в катод. Ввиду отсутствия точных данных по распределению $q_0(r, 0)$ и $j_1(r, 0)$ для определенности считаем их постоянными в пределах катодного пятна, а вне пятна равными нулю, т. е. аппроксимируем ступенчатой функцией Хевисайда

$$F(r) = a_0 \theta(r_0 - r), \quad \theta(r_0 - r) = \begin{cases} 1, & r_0 - r \geq 0 \\ 0, & r_0 - r < 0 \end{cases},$$

где постоянная a_0 принимает значения соответственно $q_0 = Q / \pi r_0^2$ и $j_0 = I / \pi r_0^2$, Q – интегральный тепловой поток из прикатодной области.

4. Решение уравнения (3) позволяет корректно учесть мощность объемного источника тепла. При использовании в электродном узле элементов W – Cu в силу соотношений $\sigma_1 \gg \sigma_2$ и $j_1 \gg j_2$ уравнение непрерывности тока решается только для вольфрамовой вставки. Эти же соотношения учтены при постановке граничных условий, поэтому на поверхности контакта двух элементов конструкции $U(r, z) = 0$. По локальным значениям плотности тока $j_1(r, z)$ вычисляется джоулево тепловыделение в катоде.

5. Условия сопряжения элементов катодного узла зависят от метода их соединения. Наиболее распространенный вариант – тепловой контакт, когда выполняются условия равенства температур и тепловых потоков:

$$T_1 = T_2, \quad \lambda_1(T_1) \partial T / \partial \mathbf{n} = \lambda_2(T_2) \partial T_2 / \partial \mathbf{n},$$

где \mathbf{n} – нормаль к внутренней границе, направленная по координате z на поверхность LH и вдоль координаты r на BH .

Метод решения

Тепловая задача в сформулированной постановке аналитически не решается. Поэтому используется численный метод конечных разностей с локально-одномерной схемой прогонки [12]. Метод позволяет строго учесть все рассмотренные выше факторы: двумерность задачи, нелинейности граничных условий, зависимости тепло- и электрофизических свойств материалов от температуры и неравномерность распределения тока в объеме электрода.

Уравнение нестационарной теплопроводности (2) решается методом установления (стационарирования). Для придания алгоритму решения универсальности следует перейти к безразмерным переменным. После обезразмеривания уравнение (2) запишется следующим образом:

$$\frac{\partial y}{\partial \tau} = F_{0z}^I \left(\frac{\partial^2 y}{\partial \tilde{z}^2} \right) + F_{0r}^I \left(\frac{1}{\tilde{r}} \frac{\partial y}{\partial \tilde{r}} + \frac{\partial^2 y}{\partial \tilde{r}^2} \right) + G_0^I \tilde{j}_1^2 \tilde{\rho}_1(T_1), \quad (4)$$

$$\frac{\partial x}{\partial \tau} = F_{0z}^{II} \left(\frac{\partial^2 x}{\partial \tilde{z}^2} \right) + F_{0r}^{II} \left(\frac{1}{\tilde{r}} \frac{\partial x}{\partial \tilde{r}} + \frac{\partial^2 x}{\partial \tilde{r}^2} \right) + G_0^{II} \tilde{j}_2^2 \tilde{\rho}_2(T_2), \quad (5)$$

соответственно для элементов I и II электродной структуры. Здесь $F_{0z} = \lambda \tau_0 / c \rho^m L_s^2$, $F_{0r} = \lambda \tau_0 / c \rho^m R_2^2$, $G_0 = j_0^2 \tau_0 / \sigma_0 \rho^m c T_0$ – безразмерные параметры, $y = T_1 / T_0$, $x = T_2 / T_0$ – относительные температуры в элементах; $\tau = t / \tau_0$, $\tilde{z} = z / L_s$, $\tilde{r} = r / R_2$ – безразмерные координаты; τ_0 , L_s , R_2 – масштабы координат.

В дальнейшем индекс «тильда» в переменных опускаем, используя в формулах безразмерные величины. Область интегрирования I – II, занимаемую катодным узлом, разбиваем пространственной сеткой

$$\omega_{h_1, h_2} = \bar{\omega}_{h_1} \times \bar{\omega}_{h_2} \begin{cases} z_i = i h_1, & h_1 > 0, \quad i = 0, 1, 2, \dots, N; \quad N h_1 = L_s \\ r_k = k h_2, & h_2 > 0, \quad k = 0, 1, 2, \dots, M; \quad M h_2 = R_2 \end{cases}$$

с шагами h_1 по координате z и h_2 по r . По временной координате введем равномерную сетку $\bar{\omega}_{\tau_0} = \{t_j = j \tau_0, \quad \tau_0 > 0, \quad j = 0, 1, 2, \dots\}$ с шагом τ_0 .

Значение сеточной функции y (или x) в некотором узле сетки (z_i, r_k, t_j) обозначим $y_{i,k}^j$. Соответственно $y(z_{i\pm 1}, r_{k\pm 1}, t_j) = y_{(i,k)\pm 1}^j$, $y(z_i, r_k, t_{j+1}) = y_{i,k}^{j+1}$.

На 4-х точечном шаблоне расчетной пространственно-временной сетки дифференциальное уравнение (4) аппроксимируется разностным уравнением:

$$y_{i,k}^{j+1} - y_{i,k}^j = F_{0z} (y_{i-1}^{j+1} - 2y_i^{j+1} + y_{i+1}^{j+1}) / (h_1 / L_s)^2 + F_{0r} (y_{k+1}^{j+1} - y_{k-1}^{j+1}) / 2k(h_2 / R_2)^2 + \\ + F_{0r} (y_{k-1}^{j+1} - 2y_k^{j+1} + 2y_{k+1}^{j+1}) / (h_2 / R_2)^2 + G_0 j_c (y_k^j) / \sigma(y_k^j), \quad (6)$$

где $\sigma(y_k^j)$ – удельная проводимость на j -том временном слое. Погрешность аппроксимации имеет порядок $O(h^2 + \tau)$ [12]. Применяя локально-одномерную схему прогонки метода дробных шагов [13], уравнение (6) разбиваем на два одномерных:

$$y_i^{j+1} - y_i^j = 2F_{0z} (y_{i-1}^{j+1} - 2y_i^{j+1} + y_{i+1}^{j+1}) / (h_1 / L_s)^2, \quad (7)$$

$$y_k^{j+1} - y_k^j = 2F_{0r} ((y_{k+1}^{j+1} - y_{k-1}^{j+1}) / 2k(h_2 / R_2)^2 + (y_{k+1}^{j+1} - 2y_k^{j+1} + 2y_{k+1}^{j+1}) / (h_2 / R_2)^2) + \\ + 2G_0 j_c (y_k^j) / \sigma(y_k^j), \quad (8)$$

соответственно по координатам z и r . При прогонке разностные уравнения (7) и (8) приводятся к алгебраической системе уравнений типа:

$$A_i y_{i-1} - C_i y_i + B_i y_{i+1} = -F_i, \quad (9)$$

с условиями $A_i, B_i > 0$, $C_i > A_i + B_i$, обеспечивающими разрешимость системы методом прогонки. Решение задачи ищем в виде:

$$y_i = \alpha_{i+1} y_{i+1} + \beta_{i+1}, \quad i = 0, 1, 2, \dots, N-1, \quad (10)$$

где коэффициенты α_{i+1} и β_{i+1} вычисляются по рекуррентным соотношениям

$$\alpha_{i+1} = B_i / (C_i - A_i \alpha_i), \quad \beta_{i+1} = (F_i - A_i \beta_i) / (C_i - A_i \alpha_i). \quad (11)$$

Значение начальных прогоночных коэффициентов α_j и β_j определяется при помощи одного из граничных условий области интегрирования. Затем из второго граничного условия находим значения сеточной функции y_N и по формуле (10) вычисляем все остальные значения y_i вплоть до y_0 . При этом переход от временного слоя j на слой $(j+1)$ осуществляется последовательным решением однородных уравнений (7) и (8) по соответствующим координатам. Так как катодный узел состоит из сопряженных элементов разной геометрии, необходимо разбить его на несколько простых областей и для каждой решать свой прогоночный цикл, «сшивая» соседние области удовлетворением единым граничным условиям. Для прогонки по координате z выделяются области $OAFK$ и $BCEF$, а по координате r области $OABG$, $GCDL$ и $LDEK$ (рис. 2). Следует отметить особенность прогонки по областям $OAFK$ и $GCDL$. Здесь используется метод встречных прогонок [13]: из граничных условий вычисляются начальные коэффициенты α_1^I и β_1^I для первого элемента, α_1^{II} и β_1^{II} для второго элемента, а искомая функция на их границе определяется из условий сопряжения.

Рассмотрим решение уравнений (7) и (8) по координатам z и r .

Расчет по координате z . Разностное уравнение (7) преобразуем к виду:

$$F_{0z}(h_1/L)^{-2} y_{i-1}^{j+1} - (2 + 2F_{0z}(h_1/L_s)^{-2}) y_i^{j+1} + F_{0z}(h_1/L_s)^{-2} y_{i+1}^{j+1} = -2y_i^j.$$

Обозначая $A_i = B_i = F_{0z}(h_1/L_s)^{-2} = F_{0z}N^2$, $C_i = 2 + 2F_{0z}N^2$, $F_i = 2y_i^j$, получим систему разностных уравнений вида (9), которая решается для каждой области интегрирования. Поскольку вычислительная процедура прогоночных коэффициентов и граничных значений функций достаточно громоздка, ниже приведем их последовательный расчет лишь для сложной области $OAFK$. Расчеты по другим областям проводятся аналогично данной области.

Область $OAFK$.

1. Левое граничное условие (охлаждаемая поверхность элемента II). Экспериментально [7] показано, что практически $T(r, L_s) = T_0$. Сравнивая $y_0^{j+1} = \alpha_1 y_1^{j+1} + \beta_1$ с данным условием, находим $\alpha_1^{II} = 0$, $\beta_1^{II} = 1$.

2. Правое граничное условие (активная поверхность элемента I) после обезразмеривания запишется следующим образом:

$$\frac{y_1^{j+1} - y_{-1}^*}{2h_1/L_s} = \begin{cases} -\lambda_1^{-1} T_0^{-1} q L_s + \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma L_s T_0^2 (y_0^j)^3 y_0^{j+1}, & 0 \leq r \leq r_0 \\ \lambda_1^{-1} \alpha L_s y_0^{j+1} + \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma L_s T_0^3 (y_0^j)^3 y_0^{j+1}, & r_0 < r \leq R_1 \end{cases}. \quad (12)$$

Здесь удовлетворение граничных условий со вторым порядком точности приводит к необходимости постулировать выполнение уравнений и в граничных точках (в расширенной зоне). Вводится неизвестное значение искомой функции y_{-1}^* в фиктивной точке. Исключая значение y_{-1}^* из уравнения (12) при помощи

$$A_0 y_{-1}^* - C_0 y_0^{j+1} + B_0 y_1^{j+1} = -F_0, \quad y_0^{j+1} = \alpha_1 y_1^{j+1} + \beta_1,$$

определяем начальные прогоночные коэффициенты

$$\alpha_1^I = \begin{cases} (1 + (h_1 / L_s)^2 / F_{0z}^I + \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma h_1 T_0^3 (y_0^j)^3)^{-1}, & 0 \leq r \leq r_0 \\ (1 + (h_1 / L_s)^2 / F_{0z}^I + \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma h_1 T_0^3 (y_0^j)^3 + \lambda_1^{-1} \alpha h_1)^{-1}, & r_0 < r \leq R_1 \end{cases},$$

$$\beta_1^I = \begin{cases} \frac{y_0^{j+1} (h_1 / L_s)^2 / F_{0z}^I + q_0 \lambda_1^{-1} T_0^{-1} h_1}{1 + (h_1 / L_s)^2 / F_{0z}^I + \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma h_1 T_0^3 (y_0^j)^3}, & 0 \leq r \leq r_0 \\ \frac{y_0^{j+1} (h_1 / L_s)^2 / F_{0z}^I}{1 + (h_1 / L_s)^2 / F_{0z}^I + \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma h_1 T_0^3 (y_0^j)^3 + \lambda_1^{-1} \alpha h_1}, & r_0 < r \leq R_1 \end{cases}.$$

3. Условие на границе сопряжения в разностной форме запишется:

$$y_{N_1}^{j+1} = y_{N_2}^{j+1}, \quad \lambda_1 L_s (2h_1)^{-1} (y_{N_1+1}^* + y_{N_1-1}^{j+1}) = \lambda_2 L_s (2h_1)^{-1} (x_{N_2+1}^* - x_{N_2-1}^{j+1}),$$

с другой стороны

$$y_{N_1-1}^{j+1} = y_{N_1}^{j+1} \alpha_{N_1}^I + \beta_{N_1}^I, \quad A_{N_1}^I y_{N_1-1}^{j+1} - C_{N_1}^I y_{N_1}^{j+1} + B_{N_1}^I y_{N_2+1}^* = -F_{N_2}^I$$

$$x_{N_2-1}^{j+1} = y_{N_2}^{j+1} \alpha_{N_2}^{\text{II}} + \beta_{N_2}^{\text{II}}, \quad A_{N_2}^{\text{II}} x_{N_2-1}^{j+1} - C_{N_2}^{\text{II}} x_{N_2}^{j+1} + B_{N_2}^{\text{II}} x_{N_2+1}^* = -F_{N_2}^{\text{II}}.$$

Решая совместно уравнения (13–15), получим граничные значения искомых функций:

$$y_{N_1}^{j+1} = x_{N_2}^{j+1} = \frac{\lambda_1 \beta_{N_1}^I + \lambda_2 \beta_{N_2}^{\text{II}} + (h_1 / L_s)^2 (\lambda_1 / F_{0z}^I + \lambda_2 / F_{0z}^{\text{II}}) y_{N_1}^j}{\lambda_1 + \lambda_2 - \lambda_1 \alpha_{N_1}^I - \lambda_2 \alpha_{N_2}^{\text{II}} + (h_1 / L_s)^2 (\lambda_1 / F_{0z}^I + \lambda_2 / F_{0z}^{\text{II}})}.$$

Расчет по координате r . После несложных преобразований уравнение (8) приводится к виду:

$$F_{0r} (1 - 1/2k) y_{k-1}^{j+1} - 2(F_{0r} + M^{-2}) y_k^{j+1} + F_{0r} (1 + 1/2k) y_{k+1}^{j+1} =$$

$$= G_0 M^{-2} j_c^2 (y_k^j) \sigma^{-1} (y_k^j) + 2M^{-2} y_k^j,$$

или

$$A_k y_{k-1}^{j+1} - C_k y_k^{j+1} + B_k y_{k+1}^{j+1} = -F_k^j,$$

$$A_k = F_{0r} (1 - 1/2k), \quad C_k = 2(F_{0r} + M^{-2}), \quad B_k = F_{0r} (1 + 1/2k), \quad (16)$$

$$F_k^j = G_0 M^{-2} j_c^2 (y_k^j) \sigma^{-1} (y_k^j) + 2M^{-2} y_k^j$$

Аналогично ранее записанному соотношению по z решение уравнения (16) ищем в форме $y_k^{j+1} = \alpha_{k+1} y_{k+1}^{j+1} + \beta_{k+1}$, где

$$\alpha_{k+1} = (1 + 1/2k) / (2 + 2F_{0r}^{-1}M^{-2} - (1 - 1/2k)\alpha_k) \\ \beta_{k+1} = (F_{0r}(1 - 1/2k)\beta_k + G_0 j_c^2 M^{-2} \sigma + 2M^{-2} y_k^{j+1}) / (2F_{0r} + 2M^{-2} - (1 - 1/2k)F_{0r}\alpha_k).$$

Область $OABG$.

1. На оси симметрии ($k = 0$) радиальный тепловой поток равен нулю. Следовательно, в уравнении (2) слагаемое $\frac{1}{r} \frac{\partial T}{\partial r}$ при $r \rightarrow 0$ представляет собой неопределенность типа $0/0$. Раскрытие ее по правилу Лопиталья

$$\lim_{r \rightarrow 0} \frac{1}{r} \frac{\partial T}{\partial r} = \frac{\partial^2 T}{\partial r^2}$$

дает следующее разностное выражение:

$$y_0^{j+1} - y_0^j = R_2^2 h_2^{-2} F_{0r}^I (y_{-1}^{j+1} - 2y_0^{j+1} + y_1^{j+1}) + G_0 j_c^2 (y_0^j) \sigma^{-1} (y_0^j).$$

Полагая $y_{-1} = y_1$, имеем:

$$y_0^{j+1} = (1 - M^2 / 2F_{0r})^{-1} y_1^{j+1} = (y_0^j + G_0^I j_c^2 (y_0^j) / 2\sigma(y_0^j)) / (1 + 2F_{0r} M^2).$$

Сравнивая с $y_0^{j+1} = \alpha_1 y_1^{j+1} + \beta_1$, находим прогоночные коэффициенты на оси симметрии:

$$\alpha_1 = (1 - M^2 / 2F_{0r})^{-1}, \quad \beta_1 = (y_0^j + G_0^I j_c^2 (y_0^j) / 2\sigma(y_0^j)) / (1 + 2F_{0r} M^2).$$

2. Определение граничной температуры $y_{M_1}^{j+1}$ на цилиндрической поверхности AB сводится к решению следующей системы уравнений:

$$(y_{M_1+1}^* - y_{M_1-1}^{j+1}) / (2h_2 / R_2) = -\lambda_1^{-1} \alpha R_2 y_{M_1}^{j+1} - \lambda_1^{-1} \varepsilon_1 \sigma R_2 T_0^3 (y_{M_1}^j)^3 y_{M_1}^{j+1} \\ A_{M_1}^I y_{M_1-1}^{j+1} - C_{M_1}^I y_{M_1}^{j+1} + B_{M_1}^I y_{M_1+1}^* = -F_{M_1}^j.$$

После преобразований окончательно получим:

$$y_{M_1}^{j+1} = \frac{F_{0r}^I \beta_{M_1}^1 + G_0^I j_c^2 (y_{M_1}^j) / (2M^2 \sigma_1 (y_{M_1}^j)) + M^{-2} y_{M_1}^j}{F_{0r}^I + M^{-2} - F_{0r}^I \alpha_{M_1}^j + (0,5 \lambda_1^{-1} F_{0r}^I) (\alpha h_1 + \varepsilon_1 \sigma h_2 T_0^3 (y_0^j)^3)}.$$

Расчеты по областям $CDLG$ и $DEKL$ проводятся аналогично расчетам по области $OAFK$, показанным при прогонке по координате z .

Таким образом, чередуя прогоночные циклы, по координатам z и r определяем искомое установившееся температурное поле катодного узла.

Рассмотренный выше метод применяется также для решения уравнения (3) с соответствующими граничными условиями. Для этого в алгоритме значения $\varepsilon_{l,2}$, α_g , j и T_0 необходимо приравнять к нулю, а $\lambda_l(T_l)$ и $T_l(r,z)$ заменить соответственно на $\sigma_l(T_l)$ и $U_l(r,z)$. Таким образом, задача о тепловом состоянии катодного узла решается в следующем порядке. Сначала из уравнения неразрывности тока находится поле

электрического потенциала $U_1(r,z)$ и определяется распределение плотности тока по формулам:

$$j_1 = (j_r^2 + j_z^2)^{1/2}, \quad j_r = -\sigma_1(T) \partial U_1 / \partial r, \quad j_z = -\sigma_1(T) \partial U_1 / \partial z.$$

Затем, используя полученное распределение тока в объеме электрода, решается уравнение теплопроводности и вычисляется поле температур $T_{1,2}(r,z)$. Отметим, что неявная локально-одномерная схема прогонки обеспечивает безусловную сходимость при любых значениях h_1 , h_2 и τ_0 . При выборе пространственных шагов в соответствии с $F_0/G_0 \sim 1$ стационарный режим достигается с точностью $\sim 1\%$ через $t = 1,3 \cdot 10^3 \tau_0$ ($\tau_0 = 10^{-3}$ с).

Составленный численный алгоритм реализован в виде прикладной Фортран-программы и позволяет моделировать динамику выхода термического состояния катодных узлов на стационарный режим и рассчитать температурные поля $T_{1,2}(r,z)$ во всей электродной системе «вставка – обойма» цилиндрической симметрии. Особенностью алгоритма является определение стационарного температурного поля решением уравнения нестационарной теплопроводности методом установления. Эволюционный характер задачи позволяет при решении уравнения (2) по выбранной схеме прогонки произведение $c_k \rho_k^m$ принять постоянным, хотя оно в общем виде является функцией температуры, координат и т. д. При изучении сугубо нестационарных и переходных режимов системы такое упрощение исключается.

Результаты расчетов

В работе на основе развитого метода была проведена серия численных экспериментов по моделированию тепловых режимов катодных узлов различной геометрии в зависимости от внешних параметров плазменных устройств. Расчеты показали, что доминирующими факторами, определяющими уровень и характер распределения температурного поля в катодном узле, являются токовая нагрузка и геометрические размеры составных элементов конструкции. В [16] для определенных номинальных мощностей плазменных устройств (задается токовая нагрузка) исследовано влияние геометрических размеров и свойств материалов катодных узлов на их тепловое состояние.

В данной работе представлены результаты решения другой задачи – исследование и определение для заданных геометрических и теплофизических параметров системы оптимальных термических режимов функционирования системы в зависимости от токовой нагрузки. Анализировались температурные поля электродов из активированного и чистого вольфрама в широком диапазоне рабочих токов ($10 - 1,5 \cdot 10^3$ А). При этом численные расчеты сравнивались с экспериментальными результатами, полученными в работах [2; 3; 7; 9; 14; 17; 23].

Рассмотрим температурное поле в составном катодном узле плазмотрона, представляющем собой стержень из торированного вольфрама ВТ-15 ($W+1,5\% \text{ ThO}_2$), запрессованного в корпус медной обоймы. Расчетные данные следующие:

$L_1 = 3$ см, $L_h = 1$ см, $L_c = 2$ см, $R_1 = 0,25$ см, $L_2 = 1,5$ см, $R_2 = 1,5$ см, $\lambda_1 = 118$ Вт/м·К, $\lambda_2 = 352$ Вт/м·К, $c_1 = 130$ Дж/кг·К, $c_2 = 380$ Дж/кг·К, $\varepsilon_1 = 0,3$, $\alpha_g = 370$ Вт/м²·К, $\sigma_B = 5,67 \cdot 10^{-8}$ Вт/м²·К⁴, $\rho_1^m = 1,9 \cdot 10^4$ кг·м⁻³, $\rho_2^m = 8,93 \cdot 10^3$ кг·м⁻³, $h_1 = 5 \cdot 10^{-2}$ см, $h_2 = 10^{-2}$ см, $\tau_0 = 10^{-3}$ с. Разряд горит в Аг при давлении $p = 1,01 \cdot 10^5$ Па, ток разряда $I = 300$ А, экспериментальное значение интегрального теплового потока $Q_T = 340$ Вт [2].

Графики на рисунке 3 наглядно показывают вклад объемного источника и сложного теплообмена на цилиндрической и рабочей поверхностях электрода в тепловой задаче. Осевые распределения $T(0,z)$ получены варьированием в различных сочетаниях тепло- и электрофизических коэффициентов в уравнениях и граничных условиях задачи. Температурное поле, рассчитанное с учетом конвективного, лучистого теплообменов и джоулева эффекта (кривая 1), имеет хорошее согласие с экспериментальным [2; 14], что свидетельствует о правильной постановке задачи и ее соответствии условиям функционирования реальных сильноточных плазменных систем. В обратной ситуации при пренебрежении всеми перечисленными составляющими энергобаланса появляются значительные погрешности в определении термического состояния катода (кривая 2). Однако учет по отдельности только объемного источника тепла (кривая 3) или же конвективного и радиационного теплообменов с поверхности электрода (кривая 4) приводит к еще большим ошибкам в расчете температурного поля. Причем их вклад в энергобаланс зависит от геометрии электрода и величины разрядного тока. При токовой нагрузке $I < 300$ А и плотности тока $j < 1,5 \cdot 10^7$ А/м² для рассматриваемой геометрии катодного узла вклад теплообмена на границах заметно больше эффекта Джоуля. С увеличением тока доля последнего фактора в энергобалансе катода повышается и при $I > 500$ А объемный источник тепла уже преобладает над конвективной и лучистой составляющими теплообмена.

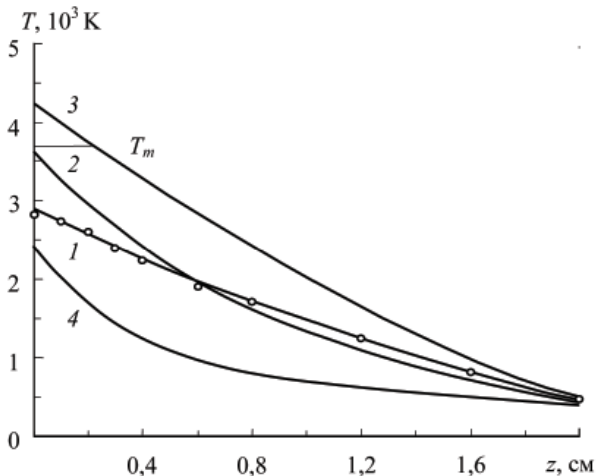

Рис. 3. Осевые распределения температур катода. Кривые – расчет, кружки – эксперимент, T_m – температура плавления W

Картина протекания тока внутри вставки рассматриваемого электродного узла показана на рис. 4 в виде линий тока (прерывистые) и эквипотенциалов (сплошные). Распределение плотности тока во вставке крайне неравномерное. Большие градиенты плотности тока j , реализующиеся в области пятна, отмечены густой сетью характерных линий. В средней части вставки плотность тока распределена достаточно равномерно. В объеме катода при $z > L_c$ происходит заметное уменьшение j , что связано с уходом тока через его боковую поверхность вглубь обоймы в радиальном направлении. При уменьшении длины вылета катода из обоймы вследствие интенсификации теплосъема с горячего торца происходит контрагирование привязки дугового разряда, причем наиболее сильное при $L_c = 0$. Наблюдается значительный рост плотностей теплового потока и тока, что приводит к резкому увеличению уровня и градиента температуры в опорном пятне и его окрестности [16].

В большинстве применяемых в научных исследованиях и инновационных технологиях СПС в качестве материалов для катодов используются тугоплавкие металлы (W, Mo, Ta и др.), легированные окислами редкоземельных металлов. Активирующие

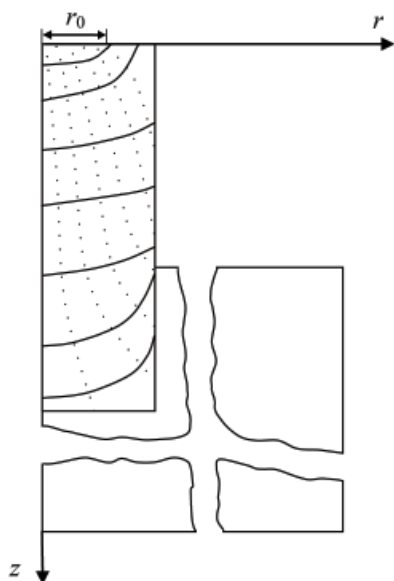

Рис. 4. Линии тока (прерывистые) и эквипотенциали (сплошные линии) в катоде

элементы, обладая меньшей работой выхода электронов, чем основной металл, улучшают его эмиссионные характеристики, что позволяет значительно снизить уровень рабочих температур и расширить токовый диапазон функционирования катода. Реализуется термоэмиссионный режим с исключительно малой удельной эрозией, повышаются чистота генерируемой плазмы и ресурс работы электрода. Однако в процессе работы вследствие диффузии и испарения легирующего компонента, различного рода фазовых и структурных изменений в области больших градиентов температуры и плотностей тока происходит ухудшение эмиссионных и прочностных свойств материала катода, что приводит к существенному снижению его работоспособности. Закономерности этих явлений определяют работоспособность и ресурс катодов данного класса. Задача состоит в нахождении оптимальных температурных режимов и уровня токовой нагрузки катодных узлов. Приведем пример расчета теплового состояния активированного термоэмиссионного катода в зависимости от силы тока.

На рисунке 5 представлены профили осевого распределения температуры катода из лантанированного вольфрама ВЛ-30 ($W + 3\% La_2O_3$) при различной токовой нагрузке катодного узла с геометрическими размерами, приведенными к рисунку 3. При малых значениях тока (кривая 1) основная масса катода имеет низкую температуру, кроме области контакта с разрядом, где наблюдается наибольший градиент в рас-

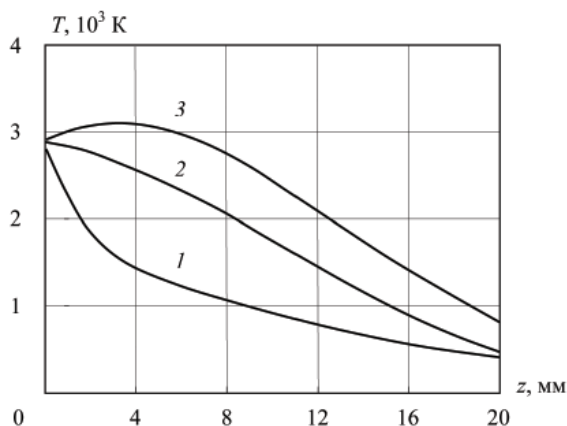

Рис. 5. Осевые распределения температуры катода.

Газ – Ar, $p = 1,01 \cdot 10^5$ Па, 1 – 100 А, 2 – 350 А, 3 – 600 А

повышается, профиль $T(r, z)$ приобретает немонотонный характер. Такие экспериментальные закономерности наблюдались в [2; 3; 9; 17; 23]. В данном случае эффект

пределений осевой температуры $T(z)$. В диапазоне рабочих токов 350 – 370 А (кривая 2) профиль температуры катода выравнивается, наблюдается равномерный прогрев массива электрода. Для катодов, легированных эмиссионными присадками, этот режим является оптимальным, так как достигается наиболее эффективная компенсация испарения присадки с активной поверхности диффузионным потоком из объема электрода. Концентрация на горячем торце сохраняется на высоком уровне в течение длительного времени, чем обеспечивается максимальный ресурс работы таких катодов.

При больших токах (кривая 3) средняя температура катода резко

Джоуля преобладает в общем энергообмене катода (см. рис. 3), а баланс энергии на рабочей поверхности электрода становится отрицательным – электроны эмиссии уносят больше энергии, чем приносят ионы из прикатодной области [15].

В термоэмиссионном режиме влияние джоулева тепловыделения с уменьшением длины вылета катода из обоймы L_c при постоянных значениях тока и диаметра вставки снижается, при этом возрастает влияние теплового потока из плазмы. Это хорошо видно из графиков на рисунке 6, где показана зависимость температуры рабочего торца от тока при $L_c = 1$ см. По сравнению с катодом вдвое длинным вылетом ($L_c = 2$ см), рассмотренного выше, распределение $T(r;0)$ становится более крутым, особенно при малых значениях тока из-за контрагирования разряда. С увеличением токовой нагрузки растет температура активного торца катода, причем температура на периферии торца растет быстрее, чем в центре. Это связано с тем, что с увеличением тока расширяется площадь контакта с плазмой разряда и, как следствие, профиль температуры по торцу электрода постепенно выравнивается. Кроме того, сильное влияние начинает оказывать обсуждаемый выше джоулев нагрев и при токах $I > 600$ А температуры $T(0, 0)$ и $T(R, 0)$ становятся практически одинаковыми.

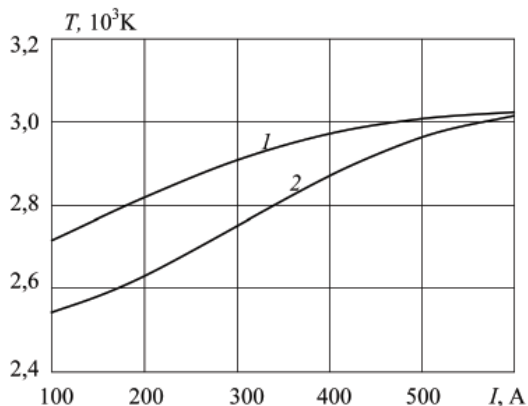

Рис. 6. Зависимость температуры рабочего торца от тока. $L_c = 1$ см

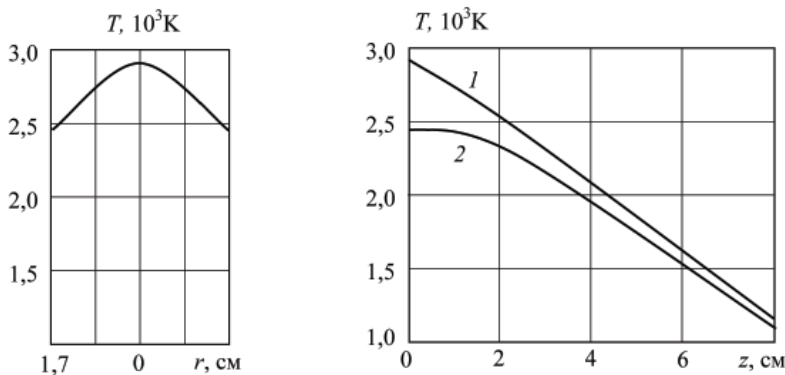

Рис. 7. Распределения температуры по диаметру рабочего торца и длине вылета катода из обоймы. 1 – $r = 0$, 2 – $r = R_1$, газ – Аг, $p = 1,01 \cdot 10^5$ Па, ток разряда $I = 9$ кА, $L_1 = 13$ см, $L_c = 8$ см, $R_1 = 1,7$ см, $R_2 = 5$ см, $L_2 = 10$ см

На рисунке 7 показаны типичные распределения температур в катоде из иттрированного вольфрама ВИ-20 (W + 2 % Y2O3) сильноточного плавильного плазмотрона, работающего в диапазоне токов 3 – 10 кА (г. Фрайталь, Германия). Тепловой режим оптимизирован на номинальную токовую нагрузку $I = 9$ кА. Этот пример приведен в качестве иллюстрации универсальности алгоритма разработанного метода,

позволяющего провести математическое моделирование и оптимизацию теплового состояния катодных узлов плазменных установок различных мощностей в диапазоне токов от 10 А до 15 кА.

Заключение

Поставлена и решена нелинейная тепловая задача в двумерном приближении для осесимметричного составного катодного узла генераторов низкотемпературной плазмы. В постановке задачи для катода – вставки с произвольной длиной вылета из обоймы учтены локальное джоулево тепловыделение, конвективная и лучистая составляющие комбинированного теплообмена на его поверхности, нелинейные зависимости тепло- и электрофизических свойств структурных элементов конструкции от температуры. Вклад джоулева тепловыделения в энергобаланс катода получен решением нелинейного двумерного уравнения неразрывности тока с переменными коэффициентами. Получены распределения температурного поля катодных узлов различной геометрии в широком диапазоне рабочих токов. Показано, что регулированием токовой нагрузки катодного узла можно найти его оптимальный тепловой режим. Результаты проведенных расчетов находятся в хорошем согласии с известными экспериментальными данными.

Литература

1. Амосов В. М., Карелин Б. А., Кубышкин В. В. Электродные материалы на основе тугоплавких металлов. – М.: Металлургия, 1976. – 224 с.
2. Анышаков А. С., Урбах Э. К., Цыдыпов Б. Д. Оптимизация теплового состояния и ресурса стержневого термокатада // Теплофизика и аэромеханика. – 1995. – Т. 2. – № 2. – С. 167–171.
3. Гордеев В. Ф., Пустогаров А. В. Термоэмиссионные дуговые катоды. – М.: Энергоатомиздат, 1988. – 192 с.
4. Даутов Г. Ю., Тимошевский А. Н., Урюков Б. А. и др. Генерация низкотемпературной плазмы и плазменные технологии: проблемы и перспективы. – Новосибирск: Наука, 2004. – 464 с.
5. Дороднов А. М., Козлов Н. П., Помелов Я. А. Об эффекте «электронного» охлаждения на термоэмиссионном дуговом катоде // ТВТ. – 1973. – Т. 11. – № 4. – С. 724–727.
6. Дресвин С. В. Генераторы низкотемпературной плазмы // Энциклопедия низкотемпературной плазмы. Т. II / под ред. В. Е. Форгова. – М.: Наука, 2000. – С. 280–328.
7. Жуков М. Ф., Засыпкин И. М., Тимошевский А. Н. и др. Электродуговые генераторы термической плазмы. – Новосибирск: Наука, 1999. – 712 с.
8. Жуков М. Ф., Никифоровский В. С. Особенности теплового и механического состояния составных катодов // Экспериментальные исследования плазмотронов. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 292–314.
9. Завидей В. И., Пустогаров А. В., Вертипрахов А. И., Кучеров Я. Р. К определению температуры вольфрамовых катодов плазмотронов // ТВТ. – 1983. – Т. 21. – № 5. – С. 1014–1016.
10. Зимин А. М., Козлов Н. П., Хвесюк В. И. О взаимосвязи катодных процессов электрических дуг // ЖТФ. – 1973. – Т. 43. – Вып. 6. – С. 1248–1254.
11. Котельников В. А., Ульданов С. В., Котельников М. В. Процессы переноса в присте-

ночных слоях плазмы. – М.: Наука, 2004. – 422 с.

12. Самарский А. А. Теория разностных схем. – М.: Наука, 1977. – 656 с.

13. Тихонов А. Н., Самарский А. А. Уравнения математической физики. – М.: Наука, 1977. – 736 с.

14. Цыдыпов Б. Д. Катодные и прикатодные процессы сильнотоочных плазменных систем. Теория и эксперимент. – Saarbrücken: Lambert Academics Publishing, 2012. – 272 с.

15. Цыдыпов Б. Д. О критериях теплового состояния термокатода // Письма в ЖТФ. – 2005. – Т. 31. – Вып. 18. – С. 87–94.

16. Цыдыпов Б. Д., Симаков И. Г. Тепловое состояние катодных узлов сильнотоочных плазменных систем // ТВТ. – 2011. – Т. 49. – № 5. – С. 663–670.

17. Ando K., Nishikava I. Studies on anode and cathode phenomena of TIG arc // Weld. Soc. – 1971. – Vol. 40. – P. 312–315.

18. Casado E., Colomer V. The numerical modeling of Joule heating effects in thoriated tungsten cathodes of high-current plasma arcs // J. Phys. D: Applied Physics. – 2000. – Vol. 33. – P. 1342–1347.

19. Cram L. E. A model of the cathode of a thermionic arc // J. Phys. D: Applied Physics. – 1983. – Vol. 16. – P. 1643–1650.

20. Fauchais P., Vardelle A. Thermal plasmas // IEEE Trans. on Plasma Sci. – 1997. – Vol. 25. – № 6. – P. 1258–1280.

21. Hugel H., Krulle G. Phenomenologie und energiebilanz von lichtbogen kathoden bei niedrigem druck und hohen stromstarken // Beitr. Plasmaphys. – 1969. – Bd. 9. – S. 87–116.

22. Neiman W. Der kathodenmechanismus von hochdruckbogen // Beitr. Plasmaphys. – 1969. – Bd. 9. – S. 499–526.

23. Savage W., Stunck S. S., Nishikava I. The effect of electrode geometry in gas tungsten arc welding // Welding J. – 1965. – Vol. 44. – № 11. – P. 489–496.

24. Solano P., Kapadia P., Dowden J. A mathematical analysis of heating effects and electrode erosion in conical electrical arc cathodes // J. Phys. D: Applied Physics. – 1998. – Vol. 31. – P. 3446–3456.

УДК 94 (5)

Э. А. Николаев

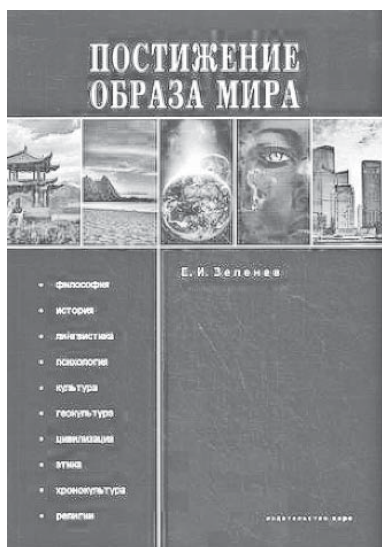
ПОСТИЖЕНИЕ МИРА: ВЗГЛЯД ВОСТОКОВЕДА

Рецензия на монографию Е. И. Зеленева «Постижение образа мира». – СПб.: Изд-во «Каро», 2012. – 336 с.

E. A. NIKOLAEV

THE COMPREHENSION OF THE WORLD:
AN OUTLOOK OF AN ORIENTALIST

Review of the monograph "Comprehension of the Image of the World" by prof. E. I. Zelenov. – SPb.: "Karo" Press, 2012. – 336 p.

Имя Евгения Ильича Зеленева широко известно в мировом востоковедном сообществе. Его ранние монографии уже стали признанной классикой среди востоковедов и гуманитариев разных специальностей, обязательными учебными пособиями для студентов и аспирантов. Достаточно перечислить только некоторые из них: «Доктрина османизма и ее роль в общественной и политической жизни Сирии» (СПб., 1990), «Египет. Средние века и Новое время» (СПб., 1998), «Геополитика в России:

между Востоком и Западом (конец 18 – начало 20 века)» (СПб., 2001), «Россия и мировой политический процесс: геостратегический аспект» (СПб., 2001), «Мусульманский Египет» (СПб., 2006). Посвящение, которое сделано Е. И. Зеленым в авторской ремарке, звучит так: «Эта книга посвящается Восточному факультету Санкт-Петербургского университета, его замечательным ученым и преподавателям, которые своим педагогическим и научным трудом поддерживают славу этого крупнейшего мирового центра изучения многообразных явлений лингвистической и в целом культурной, а также исторической, социальной, политической и экономической жизни стран Азии и Африки». Все сказанное выше об ученых и преподавателях факультета в полной мере относится и к самому автору, который, будучи выпускником факультета, является подлинным продолжателем его традиций. После окончания университета Е. И. Зеленов посвятил свою жизнь служению своей alma mater, будучи преподавателем, а затем и деканом Восточного факультета в период с 2005 по 2012 г.

Общепризнано, что востоковедение – это комплексная наука, фундаментальную основу методологии которой составляет междисциплинарный синтез.

Уточним, что буквально на наших глазах востоковедение переживает процесс собственного «научообразования». На почве изучения азиатско-африканского ареала возникают многообразные исследовательские стратегии, объединенные единой идеологией научного анализа, базирующейся на принципах межкультурных коммуникаций.

В своей монографии профессор Зеленов широкими мазками обозначает стратегическую цель новой парадигмы востоковедного научного знания, а именно – создание путем комплексного изучения стран и народов афро-азиатского ареала и их влияния на мировое развитие новой гуманитарной научной картины мира, необходимой для гармоничного существования человечества в целом и каждой личности в отдельности.

В последние десятилетия классическое востоковедение, рожденное парадигмой сильного Запада и слабого Востока, столкнулось с новой реальностью. Процесс самопознания самих себя странами и народами Азии и Африки идет чрезвычайно стремительно и влияет на классическую востоковедную научную традицию, побуждая ее к изменению.

Отнюдь не случайно сегодня ведутся споры о том, что же именно составляет сущность востоковедения. В современном Китае, например, европейское востоковедение подвергается критике за субъективизм и сохранение атакзизмов колониальной эпохи. Но при этом признается, что именно зарубежное (некитайское) китаеведение (ханьсюэ) стало важной составляющей научного китаеведения собственно в Китае (госюэ). Китайскими интеллектуалами делается попытка и более широкого противопоставления западного знания (сисюэ), западного ориентализма-востоковедения (дунфансюэ) и национальной науки (госюэ).

Возьмем на себя смелость сказать, что подлинное востоковедное образование (особым образом структурированное мировоззрение) разрушает эмоциональ-

ную бесчувственность, прививает способность вживаться в мир Восточного Другого, сохраняя при этом верность научным методам исследования.

Российское востоковедение, в отличие от европейского и североамериканского, изначально имело двойственный вектор развития: наряду с привнесенным европейской классической традицией вектором «европоцентризма», существовала и «восточная линия самопознания», носителями которой были образованные представители азиатско-африканского ареала. Конечно же, синдром «мифотворчества о Востоке» был присущ и российскому востоковедению, поскольку оно возникло и развивалось преимущественно в формате европейской научной эпистемы. Однако оно никогда не было только инструментом колониального подчинения, напротив, наряду с исследованием зарубежной Азии, оно серьезно изучало и собственно российские азиатские пространства.

Выход из состояния кризиса для современного востоковедения оказался возможен на пути совмещения специализированных знаний и пространственного подхода при анализе общественных явлений.

Монография Е. И. Зеленева представляет собой весьма характерный для современного востоковедения жанр междисциплинарного исследования. Элементы истории и лингвистики, психологии и социологии, философии и политологии подчинены в ней единой задаче – приблизиться к пониманию такого важного явления современности как гуманитарный научный образ мира, формирование которого происходит буквально на наших глазах.

Наряду с гуманитарным научным образом мира в монографии исследуется формирование *глобальной этики развития человечества*. Новая глобальная этическая традиция, пронизывающая буквально все сферы нашей жизни, включая политику и экономику, рожда-

ется на фоне еще более масштабного феномена – возникновения элементов глобальной культуры. Последнее привносит с собой не только новое миропонимание, но и очевидное беспокойство за те ценности и культурные свершения, которые еще недавно казались если не вечными, то, во всяком случае, долговечными.

XXI век, как отмечает Е. И. Зеленев, – это, прежде всего, век глобального геокультурного синтеза, межкультурных коммуникаций, тотального обмена не только информацией, но и богатейшим опытом этнокультурного бытования, который, следуя библейской мудрости, можно назвать веком «собираания камней». Жизнь в XXI в. зависит от того, насколько успешным окажется междисциплинарный и, шире, геокультурный синтез, насколько удачно будут собраны камни.

Рассматривая гуманитарный научный образ мира, автор убедительно показывает, что это не расхожее публицистическое понятие, а научная категория. В первых трех главах монографии делается попытка (на наш взгляд, весьма успешная) взглянуть на этот феномен с позиций лингвиста, психолога и историка. Каждая из трех вышеназванных наук рассматривает образ мира как едва ли не важнейший элемент духовной культуры человека. Однако, действуя порознь, эти науки оказываются неспособны прийти в этом вопросе к универсальным обобщениям. Е. И. Зеленев полагает, что такой уровень обобщений сегодня под силу востоковедению, которое представляет собой надотраслевую науку и потому способно преодолеть междисциплинарные границы, оснатив исследователя максимально возможным набором научных методик.

Господствующий сегодня в сознании большинства людей на Земле образ мира имеет локальный характер. Он рожден в границах этнической идентичности, главные характеристики которой принадлежат языку, религии и истории.

Взаимодействуя друг с другом, язык, религия и история формируют определенный тип сознания, который в последние десятилетия чаще всего связывают с понятием цивилизации. Понятие «цивилизация», рожденное в лоне европейской мысли, прочно вошло в ментальное сознание многих восточных сообществ, обретя там собственную локализованную (основанную на местных традициях) сущность. Идеи-образы цивилизации, пространственной и регионально-цивилизационной парадигм исследования, культуры, геокультуры и прочего, как нам кажется, играют важную роль в формировании современной востоковедной научной парадигмы. Их объединяет то, что наряду с феноменологическим содержанием они таят в себе пространственную составляющую. Современное востоковедение – это междисциплинарная интегрирующая наука, ставящая задачу изучать в максимально широком феноменологическом спектре многообразие искусственных форм и социально обусловленных моделей поведения, творческой деятельности и уровней развития социумов преимущественно азиатско-африканского пространственного ареала, рассматривая их социокультурное бытование в контексте научной парадигмы глобального взаимодействия культур и цивилизаций.

Действительно, скорее всего, именно понятие «цивилизация» в наибольшей степени определяет реальные границы, разделяющие человечество на огромные геокультурные массивы. Напомним в связи с этим работу С. Хантингтона с весьма показательным названием «Столкновение цивилизаций», вышедшую в 90-е годы прошлого века сначала в формате статьи, а затем и монографии. В них американский политолог и социолог предсказывает, что уже в недалеком будущем империи-цивилизации вступят в борьбу за передел мира (как это прежде делали государства-нации), а победители, если они, конечно, вообще останут-

ся, поведут бескомпромиссную борьбу за мировое господство. Причина столь безрадостного прогноза состоит в том, что цивилизации не имеют стабильных границ и в идеале стремятся к безграничному господству (с. 292–294). В итоге рождается тезис о том, что цивилизации вовсе не являются вершиной культурного развития человечества, а играют роль своеобразного ингибитора-стабилизатора культурных процессов.

Понятие «диалог цивилизаций», введенное в научный оборот экс-президентом Ирана Мохаммадом Хатами в 2001 г., едва ли может стать реальным обоснованием межкультурной гармонии: все существующие цивилизации XXI в. нацелены на выживание, а значит, не готовы к самопожертвованию.

По мнению автора монографии, выход из теоретического, а в практическом смысле и политического тупика «столкновения цивилизаций» возможен только благодаря следованию путем реализации другого, не конфликтного развития культуры. Его идейным обоснованием может служить понятие «геокультуры» и производное от него понятие «геокультурных полей». Суть предлагаемого подхода состоит в том, чтобы искать альтернативы ныне существующим цивилизационным формам развития культуры, которые неизбежно ведут к политическим моделям имперского типа.

Альтернативный путь, по мнению автора, состоит в создании концепции гуманитарного научного образа мира, культурных кодов, кодовых понятий, ключевых слов, концептуальных универсалий и геокультурных образов. Это позволяет надеяться, что конвергентный путь культурогенеза одержит верх над дивергентным и откроет дорогу к миросистеме на основе гуманитарного научного образа мира (с. 288).

В целом же теоретические выводы автора звучат новаторски, а изложенная в монографии информация обширна и многообразна. Блестящая востоковедная подготовка позволяет профессору Зеленеву, специалисту по арабскому Востоку, делать смелые сравнительные сопоставления с китайскими и тюркскими сюжетами. Ряд глав монографии посвящен изучению конкретных религиозных и этических систем современности – буддизму (ламаистского направления), православию, иудаизму, исламу, протестантизму и конфуцианству. Эти главы интересны и как часть авторской концепции, они могли составить основу отдельной монографии. Предложенный же автором в конце исследования Тезаурус ключевых слов и концептуальных универсалий важнейших мировых религиозных и морально-этических систем в контексте основных параметров образа жизни представляет собой инструмент переформатирования многих современных культурных реалий.

Штудирова монографию автора, невольно вспоминаешь его – тогда еще аспиранта – блестящие лекции, читаемые нам – студентам Восточного факультета ЛГУ имени А. А. Жданова. Некоторые его идеи, как мне сейчас представляется, уже тогда явились основой будущих его трудов. Так случилось, что на протяжении всей нашей учебы профессор Е. И. Зеленев был оппонентом всех моих курсовых работ, а также дипломной, на титуле которой стоит его подпись с оценкой.

В заключение хочется отметить, что в изданной монографии профессора Е. И. Зеленева, особенно ярко проявился его талант мыслителя и историософа. Его работа заслуживает самого пристального внимания и изучения не только со стороны востоковедов, но и широкого круга научной общественности.

УДК 94(571.54)

М. Н. Балдано, О. В. Бураева
РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ – 90 ЛЕТ

M. N. Baldano, O. V. Buraeva

THE 90TH ANNIVERSARY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

23–24 мая 2013 г. в г. Улан-Удэ состоялась научная конференция, посвященная 90-летию Республики Бурятия. Организаторы конференции – Правительство, Народный хурал Республики Бурятия и Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

В конференции были представлены восемь регионов России, научные учреждения Монголии и Китая, приняли участие руководители учреждений науки, сферы экономики и культуры; научные и научно-педагогические кадры академических и высших учебных заведений, докторанты и аспиранты из различных регионов России (участниками конференции стали представители Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Якутска, Абакана, Кызыла, Уфы, Элисты, Минусинска, Читы, Улан-Удэ), Монголии (Улан-Батора, Дархана) и Китая (Пекина, Хух-Хото).

Работу конференции освещали представители средств массовой информации: телеканалы «Ариг Ус», «Тивиком», ВГТРК-Бурятия, Бурятское радио, газеты «Бурятия», «Информ Полис».

Участники конференции имели возможность ознакомиться с тематической выставкой «Республике Бурятия – 90 лет (1923–2013)», подготовленной Музеем БНЦ СО РАН (директор д.и.н., доц. С. В. Бураева). В десяти разделах выставки представлена экономическая, общественно-политическая и социологи-

турная жизнь региона в исторической динамике – от образования республики в 1923 г. до сегодняшних дней. В материалах выставки – редкие фотографии из архивных фондов (ГАРБ и ЦВРК), архивные документы, материалы газет Бурятии разных лет.

На торжественном открытии конференции в зале заседаний Правительства Республики Бурятия с приветственными словами к участникам конференции обратились заместитель председателя Правительства республики В. Э. Матханов, заместитель председателя Народного хурала Республики Бурятия Ц. Б. Батуев, вице-президент Академии наук Монголии Т. Дорж.

Затем прошла церемония награждения юбилейной медалью к 90-летию Республики Бурятия крупных специалистов в области монголоведения, внесших значительный вклад в изучение истории Бурятии, ее политической, социально-экономической и культурной роли в мировой истории – директора Института истории СО РАН, чл.-кор. РАН В. А. Ламина; главного научного сотрудника-консультанта отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, д.и.н., проф. М. И. Гольмана; ректора Иркутского института повышения квалификации работников образования, д.и.н., проф. Л. М. Дамешека; президента Академии наук Монголии, академика Батболдийн Энхтувшина; вице-президента Академии наук Монголии, академика

БАЛДАНО Марина Намжиловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: histmar@mail.ru.

БУРАЕВА Ольга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: olgaburava@mail.ru.

Тувдийн Доржа; советника Главного архивного управления Монголии, доктора исторических наук, профессора Чулууний Дашдаваа; ученого секретаря Института истории АН Монголии, д-ра Норовсамбуугийн Хишигт; председателя Бурятского научного центра, директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, чл.-кор. РАН Б. В. Базарова.

Работа конференции началась с пленарного заседания, на котором с докладом «Республике Бурятия – 90 лет» выступил доктор исторических наук, чл.-кор. РАН Б. В. Базаров. Затем были заслушаны доклады председателя Комитета по делам архивов РБ, д.и.н. А. А. Елаева «Трансформация бурятской национальной автономии в субъект федерации в XXI веке»; ректора ИПКРО (Иркутск), д.и.н., проф. Л. М. Дамешека «Агинский и Усть-Ордынский бурятские округа как составная часть этнической Бурятии»; проф. Ч. Дашдаваа (Улан-Батор, Монголия) «Роль бурятских национальных демократов в становлении государственности монгольских народов»; д.и.н., проф. Бурятского государственного университета К. Б.-М. Митупова «Моделирование государственности во Внутренней Азии: к 90-летию со дня образования Республики Бурятия».

Докладчики подняли актуальные для современной России вопросы государственного строительства, модернизационного развития, выявили факторы социально-экономического развития российских регионов.

Секционные заседания прошли в 5 секциях. В рамках конференции состоялось два «круглых стола». На конференции выступили 111 участников, 18 приняли участие в работе «круглых столов». Кроме того, было представлено 60 стендовых докладов.

В секции «Национально-государственное строительство» (рук-ль – д.и.н., проф. Л. В. Курас, д.и.н., проф. В. Н. Тугужекова; секретарь – к.и.н.

В. Ю. Башкуев) были представлены доклады, хронологически относящиеся к трем периодам: дореволюционному, советскому и постсоветскому. В ходе дискуссий были обсуждены проблемы постсоветского развития государственности Бурятии, Хакасии и Тывы, межнациональных отношений в субъектах РФ, формирования региональной политики, политических и социально-экономических отношений центра и регионов. В работе секции приняли участие первый Президент РБ, доверенное лицо Президента РФ В. В. Путина д.э.н. Л. В. Потапов и доверенное лицо Президента РФ В. В. Путина д.полит.н., проф. Э. Д. Дагбаев.

Некоторые из вопросов, поднятых докладчиками, касались проблем национальной кадровой политики, свободных выборов и назначения глав субъектов регионов, политической традиции смены власти в республике. Прения развернулись вокруг докладов д.и.н., проф. В. Н. Тугужековой о национально-государственном строительстве в Хакасии и докладов к.и.н. В. П. Барабаш и д.и.н., проф. В. Д. Дугарова.

Всекции «Социально-экономическая и культурная модернизация национальных районов Сибири: исторический опыт и современные проблемы» (рук-ль – д.и.н., проф. М. Н. Балдано, д.и.н., проф. К. Б.-М. Митупов; секретарь – к.и.н. С. В. Балдано) были рассмотрены основные проблемы социально-экономической и культурной модернизации национальных районов Сибири – Бурятии, Тывы, Хакасии – в исторической ретроспективе. Участники отметили необходимость расширения методологической базы исследований, усиления антропологических и социологических подходов в исторических исследованиях, что позволит связать концептуальные разработки с повседневной жизнью реальных людей.

В подсекции 1 секции «Этнокультурные процессы в Бурятии» (рук-ль – д.и.н., доц. О. В. Бураева, д.ф.н., доц.

Л. С. Дампилова; секретарь – к.и.н. Б. З. Нанзатов) тематика представленных докладов была разнообразной – этнография бурят, эвенков, старообрядцев, сойотов, якутов; лексикология и фольклор монголоязычных народов, русского населения региона, этносоциология, социолингвистика. Обсуждены такие проблемы, как диалог культур в полиэтническом обществе, национальная политика, культурные связи монгольских народов, современное развитие этносов Сибири, Монголии и Китая, существование, развитие и диалектные особенности бурятского языка, мотивы дружбы народов в фольклоре. Особый интерес вызвали доклады к.и.н. В. Б. Игнатьевой, д-ра О. Самбуудоржа, Г. А. Дырхеевой, Б. С. Дугарова, Б. З. Нанзатова.

В подсекции 2 секции «Этнокультурные процессы в Бурятии» (рук-ль – д.филос.н., проф. С. Ю. Лепехов, секретарь – к.филос.н. Д. В. Аюшеева) доклады были посвящены современным верованиям монголов, традиционным и нетрадиционным религиям Бурятии и Монголии, религиозным буддийским деятелям, современной религиозной ситуации в Монголии и Бурятии.

Интерес участников вызвала дискуссия о методологических подходах к изучению философии буддизма, в частности о соотношении конфессиональных и светских подходов. Была поднята проблема места и значимости философии в религиозной системе буддизма, и участники пришли к выводу, что философия является неотъемлемой и необходимой частью этой системы. Среди обсуждаемых проблем большое внимание уделялось религиозным представлениям в современной Монголии и Бурятии, проблемам веры и религиозности, деятельности религиозных объединений в Бурятии и Монголии, межконфессиональным взаимодействиям, взаимоотношению церкви и государства. Были также рассмотрены вопросы буддийского медицинского образования, формирования монастырского образования в Бурятии.

Тематика представленных докладов в секции «Современная Бурятия в стране и мире» (рук-ль – д.и.н., доц. Л. В. Кальмина; д.полит.н., проф. Э. Д. Дагбаев; секретарь – к.соц.н. В. Г. Жалсанова) была довольно широка: социальная структура современной Бурятии, духовно-нравственное состояние общества, особенности самоорганизации общества, в т. ч. общественного самоуправления. Были обсуждены следующие проблемы: развитие этносов в условиях модернизации и глобализации, проблема идентичности, патриотизм в современном обществе. Состоялась развернутая дискуссия о том, насколько возможно сохранение этничности в условиях глобализации.

В рамках конференции состоялись два «круглых стола»: «Базар Барадин – выдающийся политический и общественный деятель бурятского народа» (рук-ль – д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова; секретарь – к.и.н. Б. Д. Цыбенков) и «Элбек-Доржи Ринчино в истории национально-демократического движения монгольских народов» (рук-ль – д.и.н., проф. Л. Б. Жабаева; секретарь – к.и.н. Д. В. Цыбикдоржиев). Заседание первого «круглого стола» было посвящено обсуждению проблем исторического опыта социально-культурной модернизации, просвещения и культуры Бурятии в 1920–1930-е гг., роли Б. Барадина в общественно-политической жизни республики и становлении академической науки Бурятии. Живую дискуссию вызвали вопросы о времени встречи Хори Бабучи-баатара и Тойн-Гуши; о государственности Республики Бурятия; о позиции дацанского духовенства по отношению к бурятской автономии; о грифе секретности на письмах бурятских деятелей первой половины XX в. Был поднят вопрос о необходимости продолжения работы по созданию электронного персонального указателя «Базар Барадин».

На втором «круглом столе» были обсуждены такие проблемы, как роль Э.-Д. Ринчино в становлении бурятской и монгольской государственности,

государство и национальная государственность в общественном дискурсе современной Бурятии, терминология бурятского автономистского движения 1917–1919 гг. и вопрос о фактическом существовании бурятской национальной государственности. Вниманию участников «круглого стола» была представлена электронная презентация «Документы о деятельности Э.-Д. Ринчино из фондов ГАРБ» (д.и.н. В. Ц. Лыскова).

Участники конференции имели возможность ознакомиться с тематическими выставками – «Республике Бурятия – 90 лет (1923–2013)», подготовленной Музеем Бурятского научного центра СО РАН (директор – д.и.н., доц. С. В. Бураева); «Б. Б. Барадин: жизнь и творчество», подготовленной Центром восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (д.и.н., проф. Ц. П. Ванчикова, д.и.н.

С. В. Бураева), на которых была представлена экономическая, общественно-политическая и социокультурная жизнь региона в исторической динамике – от образования республики в 1923 г. до сегодняшних дней и редкие архивные документы из личного архива Б. Б. Барадина.

Участники научной конференции и «круглых столов» приняли решение продолжать работу по изучению различных аспектов национально-государственного строительства в контексте социальной модернизации, глобализации, евразийской интеграции. Была отмечена необходимость расширения методологической базы, усиления антропологических и социологических подходов, междисциплинарности исследований, углубления изучения источников по истории и культуре народов Центральной и Восточной Азии.

УДК 811.512.3

Е. В. Сундueva

ПРОЕКТ «РАЗРАБОТКА КОРПУСА
МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА» В БУРЯТИИ

E. V. Sundueva

THE “DEVELOPMENT OF THE MONGOLIAN LANGUAGE
CORPORA” PROJECT IN BURYATIA

С 8 по 27 августа 2013 г. группа ученых из Академии социальных наук Внутренней Монголии КНР по приглашению ИМБТ СО РАН находилась в Республике Бурятия с целью записи диалектов бурятского языка. Группу возглавлял главный научный сотрудник отдела монгольского языкознания Академии социальных наук АРВМ КНР, лексикограф, доктор Д. Баатар. Также в

нее входили сотрудники отдела: ойратовед, доктор Сюхуа, социолингвист, магистр Бурэнбилиг и фонетист, магистр Кайхуа. В рамках проекта «Разработка корпуса монгольского языка» («Монгол хэлний материалын хөмрөг байгуулах инженеринг») на протяжении 9 лет ими проводится колоссальная работа по фиксации разговорной речи монголоязычных народов. По мнению Д. Баатара, в

монгольском языке возможно выделение восьми диалектов: баргутский, бурятский, харчинский, хорчинский, чахарский, ордосский, халхаский и ойратский.

Экспедиции в разные районы проживания монгольских народов учеными предпринимаются ежегодно. Так, в 2005–2012 гг. были осуществлены записи в восьми провинциях и автономных районах Китая: Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян, Цилинь, Ляонин, Хэбэй, Ганьсу, Циньхай и Синьцзян. Количество информантов составило 6100 чел., записано 3826 часов. С 6 июня по 8 июля 2013 г. группа побывала в Хубсугульском, Убсунурском, Убурхангайском аймаках Монголии (273 информанта, 138 часов), проект планируется завершить в октябре поездкой в Республику Калмыкия РФ.

В Республике Бурятия было опрошено 159 информантов (из них 73 в г. Улан-Удэ), продолжительность записи составляет 107 часов. Предприняты экспедиции в 5 районов Бурятии: Баргузинский (в сопровождении д.ф.н., зав. отделом языкоз-

нания ИМБТ СО РАН Е. В. Сундуевой, к.ф.н., в.н.с. Г. Н. Чимитдоржиевой), Еравнинский, Селенгинский (в сопровождении Е. В. Сундуевой); Мухоршибирский (в сопровождении д.ф.н., с.н.с. Л. Б. Бадмаевой, к.ф.н., с.н.с. Ц. Ц. Балжинимаевой); Иволгинский (в сопровождении к.ф.н., с.н.с. Б. Д. Цыренова).

Переданный отделу языкознания ИМБТ СО РАН материал, безусловно, послужит основательной базой для проведения исследований в области фонетики, разговорного синтаксиса, для составления диалектного словаря бурятского языка. Также он будет полезен этнографам, историкам, культурологам и фольклористам. Хотелось бы отметить активное участие научных сотрудников не только Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, но и всего Бурятского научного центра в проведенной работе и поблагодарить их за поддержку проекта.

УДК 94(515)

С. Ю. Лепехов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУГЛАН ТИБЕТОЛОГОВ
В УЛАН-БАТОРЕ

S. Yu. Lepekhov

THE INTERNATIONAL SUGLAN OF TIBETOLOGISTS
IN ULAANBAATAR

21 –27 июля 2013 г. в столице Монголии Улан-Баторе состоялся XIII семинар Международной ассоциации тибетологических исследований. Со словом «семинар» у большинства ассоциируется что-то достаточно компактное как по тематике, так и по составу участников. Так поначалу действительно и было, но семинар, самый крупный из всех ранее проводившихся, правильной было бы назвать Всемирным тибетологическим конгрессом, поскольку в его работе приняли участие 740 ученых из большинства развитых стран Европы, Америки, Азии. Точнее сказать сложно, так как организаторы, видимо по старой традиции «все всех знают» в программе не указывали ни должностей, ни званий, ни страны, ни научного учреждения. Могу только сказать, что были тибетологи из Великобритании, Франции, Германии, Норвегии, Дании, Нидерландов, Италии, Испании, Швейцарии, Чехии, Венгрии, США, Канады, КНР, Индии, Японии, Монголии. Сведения, разумеется, приблизительные. В действительности стран-участниц было больше. От России было заявлено не менее 27 докладов коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, Элисты, Кызыла, Красноярска. Из Бурятского научного центра Улан-Удэ была самая многочисленная делегация – 7 человек. Сразу хочу отметить, что к докладам российских участников отмечался повышенный интерес. Все докла-

ды собирали большую аудиторию, вызывали многочисленные вопросы, дискуссию, в которой приняли участие такие признанные мэтры, как Роберт Турман из Колумбийского университета (США), Хильдегард Дьембергер из Кембриджа (Великобритания) и др. Международное признание высокого уровня российских исследований выразилось также в том, что четверо участников российской делегации были руководителями и соруководителями секций, из них двое – из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Работа семинара была организована в рамках 46 панелей и 17 сессий. Обсуждались самые различные проблемы истории, культуры, религии, философии, искусства, архитектуры, языка, литературы, письменности, политики, экологии, права, связанные с историческим прошлым и современным состоянием как самого Тибета, так и тибетологических исследований. Культурная программа помимо поездки в монастырь Гандан включала посещение музеев, национальной библиотеки, концертов академического ансамбля национальной песни и танца.

Семинар открылся пленарным заседанием. С докладом, посвященным тибетологическим исследованиям в Монголии, выступил вице-президент Академии наук Монголии академик Т. Дорж. Всеми российскими участниками было с

удовлетворением отмечено, что в докладе высоко оценивался вклад российских исследователей в становление и развитие тибетологии в Монголии. Также с докладами на пленарном заседании выступили: президент Национального университета Монголии, проф. А. Галтбаяр, глава монгольских буддистов, настоятель монастыря Гандан Текченлинг, Хамбо-лама габжу Д. Чойжамц, действующий на тот момент президент Международной Ассоциации тибетологических исследований, проф. Чарльз Рамбл. Во второй части пленарного заседания с докладом, посвященным истории монгольского буддизма, выступил профессор Национального университета Монголии Ш. Чойма, а президент международного семинара молодых тибетологов Калсанг Норбу Гурунг прочел доклад, посвященный деятельности этого семинара, дальнейшим планам и перспективам.

В конце работы семинара состоялись выборы президента Международной ассоциации тибетологических исследований. Взамен закончившего свою деятельность Чарльза Рамбла было предложено две кандидатуры – Церинг Шакья и Доржи Вангчуг. Большинство голосов был избран Церинг Шакья, представляющий университет Британской Колумбии (Канада).

Побывать на всех панелях и сессиях было, конечно, просто физически невозможно. Хотелось бы отметить состоявшиеся в первый день работы семинара презентации – коллекций тибетских манускриптов и ксилографов из коллекции музея Ц. Дамдинсурена в Улан-Баторе, проведенную А. Цендиной, и тибетских коллекций в Бурятии, организованную Н. Цыремпиловым. Большой интерес и дискуссию вызвал доклад Е. Тихоновой (Высшая школа экономики, Москва), посвященный аспектам распространения ламаизма в России. У некоторых оппонентов вызвал вопросы и возражение использованный в докладе термин «ламаизм». Докладчик аргументировала ис-

пользование этого термина как исторического, фигурирующего в документах того времени, которое рассматривалось в докладе. Основным направлением движения возрождения буддизма в России в начале XX столетия был посвящен доклад С. Нестеркина (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). Личность А. Доржиева в свете новых обнаруженных материалов рассматривалась в докладе Н. Цыремпилова (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). Положение буддизма на постсоветском пространстве обсуждалось в докладе главы буддистов Калмыкии Тело Тулку (Элиста). Докладчик отметил успехи развития буддизма в Калмыкии, подчеркнул, что у буддистов существует хороший диалог с представителями других конфессий, в особенности с РПЦ, отметил, что тибетцы в России не испытывают каких-либо притеснений, имеют возможность спокойно жить, работать, исповедовать свою религию. Значительный интерес у многих участников вызвал прекрасный доклад Р. Турмана (Колумбийский университет, Нью-Йорк), посвященный интерпретации Чандракирти «Гухьясамаджатантры». Ламрим как система буддийской философии и медитации согласно текстам Цонкапы и Пабонка Римпоче исследовался в докладе И. Урбанаевой (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ), сделанном на секции «Доктрины и философы», которой Ирина Сафроновна еще и руководила. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой принял участие и Р. Турман. Проблема истинно сущего, рассмотренная в сотериологическом аспекте поздних сутр Махаяны, обсуждалась в докладе Л. Янгутова, сделанном в рамках панели «Трансмиссия буддийской эпистемологии в Тибете и Монголии» (рук-ли: М. Гантуя и С. Лепехов). На этой же панели был заслушан доклад С. Лепехова, посвященный сравнительному анализу терминов «рупашарира», «дхармашарира», «праджня» и «татхагата-дхату-гарбха». Большой интерес аудитории вызвал доклад Хозе Кабезона,

посвященный философии Дзогчена. В докладе Н. Болсохоевой (ИМБТ СО РАН) рассматривалась жизнь и деятельность известного бурятского эмчи и астролога – Рингзина Самбу Данжинова (1826–1923) из агинского мамба-дацана. В докладе С. Кузмина (ИВ РАН, Москва) рассматривались исторические и правовые аспекты тибетской государственности.

Участникам семинара на заключительном итоговом пленарном заседании были представлены две заявки на про-

ведение следующего, XIV семинара от Франции и Норвегии. Выбор после тщательного рассмотрения должно сделать руководство ассоциации.

Прошедший семинар показал возросший уровень тибетологических исследований, расширившуюся географию научных центров, концентрирующих свои усилия на этой тематике, усилившуюся международную кооперацию в проведении многих проектов, среди которых вклад российской науки достаточно заметен.

УДК 001.32+94(571.54)

Л. В. Курас

ОТ КАПСАЛА ДО ТРИПОЛИ

К 50-летию доктора исторических наук Э. А. Николаева

L. V. Kuras

FROM KAPSAL TO TRIPOLI

Toward the 50th Jubilee of Doctor of Sciences in History

E. A. Nikolaev

Эдуард Афанасьевич Николаев в науку ворвался стремительно. Но, несмотря на блестящее образование, причем не только по советским, но и по меркам мировым (Восточный факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, кафедра истории стран ближнего и среднего Востока, специальность – история арабских стран), – ничто не предвещало научной карьеры.

Поскольку Эдуард постоянно говорит о Капсале (от бурятского хапсал – «теснина», «скала»), откуда его родители – Афанасий Федотович и Матрена Евдокимовна и где сейчас живет мама, я заинтересовался историей этого населенного пункта. Первое упоминание о Капсале относится к середине XIX в. Так, в Государственном архиве Республики

Бурятия (ГАРБ) имеются сведения о создании **Кудинско-Капсальской инородной управы**, которая была образована в 1839 г. (по другим сведениям в 1843 г.), когда буряты трех Буяновских и Алагуевского родов «отчислились из Кудинской степной думы и выделились в отдельную управу». Причиной они называли отдаленность их Капсальского улуса от Усть-Ордынской станции, где размещалась степная дума, что приводило к трудностям при судопроизводстве, дополнительным расходам на поездки за увольнительными билетами, за регистрацией заявлений и т. д. [1, д. 180, л. 19–26]. Головой управы стал Шистуй Маханов, выборным – Мойгу Малахаев [1, д. 181, л. 11–15].

Географическое положение Капсала – 15 км от Усть-Орды по Иркутскому тракту, справа ограничен скалой, а слева – рекой Куд. На тракте местные жители организовали своеобразный промысел – поджидали проезжих купцов... При этом к жизни они относились трепетно, понимая, что она от Бога, чего не скажешь о купеческом скарбе и наличности.

Вообще в этнической истории Бурятии имеется необъяснимое явление: одни населенные пункты явили миру много ученых (Нойхон), другие – военачальников (Кяхта), третьи – оперные голоса (Баргузин), четвертые – общественно-политических деятелей (Ага)

и т. д. В Капсале в этом плане ничего примечательного в истории села найти не удалось. Потом, беседа с Эдуардом, я узнал, что Капсал по-настоящему стал родиной уже после ухода отца на пенсию, который мечтал, выйдя на заслуженный отдых, заняться крестьянским трудом. А ранее Афанасий Федотович после окончания высшего учебного заведения много лет, и весьма успешно, преподавал физику в школе № 1 Усть-Орды, в которой долгие годы был директором и которая дала миру и ученых, и военных, и общественных деятелей. А будущий доктор исторических наук Эдуард Афанасьевич учился в этой же школе и по всему раскладу должен был стать физиком. Достаточно сказать, что он не просто прочитал, а проштудировал все книги по физике из уникальной библиотеки отца, которой могла бы позавидовать кафедра физики любого госуниверситета. Эту библиотеку Эдуард передал в родную школу. И вдруг решение поступать на философский факультет Уральского госуниверситета, куда потом, видимо к счастью, он не поступил – недобрал баллов. Кстати, в семье Николаевых довольно часто принимались нестандартные решения. Ну, хотя бы... как Эдуард стал Эдуардом. У бурят, как и у многих народов, существует культ почитания предков, откуда и происходят имена потомков, продолжателей рода. Уже в зрелом возрасте Эдуард поинтересовался у отца происхождением своего имени – в роду Эдуарды не значились. Все оказалось необычно и на редкость прозаично: Афанасий Федотович был, используя современную речевую терминологию, футбольным фанатом, а великий Эдуард Стрельцов был его кумиром.

Итак, образовался временной вакуум, который следовало заполнить, и Эдуард устроился размотчиком Усть-Ордынской типографии. Вообще я скептически отношусь к историческим параллелям, тем более – параллелям во времени. Но много десятилетий назад свою

трудовую деятельность в качестве рабочего-размотчика той самой типографии начинал будущий крупнейший социолог России и Европы, доктор философских наук, профессор Ленинградского университета А. О. Бороноев.

Попутно Эдуард продолжил занятия спортом, которым был увлечен еще со школы. И опять все не так, как у других. Глядя на его фигуру, невольно думаешь о штанге или о борьбе, но ничуть не бывало: он был кандидатом в мастера спорта по... шашкам. Это здорово помогло ему в последующие годы. Уже будучи студентом Ленинградского университета, когда зимой его сокурсники на колючем невском ветру топтали лыжню на Васильевском острове, Эдуард, сидя в тепле, двигая шашки и поминая добрым словом Н. В. Гоголя, произносил его бессмертные слова: «Давненько я шашечки в руки не брал».

В последующие годы жизнь складывалась не просто как в сказке, а это была сказка из «Тысячи и одной ночи». Сирия, Дамасский университет, студенческая стажировка. Затем работа в ливийской Джамахирии, в столице Триполи, референтом Главного инженерного управления Министерства внешнеэкономических связей СССР. Рассказы о том замечательном времени то и дело проскакивают в его воспоминаниях. Развал СССР не только перекроил политическую карту мира – он прошел по судьбам всех граждан великой империи.

Возвратившись домой, Эдуард Афанасьевич поступил в академию культуры, на кафедру философии, а в 2004 г. – в отдел философии, культурологии и религиоведения ИМБТ СО РАН. Особой тяги к науке тогда не было, нужно было выживать. Тем не менее, в 2003 г. Эдуард Афанасьевич защитил кандидатскую диссертацию по теме «Православие как фактор формирования духовно-нравственных основ личности» и, войдя во вкус, через три года защитил докторскую диссертацию по теме «Культурно-

исторические трансформации православия и ислама и общественный дискурс в России (XIX – начало XXI вв.)».

Имея блестящее образование и владея иностранными языками (английский, арабский, иврит), которые ему помогают в работе, сегодня он – ведущий религиовед республики. Ислам, православие, древлеправославие, иудаизм, философия истории, геополитика – это лишь немногие направления его научных интересов и поисков.

К сожалению, публикуется Э. А. Николаев нечасто. Отчасти это обусловлено характером работы заведующего организационным отделом, на который завязаны все знаковые мероприятия и вся грантовая политика Института. Кроме того, Э. А. Николаев блестящий лектор, востребованный практически во всех вузах города. Сегодня лишь студенты сельхозакадемии лишены возможности слушать его лекции. Все это требует времени. А еще он руководит аспирантами, является членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций при ИМБТ СО РАН, заместителем Председателя диссертационного совета по защите докторских диссертаций при ВСГАКИ, постоянным оппонентом по защите диссертаций в диссертационном совете при Иркутском государственном университете, заместителем редактора журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук», членом Совета по взаимодей-

ствию с религиозными объединениями при Главе Республики Бурятия.

Ну и, конечно же, важен характер ученого. Это, прежде всего, философско-критический настрой Э. А. Николаева к тому, что он делает сам, и к тому, чем занимаются коллеги. Как и блестящий литературный критик и философ В. Г. Белинский, публикаций у которого было немного, но который фактически сформировал философию русской литературы, Э. А. Николаев формирует этику научного поиска и этику научного общения. Кроме того, у него есть чувство перспективы той или иной научной проблемы. И самое важное – он не стесняется спросить, если чего-то не знает. Именно поэтому многие коллеги эксплуатируют эту его врожденную склонность, заведомо обрекая себя... на успех.

Что же отличает юбиляра от В. Г. Белинского, которого называли «неистовым Виссарионом», что сравнимо с фанатизмом? Именно отсутствие этого неистовства, которое претит нормальному человеку. И даже взглянув на фотографию Э. А. Николаева, можно отметить, что к жизни, и тем более к науке, он относится философски, т. е. с легкой долей здорового цинизма, юмора и даже сарказма. Это кредо настоящего ученого, которое соответствует блестящей формуле Петра Капицы: «Наука должна быть веселая, увлекательная и простая. Таковыми же должны быть и ученые».

С юбилеем! Будь здоров, дорогой!

Источники

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), ф. 1, оп. 1.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
СО РАН

Научный журнал
№ 3 (11)

Выходит 4 раза в год

Художник *Д. Т. Олоев*
Редактор *Е. И. Борисова*
Корректор *А. Е. Болонев*
Компьютерная верстка и макет – *Т. Н. Вахрушкина*

Редакционно-издательский отдел
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии
Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.

Подписано в печать 10.10.2013.
Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 200. Заказ № 75.